

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет

**МАТЕРИАЛЫ ФАКУЛЬТЕТСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ
ИМ. ПРОФЕССОРА Р.Е. ГУКАСЯНА
«ЗАЩИТА ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ
ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН»**

Тверь 2020

УДК 342.4(082)
ББК Х400.34я431
М-34

Ответственный за выпуск:
доктор юридических наук, доцент Н.А. Антонова

М-34 Материалы факультетских Научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – 162 с.

В сборник вошли научные статьи преподавателей юридического факультета Тверского государственного университета, подготовленные по итогам факультетских Научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан» (июнь 2020 г.)

В статьях, вошедших в сборник, исследуются вопросы защиты прав и охраняемых законом интересов в различных сферах. Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей юридических специальностей, а также специалистов практиков, занимающихся проблемами защиты прав и охраняемых законом интересов граждан.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Наука гражданского процессуального права гордится многими замечательными именами. Во многом тот гражданский процесс, который обеспечивает сегодня защиту прав, основан на исследованиях ученых XX века. К сожалению, не все из них смогли увидеть результаты своих научных исследований, воплощенные в законодательстве. И много идей, для которых, представляется, еще не наступило это время. Но эти идеи и положения составляют фундамент, обеспечивающий развитие научной мысли уже нескольких поколений ученых, и этот процесс продолжает развиваться.

Вероятно, можно составить своеобразное «генеалогическое дерево» для каждого ученого, где будут представлены не только его непосредственные ученики, но и все те, для которых его идеи послужили основой для научного поиска.

Для юридического факультета Тверского государственного университета таким родоначальником научной мысли является Гукасян Рафаэль Егишевич. Его научные идеи, конечно, живут и развиваются не только в Твери, они важны для всех представителей цивилистической науки в целом, но сам факультет как научное сообщество состоялся благодаря ему.

Сегодня исследование интереса как важнейшей правовой категории является совершенно обычным, более того, это один из главных критериев при решении самых различных вопросов и важнейший объект судебной защиты по многим делам. Но пятьдесят лет назад исследование проблемы интереса в гражданском процессе было в прямом смысле научным открытием. Рафаэль Егишевич рассмотрел через призму интереса все наиболее важные вопросы гражданского процесса.

Прежде всего так было показано значение и содержание основных принципов гражданского процесса. Принцип диспозитивности, являющийся основным для гражданского процесса, но так и не имеющий четкого нормативного закрепления, был раскрыт с позиций интереса. Сегодня в административном судопроизводстве закреплен принцип активности суда, но положения, характеризующие принцип активной помощи в защите права, в полной мере соответствуют ему.

Интерес как предмет судебной защиты, исследованный Р.Е. Гукасяном, имеет особое значение при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений, поскольку признается приоритет защиты интересов ребенка.

Определение состава и характера лиц, участвующих в деле, исходя из характера их заинтересованности, остается неизменным. И ряд проблем в этой связи, выделенных еще в те далекие годы, к сожалению, так и не находит полного решения. Это, например, относится к участию прокурора, различиям в его положении, когда он обращается в суд за защитой прав конкретного лица или непосредственно в государственных или общественных интересах. Вероятно, это тоже имеет свою положительную сторону, нам есть еще о чем размышлять и вносить предложения по совершенствованию законодательства.

Значительное место в исследованиях Рафаэля Егишевича занимает проблема мирового соглашения, которая сейчас, через пять десятилетий, приобрела особую актуальность. И, развивая теорию и практику примирительных процедур, следует опираться на положения, которые были обоснованы в те далекие годы. В частности, о содержании мировых соглашений, не ограничивая его взаимными уступками.

Соотношение материального и процессуального явилось направлением научных исследований большинства процессуалистов при изучении особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, что составляет тематику многих диссертационных исследований. Но еще не в полной мере действующее процессуальное законодательство отражает этот аспект. Можно утверждать, что это особенно применительно к делам, связанным с защитой прав и интересов детей.

Некоторые положения находят свое законодательное закрепление в наше время.

Так, Рафаэль Егишевич писал и о неразрывной связи подведомственности и подсудности, вот по сути это слияние и произошло, теперь в гражданском процессе есть только категория подсудности. И таких выводов и положений еще очень много.

Идеи Р.Е. Гукасяна определенным образом воплотились в работах его учеников и продолжают развиваться в самых различных научных публикациях, о чем свидетельствует уровень цитирования.

Рафаэль Егишевич оставил не так много опубликованных трудов, а каждая строчка в них имеет значение. Но его идеи содержатся не только в публикациях, но и в тех отзывах на диссертации, когда Р.Е. Гукасян был официальным оппонентом или просто решал откликнуться на чей-то автореферат. К сожалению, эти идеи и мысли хранят только архивы, но те, для кого он писал, помнят и используют их.

Вклад Рафаэля Егишевича в науку определяется еще и тем, что он был примером честного служения науке и доброжелательного отношения как к единомышленникам, так и к оппонентам. Его идеи, как «опорные сигналы», которые помогают видеть проблемы, достойные научных исследований.

Данный сборник статей содержит новое и современное исследование тех проблем, которые волновали Рафаэля Егишевича Гукасяна.

Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор,
зав. кафедрой судебной власти
и правоохранительной деятельности ТвГУ
Л.В. Туманова

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются процессуальные особенности рассмотрения дел, возникающих из трудовых правоотношений, в суде, анализируется место судебной защиты трудовых прав в системе способов защиты трудовых прав, приводятся статистические данные разрешения трудовых споров, а также определяются пути совершенствования трудового законодательства

Ключевые слова: судебная защита, трудовой спор, правонарушение, работник и работодатель, прокурор, статистика деятельности судов, доказывание.

Современное российское законодательство характеризуется бурным и динамичным развитием, что обусловлено объективной необходимостью урегулирования вновь возникающих или изменяющихся правоотношений и проблемами правоприменительной практики с одной стороны, а также стремлением законодателя к совершенству юридической техники с другой. Показательным в этом аспекте являются нормы ТК РФ [1], в который вносились изменения более 100 раз. Безусловно, отследить все новеллы и практику применения нормативных актов подчас сложно и специалистам в области юриспруденции, не говоря уже об обывателях. Вместе с тем сфера трудовых отношений охватывает максимальное количество субъектов и предполагает вовлеченность в процесс трудовой деятельности всего трудоспособного населения.

Классически наиболее уязвимой категорией в трудовых отношениях выступает работник. Это обусловлено как противоположностью имущественных интересов работников и работодателя, так и наличием организационно-распорядительной власти у последнего. Как следствие, труд работника и его права менее защищены. В большинстве случаев работники предпочитают терпеть возможные ограничения и нарушения трудовых прав, желая сохранить работу и нормальные отношения с работодателем. Такое пассивное поведение работников обуславливает безнаказанность работодателей и способствует еще большему несоблюдению трудового законодательства, обесценивая его значимость. Вместе с тем, ТК РФ предусмотрел много альтернативных способов защиты трудовых прав и свобод, в числе которых:

- самозащита работниками трудовых прав;
- защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами;
- государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- судебная защита.

Защита трудовых прав – это активная деятельность самого субъекта, который отстаивает свои права [10, с. 53]. В результате такой деятельности происходит не только восстановление нарушенного субъективного права, но и утверждение права в его объективном смысле. Практически все способы защиты предполагают вовлеченность самого работника в процесс восстановления нарушенных прав. В этом аспекте контрольно-надзорная деятельность органов государственной власти не может, да и не должна быть превалирующим способом защиты трудовых прав. Плановые проверки Государственной инспекции труда не достигают в должной мере цели восстановления нарушенных прав работников, поскольку проводятся не в связи с нарушением какого-либо субъективного права конкретного работника, а в целом в отношении работодателя. Кроме того, количество плановых проверок контрольно-надзорных органов ограничено объективными причинами, а для внеплановых проверок необходима активная позиция самого работника, выражающаяся как минимум в сообщении о нарушении права.

Выбор конкретного способа защиты трудовых прав должен зависеть не только от характера правонарушения, но и особенностей трудовой деятельности работника, личности работодателя, желаемых результатов работника. В научной литературе нередко акцентируется внимание на судебной защите как наиболее приемлемой а, следовательно, и более значимой форме защиты трудовых прав [6, с. 59]. Представляется, что данное утверждение не всегда верно, поскольку обращение в суд с иском к работодателю в последующем делает затруднительным продолжение трудовой деятельности у данного работодателя. Как следствие, обращение в суд возможно и более того оправдано, когда работник либо не планирует продолжать трудовую деятельность у работодателя, либо характер нарушения права напрямую связан с лишением возможности трудиться.

Еще одним фактором, влияющим на выбор способа защиты трудовых прав, является механизм и сроки восстановления нарушенного права. Например, в случае поручения работнику работы, обусловленной трудовым договором или работы, непосредственно угрожающей жизни и здоровью, достаточно отказаться от ее выполнения, используя самозащиту. Обжаловать дисциплинарное взыскание в связи с его несоразмерностью или нарушением процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности можно в КТС, без обращения в суд. А о нарушении правил техники безопасности при производстве работ лучше сразу сигнализировать в контрольно-надзорные органы власти. В судебном порядке необходимо рассматривать трудовые споры, разрешение которых не представляется возможным с помощью других способов в силу прямого указания в законе либо с учетом сложившихся фактических обстоятельств дела.

Постепенно работодатели осознают необходимость соблюдения трудового законодательства и трудовых прав работников, создания надлежащих условий труда и благоприятного трудового климата в организации. Способствует этому и превентивная деятельность государственной инспекции труда, выражающаяся в разъяснительной работе и формировании правовой культуры участников

трудовых отношений. Вследствие чего в последние годы наметилась тенденция по сокращению количества судебных дел, вытекающих из трудовых правоотношений:

Рис. 1 Количество дел, рассмотренных федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями за 2014-2019 гг.

В тоже время анализ статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 г. [9] позволяет сделать ряд выводов:

1. Инициатором судебных разбирательств зачастую выступает прокурор в связи с выявленными правонарушениями, что еще раз подтверждает пассивность работников и неверие в возможность восстановления своих прав, в том числе в судебном порядке. В частности, в 2016 году 47,4 % дел были приняты к производству в связи с обращением прокурора, в 2017 году этот показатель составлял 41,6 %, в 2018 г. – 46,6 %, Сохранилась данная тенденция и в 2019 году практически на том же уровне – 43 %.

2. Самая распространенная категория дел, с которой сталкивается суд, связана с оплатой труда, в частности из 346 904 дел, поступивших в судебные органы в 2019 году, 288 469 дел об оплате труда. Большинство из них касались бесспорных требований о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы работнику, что обусловило возможность вынесения 220 724 судебных приказов (76,5% дел об оплате труда).

3. Размеры исковых требований в большинстве дел не превышали 50 000 рублей, что определяло возможность обращения к мировому судье или разрешение споров в порядке упрощенного производства.

Рис. 2 Размеры исковых требований по делам, разрешенным в 2019 г.

4. Как правило, суды встают на защиту прав работников и удовлетворяют заявленные исковые требования. В частности, с учетом рассмотренных в 2019 году 326 666 дел, вытекающих из трудовых правоотношений, исковые требования были удовлетворены по 300 940 исковым заявлениям (92 % случаев). Косвенно, это может свидетельствовать о том, что работники обращаются в суды, когда характер правонарушений бесспорен. В то же время количество удовлетворенных исковых требований не соотносится с их размером. В частности, сумма заявленных исковых требований по трудовым спорам за 2019 год составила 44 884 701 255 рублей, а сумма удовлетворенных - 16 568 214 139, то есть 36, 9 %. Имущественные затраты на организацию судебного процесса по разрешению трудовых споров весьма существенны, в частности судебные расходы участников процесса составили 387 847 534 рублей, в том числе госпошлина - 254 814 788 рублей и судебные издержки - 133 032 746 рублей. В этом контексте представляется целесообразным использовать механизм мирного урегулирования спора с участием посредника (процедуры медиации). Всего за 2019 год путем проведения мирного урегулирования (медиация) разрешено 50 дел. Использование процедуры медиации позволит не только сократить судебные расходы, разгрузить суды, но и обеспечить исполнение принятых решений, учитывающих интересы работника и работодателя и сохранить доброжелательные отношения.

5. Профессиональный труд и работа являются одной из глав сфер жизнедеятельности человека, а заработная плата работника – основным источником дохода. Как следствие, максимально быстрое разрешение трудовых споров является весьма важным. Судебные органы ориентированы на строгое соблюдение процессуальных сроков разрешения трудовых споров, вследствие чего только

5607 дел были рассмотрены за пределами сроков, установленных ГПК РФ, что составляет менее 2 % от общего количества рассмотренных дел.

Таким образом, обращение в суд для работника - исключительная мера защиты трудовых прав, применение которой обусловлено невозможностью их восстановления иным способом.

Использование судебной защиты трудовых прав предполагает необходимость учета процессуальных особенностей рассмотрения данной категории дел.

Во-первых, законодатель предусмотрел сокращенные сроки как для обращения в суд по спорам, вытекающим из трудовых отношений, так и для их непосредственного разрешения. В частности, ст. 392 ТК РФ предусматривает общий трехмесячный срок для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора с момента, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Кроме того, для отдельных требований устанавливаются специальные сроки:

- обжалование решения КТС – 10 дней со дня вручения копии решения;
- по спорам об увольнении – месяц со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки или со дня предоставления работнику в связи с его увольнением сведений о трудовой деятельности у работодателя по последнему месту работы;
- по спорам о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику – один год со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе в случае невыплаты или неполной выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику при увольнении;
- по спорам о возмещении вреда, причиненного работником работодателю – один год со дня обнаружения причиненного ущерба.

В свою очередь ГПК РФ [2], устанавливая общий двухмесячный срок разрешения дел в судах первой инстанции, для споров, связанных с восстановлением на работе, предусмотрел срок в один месяц. Наличие сокращенных сроков по данной категории дел представляется обоснованным и в большей степени отвечающим интересам работника, поскольку длительный характер нарушения трудовых прав и их последующей защиты создает существенные материальные убытки.

Во – вторых, вопросы родовой и территориальной подсудности в отношении дел, вытекающих из трудовых правоотношений, также обладают спецификой. Трудовые споры отнесены ГПК РФ [2] к компетенции судов общей юрисдикции. В свете последних изменений процессуального законодательства, необходимо оговориться о невозможности разрешения данных споров в рамках третейского разбирательства. Представляется, что механизм мирного урегулирования споров, в том числе возникающих из трудовых правоотношений, на сегодняшний день недооценен в полной мере как с точки зрения законодательства, так и практики применения. Отсутствует последовательность использования альтернативных методов урегулирования споров и примирительных процедур. Вследствие чего, остается непонятной позиция законодателя, допустивше-

го применение процедуры медиации для трудовых споров, но не третейского разбирательства соответствующей категории дел. С учетом родовой подсудности практически все трудовые споры разрешаются в районном суде. Мировой судья разрешает в качестве суда первой инстанции только дела в порядке приказного производства по требованиям о взыскании начисленных, но невыплаченных работнику сумм заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и иных сумм, причитающихся работнику. Дела же о признании забастовки незаконной подсудны верховным судам республик, краевым, областным судам, судам городов федерального значения, судам автономной области и автономных округов. Правила территориальной подсудности также в большей степени отвечают интересам работника, предоставляя ему право выбора для обращения с исковым заявлением в суд по месту жительства (адресу организации) ответчика, по месту жительства истца, а также по месту исполнения трудового договора.

Третья особенность касается освобождения работника от судебных расходов. Однако, работники освобождены от уплаты государственной пошлины и несения иных судебных расходов только в том случае, если они выступают в процессуальном статусе истца. Если же работник выступает ответчиком и требования работодателя судом удовлетворены, судебные расходы могут быть взысканы с работника по общим правилам ст. 98 ГПК РФ.

В качестве сложившейся закономерности, присущей судебным делам по разрешению трудовых споров, можно назвать участие в процессе прокурора, которое может быть как обязательным (при рассмотрении дел о восстановлении на работе), так и факультативным (при рассмотрении иных трудовых споров). Обращаясь в суд с иском, прокурор остается, органом, осуществляющим надзор, вследствие чего предъявление иска выступает способом пресечения правонарушений, защиты прав и охраняемых законом интересов [5, с. 98-99]. В то же время в таких случаях прокурор пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, что однако не исключает участие в процессе самого работника, чьи права нарушены. Кроме того, «множественность лиц» в процессе может быть обусловлена и подачей групповых исков, что стало возможным с 1 октября 2019 года. Как правило, нарушения трудовых прав работников носят массовый характер. Вследствие чего институт групповых исков позволяет с одной стороны обеспечить защиту и восстановление нарушенных прав большого круга лиц в рамках одного процесса, а с другой - исключить противоречия в судебной практике.

Особенностью судебного доказывания по делам, возникающим из трудовых правоотношений, является неравномерное распределение бремени доказывания. Не отменяя общего правила, предусмотренного ст. 56 ГПК РФ о том, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, законодатель возложил обязанность по доказыванию большинства юридических фактов в трудовых правоотношениях на работодателя, в частности:

- наличие обстоятельств, делающих невозможным заключение трудового договора с работником на неопределенный срок, при рассмотрении дел о незаконности заключения срочного трудового договора;

- наличие обстоятельств, с которыми закон связывает возможность перевода, при рассмотрении дел о незаконности временного перевода работника на другую работу без его согласия;

- представление доказательств, подтверждающих, что изменение определенных сторонами условий трудового договора явилось следствием изменений организационных или технологических условий труда, при рассмотрении дел о восстановлении на работе лиц, трудовой договор с которыми был прекращен по пункту 7 части первой статьи 77 Кодекса (отказ от продолжения работы в связи с изменением определенных сторонами условий трудового договора), либо о признании незаконным изменения определенных сторонами условий трудового договора при продолжении работником работы без изменения трудовой функции (статья 74 ТК РФ);

- наличие законного основания увольнения и соблюдение установленного порядка увольнения при рассмотрении дела о восстановлении на работе лица, трудовой договор с которым расторгнут по инициативе работодателя;

- факт совершения работником дисциплинарного проступка и учет тяжести проступка и обстоятельств, при которых он был совершен, при назначении дисциплинарного взыскания при рассмотрении дел об оспаривании дисциплинарного взыскания;

- представление доказательств, свидетельствующих о том, что работник может быть привлечен к ответственности в полном размере причиненного ущерба и на время его причинения достиг восемнадцатилетнего возраста при рассмотрении дел о возмещении причиненного работодателю прямого действительного ущерба в полном размере и др.

Более того в целях формирования единообразной судебной практики Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях [3, 4] прямо предусматривает какие обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного рассмотрения дел по искам работников в защиту трудовых прав, обязан доказать работодатель, тем самым определяя предмет доказывания.

Обстоятельства, входящие в предмет доказывания, должны быть подтверждены предусмотренными законом доказательствами [8, с. 14]. В рамках судебного рассмотрения трудовых споров предусмотрена возможность использования всех средств доказывания. Однако, с учетом сложившейся практики применения, участники процесса чаще всего апеллируют к письменным доказательствам. Не вызывает сомнений, что для работника получение письменных документов более затруднительно нежели чем для работодателя. Более того, «автором» и «держателем» большинства документов, оформляющих трудовую деятельность, является работодатель, что не исключает возможность их подмены, фальсификации и намеренной утраты. Такое процессуальное неравенство возможностей в вопросах сбора доказательств во многом может быть нивелировано содействием со стороны суда, вследствие чего в науке достаточно часто

звучат предложения об увеличении роли суда в процессе доказывания по трудовым спорам [6, с. 64, 7, с. 15].

С учетом фактических обстоятельств дела, трудовые споры могут разрешаться как в рамках искового производства, так и упрощенного производства, если цена иска не превышает 100 00 рублей, а также приказного производства, если речь идет о бесспорных требованиях, основанных на достоверных письменных доказательствах. Подтверждением этому являются статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год [9].

ТК РФ предусматривает нормы, определяющие особенности содержания и вынесения решения по трудовым спорам об увольнении и о переводе на другую работу, а также порядок исполнения таких решений. В частности, ст. 394 ТК РФ достаточно детально определяет, как надлежит действовать суду в случаях признания увольнения незаконным, формулировки основания и (или) причины увольнения неправильной или несоответствующей закону. Примечательно, что законодатель возлагает на суд, не свойственную ему обязанность по изменению формулировки увольнения, что находится в сфере ответственности работодателя. Вследствие чего, более оправданным было предусмотреть не обязанность суда менять не отвечающую законодательству формулировку основания и (или) причины увольнения, а право обязать работодателя на соответствующие действия. Кроме того, с точки зрения юридической техники в данной статье законодатель использует термин «суд» и «орган, рассматривающий индивидуальный трудовой спор», что представляется не оправданным, поскольку данная категория дел, подлежит разрешению исключительно судами.

В силу положения, закрепленного ст. 211 ГПК РФ и ст. 396 ТК РФ, решение суда о восстановлении на работе подлежит немедленному исполнению, что направлено на защиту и скорейшее восстановление прав работников. Как правило, при удовлетворении исковых требований о восстановлении на работе, суд также принимает решение о выплате работнику среднего заработка за все время вынужденного прогула. Примечательна в этом аспекте дополнительная гарантия, установленная ст. 397 ТК РФ о невозможности обратного взыскания с работника сумм, выплаченных ему по решению суда, даже отмененному в будущем.

Таким образом, специфические нормы, относящиеся к порядку разрешения трудовых споров, содержатся в источниках материального права и применяются с учетом общих норм процессуального законодательства. Учитывая сложность и разобобщенность судебной практики по трудовым спорам, высшие судебные инстанции дают необходимые разъяснения, направленные на выработку единообразных правил рассмотрения такой категории дел и надлежащую защиту трудовых прав. Вместе с тем, количество обращений работников в суд за защитой своих трудовых прав остается незначительным, что свидетельствует не только пассивности работников в вопросах защиты своих прав, но и исключительном характере такого способа защиты.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2020).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2020).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2020).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2020).
5. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
6. Князева Н.А. Особенности рассмотрения в суде дел, возникающих из трудовых отношений // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 59-68
7. Нестерова Т. А. Судебная реформа и защита трудовых прав // Трудовое право. 2004. № 8. С. 15.
8. Саликова Н.М., Батухтина Е.М. Процессуально-правовые особенности рассмотрения трудовых споров об оплате труда работников за работу в выходные и праздничные дни // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 5. С. 11-18
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.05. 2020).
10. Шуайпова П.Г. Правовые проблемы судебной защиты трудовых прав // Юридический вестник ДГУ. 2012. №1 С. 51-55.

Об авторе:

Алешукина Светлана Александровна - кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

PARTICULAR QUALITIES OF LEGAL PROTECTION OF LABOR RIGHTS

S.A. Aleshukina

Tver State University

The article examines the procedural features of the consideration of cases arising from labor relations in court, analyzes the place of judicial protection of labor rights in the system of methods of protection of labor rights, provides statistical data on the resolution of labor disputes, and identifies ways to improve labor legislation

Keywords: *judicial protection, labor dispute, offense, employee and employer, prosecutor, court statistics, evidence.*

About authors:

ALESHUKINA Svetlana - PhD, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

Алешукина С.А. Особенности судебной защиты трудовых прав // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 6–15.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩЬЮ

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти в условиях обновления конституционной модели местного самоуправления на примере обеспечения населения медицинской помощью.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная власть, права человека.

Предложенные Президентом Российской Федерации изменения российской Конституции во многом по новому определяют функционирование, как государственных институтов, так и институтов муниципальной власти.

Предполагаемая модернизация законодательства о местном самоуправлении является следствием изменения соотношения муниципального и государственного элемента в системе публичной власти.

Основоположник идеи возрождения местного самоуправления в современной России профессор Г.В. Барабашев, назвав местное самоуправление трудным дитя России, писал: «В почтенных западных демократиях потребовалось более полутора веков на то, чтобы закаленная в огне антифеодальных революций емкая формула: местное самоуправление есть власть местного населения в пределах местного значения, осуществляемая гражданами непосредственно и через выборные органы, в рамках закона, но без вмешательства центральной власти, - обросла плотью реальной практики...»

Что касается России, то здесь идее и практике местного самоуправления приходилось особенно туго» [2, с. 391]. Трудно местному самоуправлению и по сей день. Поскольку те изменения, которые перманентно вносятся в законодательство о местном самоуправлении, свидетельствуют об отсутствии у законодателя четкого представления о месте и роли местного самоуправления в современном государстве вообще, и в России, в частности. Особенно это проявляется в попытках модернизировать действующую Конституцию РФ в части организации местного самоуправления и его взаимодействия с государственной властью.

Ставя перед собой задачу, определить сущность взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, при условии понимания, что такое взаимодействие не может быть одинаковым для всех стран, следует найти те критерии, которые позволяют обозначить пределы действия местного самоуправления. В связи с этим уместным является обращение к работе М.И. Свешникова, в которой он ставит три группы основных вопросов местного самоуправления: компетенция, организация и контроль. Говоря о компетенции, он указывает: «...все вопросы местного самоуправления зависят от разре-

шения предварительно того вопроса, к чему призываются путем самоуправления местные жители: к заведыванию ли своими собственными делами или в участии в делах местной администрации» [9, с. 344]. От решения данного вопроса, по мнению М.И. Свешникова, зависит, будут ли органы местного самоуправления общественными учреждениями, независимыми от государственной власти, или будут рассматриваться как органы государства. Следующий по М.И. Свешникову вопрос – вопрос организации. «Различные начала этой организации, состав и отношение учреждений, ее составляющих между собою, должны быть рассчитаны на то, чтобы общество могло свободно проявлять свою самостоятельность» [9, с. 345]. Наконец, третьим вопросом является вопрос контроля, который, по мнению данного автора, является юридическим вопросом (в отличие от вопроса о компетенции как политического, и вопроса об организации как вопроса социальной стороны местного самоуправления) и предполагает определение юридических условий деятельности органов местного самоуправления.

На наш взгляд, названные группы вопросов и сейчас имеют актуальное звучание. Решение этих вопросов – компетенционная, организационная характеристика местного самоуправления, пределы государственного контроля за деятельностью органов местного самоуправления – являются основой формирования общего представления о месте местного самоуправления в системе публичной власти любого государства.

Нужно отметить, что природа местного самоуправления является предметом изучения уже не одного поколения ученых, исследующих данный институт в разных исторических условиях. Так, идея сильного местного самоуправления как основы развития самого государства высказывалась многими русскими авторами. Еще А.И. Васильчиков заметил, что от местного устройства «зависит весь склад...русской общественной жизни» [4, с. 523]. Рассуждая о сущности местного самоуправления, его соотношении с государственной властью, русский философ И.А. Ильин приходит к выводу, что «бюрократии центра должно соответствовать широкое...самоуправление» [5, с. 435].

Современный исследователь местного самоуправления Н.С. Бондарь, основывая свои взгляды на опыте конституционного развития, обращает внимание на то, что сама постановка вопроса в альтернативном варианте: «сильное государство – или сильное местное самоуправление» некорректна [3, с. 30], поскольку, заложенный в Конституции потенциал местного самоуправления должен реализовываться в интересах укрепления российской государственности [4, с. 63]. Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян, выступая против попытки противопоставить местное самоуправление государственной власти, подчеркивают: «...местное самоуправление – призванное в силу учредительной воли народа повсеместно обеспечивать удовлетворение жизненно важных потребностей человека по месту жительства и представительство интересов населения на внутри – и межмуниципальном, а также общегосударственном уровнях, - соотносится с системой государственности,

безусловно, входит с ее состав. Из этого вовсе не следует тождество местного самоуправления и государственной власти» [3, с. 33].

При условии реформирования Конституции РФ основополагающие принципы местного самоуправления, закрепленные в ст. 12 Конституции РФ, остались прежними. Два главных принципа, определенных указанной нормой Основного закона, являются фундаментом современного местного самоуправления. В бытность принятия Конституции РФ, и закрепления институтов власти, была признана, во-первых самостоятельность местного самоуправления в пределах его полномочий. Речь идет не об абсолютной самостоятельности, а только о самостоятельном осуществлении полномочий, которыми наделено местное самоуправление. И в тот период, когда принималась Конституция, никто не отделял местное самоуправление от государственной власти. Но без этого принципа невозможно было вообще реализовать идею местного самоуправления как формы осуществления власти. Это «конституционная фиксация недопустимости лишения местного самоуправления его собственных сущностных характеристик, как особой формы публичной власти» [3, с. 35]. Во-вторых, закреплен в ст. 12 Конституции и принцип, согласно которому органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Данный принцип является скорее не просто основополагающей идеей организации местного самоуправления, но и своего рода гарантией местного самоуправления, его существования без произвольного вмешательства органов государственной власти в дело самостоятельного осуществления полномочий местного самоуправления. «В своем узком толковании, т.е. как принцип повышенной защиты местного самоуправления в рамках административно децентрализованной системы государственной власти, эта формула выполнила свою задачу, обеспечив муниципальную власть компетенционной, экономической, организационной самостоятельностью в заданных государством границах» [7, с. 127]. Два главных принципа, закрепленных в главе Конституции, посвященной конституционным основам российского государства, составляют основу функционирования и развития местного самоуправления. И эта основа остается согласно Конституции неизменной.

При этом в Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» есть целый ряд положений, которые определяют по-новому природу местного самоуправления, его соотношение с государственной властью. По данному закону к полномочиям Президента как главы государства относится обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2 ст.80). В Конституции, таким образом, впервые может быть предусмотрено существование и функционирования *системы публичной власти*. Введение термина «публичная власть» принадлежит Конституционному Суду РФ, который в Постановлении от 10 июня 1998 г. № 17-П употребил понятие «уровни публичной власти».

Исследуется это понятие и в научных кругах. Так, В.Е. Чиркин определяет публичную власть как разновидность социальной власти, возникающей «в территориальных объединениях людей», имеющая «общий, общественный, а не частный характер. Это – территориальные публичные коллективы... Власть в таком коллективе предназначена сохранять и охранять коллектив» [11, с. 9]. Д.А. Кулагин рассматривает публичную власть как «совокупность общественных отношений, связанных с возможностью субъекта обеспечить подчинение воли объекта в целях реализации закрепленных правом общественных интересов» [8, с. 20]. В. К. Самигуллин пишет: «Публичная власть – разновидность социальной власти, нормативно-институционализированная, учреждения которой функционируют на конституционно-правовой основе, опираясь на доверие граждан, выраженное на выборах и референдумах, стремясь решать вопросы, которые важны для всех. Можно сказать так: содержание публичной власти определяется общими интересами, тем, что относится к общему благу, что необходимо всем и полезно для всех» [9, с. 240].

Предполагаемое закрепление в Конституции положения в соответствии, с которым органы государственной власти и органы местного самоуправления образуют единую публичную власть, получило развитие и в определении форм такого взаимодействия. Так, новой редакцией конституционного акта предусмотрен парламентский контроль в отношении органов местного самоуправления (Ст. 103.1). Согласно п. е.1 ст. 114 Правительство осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики. Если рассматривать отдельные элементы местного самоуправления, такие как территориальное общественное самоуправление, формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, общественные структуры при органах местного самоуправления, как соответствующие компоненты гражданского общества, которые непосредственно встроены в систему местного самоуправления, то это также может быть отнесено к формам взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления.

Согласно п. 1.1. ст. 131 новой редакции Конституции органы государственной власти получают возможность участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом.

Наряду с усилением государственного присутствия в местном самоуправлении, само оно получает дополнительные полномочия. Так, в соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции органы местного самоуправления наряду с иными вопросами местного значения и в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи.

Право на медицинскую помощь – одно из главных социальных прав личности. Согласно ст. 41 Конституции РФ «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муници-

пальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». Если рассматривать ч.1. ст. 41 в действующей редакции Конституции и ч.1 ст. 132 в предполагаемой (будущей) редакции Конституции в их взаимосвязи, следует сделать вывод о том, что в новой редакции Конституции, по сути, получила конституционное развитие норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 41. И здесь имеет место проявление принципа, закреплённого в ст. 18 конституционного акта России, согласно которой «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Следует подчеркнуть, что в новой редакции конституционного акта, не только развивается положение статьи 41 Конституции РФ, но и уточняются пределы действия муниципальных образований в сфере оказания медицинских услуг. Речь идет о том, что органы местного самоуправления (а поскольку конституционный текст не называет органы конкретных муниципальных образований, то следует полагать, что этот вопрос местного значения должен быть закреплён за всеми муниципальными образованиями) призваны обеспечить доступность медицинской помощи в пределах своей компетенции.

В этой связи следует предположить необходимость изменения действующего законодательства о местном самоуправлении. Надо отметить, что те изменения, которые на протяжении последних нескольких лет перманентно вносились в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» существенно сократили полномочия органов местного самоуправления в этой сфере. В первоначальной редакции Закона № 131-ФЗ за муниципальными органами двух типов муниципальных образований (городских округов и муниципальных районов) в данной сфере был закреплён значительный круг полномочий. Они включали: организацию первичной медико-санитарной помощи, скорой медицинской помощи (кроме санитарно-авиационной), помощи женщинам в период беременности, родов и послеродовой период и др. Однако в связи с принятием Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон № 323-ФЗ) и ряда других федеральных актов основная часть перечисленных полномочий с 2012 г. была передана субъектам Российской Федерации. К вопросам же местного значения муниципального района и городского округа по данному акту стало относиться только *создание условий для оказания медицинской помощи* населению на территории муниципального района (городского округа) в соответствии с территориальной программой государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи (ст. 17). При этом обеспечение условий означает принятие мер, позволяющих достичь и (или) сохранить обстоятельства, обстановку, необходимую для реализации, выполнения чего-либо [1, с. 90 – 92].

Вполне очевидно, что формулировка данного вопроса в действующей редакции Федерального закона № 131-ФЗ не соответствует новой редакции кон-

ституционного акта. При этом отнесение к компетенции местного самоуправления «обеспечения доступности медицинской помощи», порождает ряд вопросов. Во-первых, в чем состоит доступность медицинской помощи?

Понятие доступности медицинской помощи определено ст. 10 Федерального закона № 323-ФЗ. При этом в число требований доступности входит как территориальная и численная доступность медицинских учреждений, так и обеспеченность медицинских учреждений квалифицированными кадрами, оснащенность медицинским оборудованием, применением телемедицинских технологий. Следует обратить внимание, что понятие доступности в Законе неразрывно связано с понятием качества медицинской помощи.

Во-вторых, каковы гарантии того, что местное самоуправление сможет в условиях, когда уже на протяжении нескольких лет (с 2012 г.) муниципальные органы *лишь создают условия для оказания медицинской помощи*, справиться с обеспечением доступности медицинской помощи. Предусматривая, что согласно ч. 3 ст. 132 новой редакции Конституции РФ органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, государство должно сделать ряд важных шагов по обеспечению новых полномочий органов местного самоуправления. Тем более что согласно ст. 133 новой редакции конституционного акта органы местного самоуправления имеют право на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций.

Список литературы

1. Антонова Н.А. Правотворчество органов местного самоуправления. Дис... д.ю.н. Москва. 2009.

2. Барабашев Г.В. Местное самоуправление – трудное дитя России//Хрестоматия по конституционному праву. Учебное пособие. Том III: Конституционное регулирование территориальной организации власти. Конституционно-правовое регулирование способов и порядка формирования государственных органов. Конституционные основы системы и статуса государственных органов / Сост. Д.ю.н., проф. Н.А. Богданова, к.ю.н., м.н.с. Д.Г. Шустров. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014.- 982 с.

3. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Местное самоуправление: законодательство и практика реализации (в свете региональной правовой политики). Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 6. – Ростов на Дону: Профпресс, 2016. – 176 с.

4. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Сильное местное самоуправление – сильное государство: история и современность // Конституционное и муниципальное право. Издательская группа «Юрист» Москва, 2016. № 4. 62 – 74 с.

5. Васильчиков А.И., кн. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Изд. 3-е. В 3-х т. Спб., 1872. Т. II. – 477 с.

6. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 г.г. Т. 1. М.: Айрис-пресс, 2008.- 527 с.

7. Конституционно-правовые проблемы эффективности публичной власти в России и зарубежных странах: коллективная монография / Под ред. А.А. Ларичева. Петрозаводск: Карельский филиал РАНХиГС, 2017. – 327 с.

8. Кулагин Д.А. Критерии оценки эффективности конституционно-правового механизма осуществления публичной власти / Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27.(281). Право. Вып. 32. С.19-26.

9. Самигуллин В. К. Конституционное право России: Курс лекций. - 3-е издание, дополненное и переработанное. - Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 490 с.

10. Свешников М.И. Основы и пределы самоуправления. Опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европейских государств. Ч. I-II // Хрестоматия по конституционному праву. Учебное пособие. Том III: Конституционное регулирование территориальной организации власти. Конституционно-правовое регулирование способов и порядка формирования государственных органов. Конституционные основы системы и статуса государственных органов / Сост. Д.ю.н., проф. Н.А. Богданова, к.ю.н., м.н.с. Д.Г. Шустров. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. – 982 с.

11. Чиркин В.Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 3-14.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN – код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

INTERACTION BETWEEN STATE AND MUNICIPAL AUTHORITIES ON THE EXAMPLE OF PROVIDING THE POPULATION WITH MEDICAL CARE

N.A. Antonova

Tver state University

The article deals with the peculiarities of interaction between local self-government bodies and state authorities in the context of updating the constitutional model of local self-government on the example of providing the population with medical care.

Keywords: *local self-government, state power, human rights.*

About the author:

ANTONOVA Nana Alievna - the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the «Tver state university» (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN – код: 3179-2045e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н. А. Взаимодействие государственных и муниципальных органов власти на примере обеспечения населения медицинской помощью // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 16 – 23.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИХ СВЯЗЬ С П. 2 СТ. 168 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется содержание категории «публичный интерес» в аспекте взаимосвязи с положениями ГК РФ о сделках, о недействительности сделки на основании п.2 ст. 168 ГК РФ. Доказано теоретическое и практическое значение цивилистической науки и позиций высших судебных органов в формировании понятия категории «публичные интересы». Обосновывается многообразие форм объективации публичных интересов и связь процесса формирования воли участников сделки с учетом публичных интересов. Исследуются способы закрепления публичных интересов в нормативно-правовых актах. Определено значение положений гл.9 ГК РФ о недействительности сделок и, в частности, п.2 ст. 168 как важнейших и необходимых элементов в защите публичных интересов.

Ключевые слова: публично-правовые образования, Российская Федерация, публичные интересы, общественные интересы, государственные интересы, интересы Российской Федерации, интересы субъекта Российской Федерации, нормативно-правовое закрепление публичных интересов, ст. 125 ГК РФ, формы участия в гражданском обороте, сделка, недействительная сделка, ничтожная сделка.

Категория «публичный интерес» заслуживает отдельного внимания как один из элементов, составляющих содержание условий применения ст. 168 ГК РФ [1]. Названная категория получила закрепление в шести статьях части первой ГК РФ, из которых три помещены в параграф 2 «Недействительность сделок» Гл.9 ГК РФ, одна – в Гл.28 ГК РФ. В трех статьях (в п.4 ст. 166, п. 2 ст. 168, в ст. 431.1. ГК РФ) она использована непосредственно, а в ст. 169 ГК РФ – опосредованно, т.к. по смыслу связана с понятием «основы правопорядка».

Важно заметить, что Гл.9 ГК РФ, к которой мы, прежде всего, будем обращаться, действует в редакции Федерального закона от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ, вступившего в силу с 1 сентября 2013 г. [2] Эта редакция значительно отличается от первоначальной, введенной в действие Федеральным законом от 30.11.1994 г. № 52-ФЗ, действовавшим с 1 января 1995 г. Это в полной мере относится и к редакции ст. 168 ГК РФ, которая является предметом нашего анализа.

Имея в виду непрекращающиеся и в наше время научные дискуссии о критериях деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, следует признать, что большинством современных авторов поддерживается мнение, что таким основным и единственным (или основным среди прочих) критерием является вид (характер) интереса, посягательство на которое имело место при совершении сделки, нарушающей требования закона или иного правового акта.

Именно эта позиция законодателя нашла свое более конкретное и четкое закрепление в действующей редакции ст. 168 ГК РФ. Соответственно, при установлении посягательства на публичные интересы речь идет о ничтожной сделке, как следует из п. 2 ст. 168 ГК РФ (если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки). Для точности отметим, что в этом же пункте, в гипотезе правовой нормы указано альтернативное условие – это нарушение прав и охраняемых законом интересов третьих лиц (не сторон сделки). В остальных случаях нарушения требований к совершению сделок, не охватываемых п.2 ст. 168 ГК РФ, применяется п.1 ст. 168 ГК РФ, где речь идет о так называемой «презумпции оспоримости сделки» (также с оговорками).

Таким образом, посягательство на публичные интересы является одним из условий, составляющих содержание гипотезы правовой нормы, содержащейся в п. 2 ст. 168 ГК РФ, наряду с условиями:

совершаемое субъектами гражданского права юридическое действие должно отвечать признакам сделки (ст. 153 ГК РФ);

такая сделка нарушает требования закона или иного правового акта (основное условие для каждой недействительной сделки);

отсутствует указание в законе, что такая сделка оспорима или отсутствует указание на то, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

При этом автор исходит из того, что в п. 2 ст. 168 ГК РФ могут пониматься публичные интересы, во-первых, как интересы, имеющиеся у стороны сделки, так и публичные интересы лица (лиц), не являющихся участниками таких сделок. Безусловно, такие интересы должны быть законными и подлежащими правовой охране. И в том, как законодатель расставил акценты, формулируя нормы, включенные в п.1 и п. 2 ст. 168 ГК РФ, обнаруживается его позиция о соотношении частных и публичных интересов, которые могут быть объектом посягательства при совершении сделки. Такое соотношение, на наш взгляд, можно охарактеризовать как «приоритет публичных интересов над частными (если только это не охраняемые интересы третьих лиц, о которых сказано в п.2 ст. 168 ГК РФ).

Оговоримся, что и охраняемые интересы третьих лиц также могут иметь характер публичных, общественных. Например, такой вывод можно сделать исходя из Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.03.2019 г. № 305-ЭС18-13450 по делу N А41-34517/2017. В рассматриваемом случае сделка по внесению муниципального имущества в уставной капитал акционерного общества нарушает требования закона в части обременения приватизируемого имущества инвестиционным и эксплуатационным обязательством.

Данные ограничения, как отмечено в судебном акте «обусловлены спецификой отчуждаемого имущества и необходимостью защиты интересов неопределенного круга лиц - потребителей (особой значимостью обеспечения их тепловой энергией), а не защитой имущественных интересов публично-правового

собственника приватизируемого имущества». При этом, из буквального толкования статьи 30.1 Закона № 178-ФЗ следует, что соответствующие обременения устанавливаются для защиты неопределенного круга третьих лиц – потребителей [12] .

Но что же следует понимать под публичными интересами?

В словарях иностранных слов термин публичный раскрывают как: публичный (лат. publicus общественный) открытый, гласный; общественный, не частный [18, 19]. И это не полный ряд определений, который можно обнаружить в словарях, что свидетельствует о неоднозначности этимологии этого термина и многозначности сфер, где он использует. Сфера права – одна из таких.

Понятие категории «публичные интересы» является одним из дискуссионных вопросов в юридических науках как материального, так и процессуального права. В представленном исследовании автор имеет в виду, прежде всего публичные интересы, нашедшие свое отражение в нормах материального права.

Чаще всего о публичном интересе рассуждают в рамках проблем деления системы права на публичное и частное. Содержание такой категории исследовалось такими учеными, как Р.Е. Гукасян, А.Ю. Ломаев, А.В. Малько, Ю.А. Тихомиров, Н.В. Н.В.Ченцов, Д.М. Чечот, В.Ф. Яковлев и многими другими учеными юридической науки на всех этапах ее развития. В гражданском праве категория «публичный интерес», кроме всего прочего, важна для понимания существа метода гражданско-правового регулирования, который обладая такими сущностными характеристиками как метод юридического равенства, диспозитивность, дозволенность, правонаделение, координационный характер и пр. на современном этапе развития российского гражданского права подразумевает использование также элементов императивности, властных запретов. А это обусловлено необходимостью обеспечения защиты в том числе публичных интересов. В настоящей статье мы не ставим себе одной из задач проанализировать многочисленные мнения о дефинициях категории «публичные интересы», выраженные в научных трудах ученых. В определённой степени такая задача была выполнена нами в более раннем исследовании [16].

Многообразие научных мнений, тем не менее, помогает сформировать наиболее полное представление о содержании категории «публичные интересы», их видах и носителях таких интересов.

Тем не менее, для автора важно сформулировать в качестве исходных наиболее значимые и общие характеристики, которые, по нашему мнению, присущи категории «публичный интерес»:

– объективность таких интересов;

– такая категория объединяет различные виды интересов, относящихся к понятию «публичные интересы»: интересы государства, общества и отдельных социальных общностей, все такие интересы взаимосвязаны и взаимообусловлены;

– предметом публичного интереса является конкретное благо или потребность, свойства, качества, назначение которых полезны, необходимы не одному, конкретному лицу, а неопределённому множеству лиц;

– в концентрированной форме эти интересы выражают наиболее жизненно важные, общие ценности, потребности, которые обеспечиваются правом и признаются государством; соответствие публичного интереса целям развития всего общества или, во всяком случае, его значительной части;

– публичные интересы служат условием существования и развития общества, целостности и независимости государства;

– невозможность персонификации носителей таких интересов;

– качественная и содержательная изменчивость публичных интересов на разных исторических этапах развития государства и общества;

– публичные интересы закрепляются, прежде всего, в нормах публичного права, но также могут быть отражены в нормах частного права;

– публичные интересы реализуются, прежде всего, через вступление в отношения публично-правового характера, регулируемые отраслями публичного права. Однако они могут реализовываться также путем вступления в отношения, регулируемые гражданским законодательством, чаще всего – в имущественные отношения через совершение сделок в том числе;

– защита публичных интересов осуществляется определенными управомоченными на то органами и лицами.

Немаловажным являются и высказанные в свое время д.ю.н. Р.Е.Гукасяном рассуждения о соотношении правовых и охраняемых законом интересов. По его мнению, - это не тождественные социальные явления, правовые категории, они не являются синонимами. Различие их он видел в том, что «правовые интересы являются одноплановыми с экономическими, политическими, духовными и иными интересами в том смысле, что все они формируются условиями общественной жизни и имеют свои специфические средства удовлетворения. Охраняемыми законом интересы могут быть любые по своему содержанию интересы, если государство с помощью правовых средств гарантирует их реализацию» [17, с. 116]. Он отмечал, что «возможно существование правовых по содержанию, но не охраняемых законом интересов, точно так же, как и не правовых по содержанию, но охраняемых законом интересов» [17, с. 115].

Автор настоящего исследования исходит из того, что интересы каждого из публично-правовых образований, включая Российскую Федерацию, – это вид государственных (или соответственно муниципальных) интересов, которые в то же время относят к более широкой категории – «публичные интересы». Носителями таких интересов являются, в первую очередь, Российская Федерация, конкретный субъект Российской Федерации или муниципальное образование в лице определенных государственных (муниципальных органов). Однако формы объективации таких интересов не ограничиваются названными субъектами, они более многообразны.

Если стороной в сделке выступает публично-правовое образование, то, безусловно, подразумевается наличие у него определенного интереса, который не может быть частным, он характеризуется только как публичный (государственный, муниципальный, общественный и иной подобный в рамках «публичного» в широком смысле этого слова). Это имущественные или неимущественные интересы, обусловленные определёнными объективно значимыми потребностями каждого такого образования. Российская Федерация, участвуя в гражданском обороте, в частности как сторона сделки, имеет интерес, как правило, имущественного характера. Этот интерес может состоять в формировании, обеспечении имущественной обособленности Российской Федерации (пополнении казны), в осуществлении права собственности с целью получения дохода от его использования, в сохранении имущества, обеспечении обороноспособности, в обеспечении права на жизнь и здоровье, других прав и свобод граждан и пр. В любом случае каждый такой интерес связан с определенными функциями Российской Федерации как государства. Это в полной мере может быть переносно на любое другое публично-правовое образование. Однако одновременно это означает и нацеленность на обеспечение нужд населения в целом или отдельных его категорий, социальных сообществ, отдельных видов юридических лиц. Поэтому о содержании определённого публичного интереса есть смысл рассуждать применительно к конкретной сделке, исходя из того, является ли ее стороной публично-правовое образование, в какой форме проявляется его участие и для осуществления какой публичной функции оно вступает в сделку.

Представляется важным обнаружить и сформулировать такой интерес, поскольку он влияет на формирование воли, в частности публично-правового образования, как стороны сделки. Требуется соотнести этот интерес с функциями публично-правового образования, компетенцией тех государственных и муниципальных органов (полномочиями иных лиц), которые такой интерес будут реализовать. А процесс формирования воли связан с действительностью сделки в целом. В тех случаях, когда публично-правовое образование не является стороной сделки, правильное определение публичных интересов, которые могут иметь «соприкосновение» с ней, поможет избежать ничтожности сделки или иных неблагоприятных последствий, предусмотренных законом как альтернатива ничтожности.

В отсутствие легального определения понятия «публичные интересы» большинство исследователей (автор не является исключением) вынуждены обращаться в первую очередь к двум важным актам Верховного Суда РФ.

Так, согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ под публичными интересами применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ следует понимать, в частности, интересы неопределенного круга лиц, направленные на обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Нарушение явно выраженных запретов, установленных законом, при совершении сделки, также рассматривается как посягательство на публичные интересы. Как указал Пле-

нум такие сделки являются ничтожными. В частности, речь идет о нарушении запретов, установленных в п.1 ст. 336, ст. 383, ст. 928 ГК РФ. [15]. Из этого же п. 75 указанного Постановления Пленума можно сделать вывод, что к публичным интересам относятся и интересы публично-правового образования. Однако само по себе несоответствие сделки законодательству или нарушение ею прав публично-правового образования еще не свидетельствует о том, что имеет место нарушение публичных интересов [15].

Это подтверждается, в частности, позицией Верховного суда РФ, выраженной в Определении от 6 сентября 2016 г. № 16-КГ16-30 при рассмотрении кассационной жалобы в гражданском деле по иску прокурора Ворошиловского района г. Волгограда, действующего в интересах Российской Федерации, к Абдюшеву Д.Ф., Тимонину И.В. о взыскании денежных средств, полученных в результате ничтожной сделки [13].

Касательно того, как установить наличие собственно публичного интереса и содержание конкретного публичного интереса, следует обратиться к позиции Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, выраженной в деле № А60-25477/2013. Суд разъясняет, что "содержание конкретных публичных интересов может быть сформулировано путем перечисления целей законодательного регулирования той или иной сферы общественных отношений" [14]. На наш взгляд, видимо, следует исходить из того, что такие цели могут иметь закрепление в Конституции РФ, в федеральных конституционных и федеральных законах, в законах субъектов РФ и муниципальных образований, в иных правовых актах в аспекте понимания их согласно ст. 168 ГК РФ, с которой связана наша тема. С точки зрения юридической техники в перечисленных актах цели могут быть выражены конкретно, как одна или несколько формулировок, или следовать из таких частей, разделов, как «Преамбула», «Сфера правового регулирования», «Принципы регулирования» и т.п.

Категория «публичный интерес», безусловно, имеет связь с такими понятиями, как: приоритеты, планы, планирование, программирование, целеполагание, прогнозирование цель социально-экономического развития, задачи и результаты социально-экономического развития. Следовательно, источником закрепления и понимания публичных интересов следует рассматривать соответствующие нормативно-правовые акты, например, Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [8].

Особым видом публичных интересов выступают национальные интересы. Их круг достаточно определённо закреплён в Указе Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Как следует из п. 6, национальные интересы Российской Федерации – это объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития; стратегические национальные приоритеты Российской Федерации - важнейшие направления обеспечения национальной безопасности [9]. Такие интересы конкретизированы в Указе по отдельным направлениям.

Различные виды публичных интересов можно обнаружить и в ряде федеральных законах, определяющих правовое положение отдельных юридических лиц. Это в свою очередь будет иметь значение при использовании опосредованной формы участия публично-правового образования в гражданском обороте, в совершении сделки. Автор не считает нужным обращаться к законам, определяющим правовое положение юридических лиц, создаваемых публично-правовыми образованиями в форме государственных унитарных и муниципальных унитарных предприятий, государственных и муниципальных учреждений. Наличие в их деятельности публичного интереса очевидно. Такая форма объективации публичного интереса типична для опосредованной формы участия публично-правовых образований в сделках.

Более интересным будут примеры реализации публичных интересов юридическими лицами, которые не относятся к вышеназванным.

Например, Федеральным законом от 29.06.2018 г. № 171-ФЗ определяются особенности правового положения непубличного Акционерного общества "Почта России", которое было создано путем реорганизации федерального государственного унитарного предприятия "Почта России" [3]. Его единственным акционером является Российская Федерация. Сто процентов акций Общества принадлежат Российской Федерации. От имени Российской Федерации полномочия единственного акционера Общества осуществляет федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по управлению федеральным имуществом в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации. Таковым является Федеральное агентство по управлению государственным имуществом.

Реализует ли это акционерное общество публичные интересы, несмотря на то, что относится к категории частных лиц? Безусловно, это подтверждается содержанием ряда статей Федерального закона от 29.06.2018 г. № 171-ФЗ, например, ст. 1 «Цели и сфера применения настоящего Федерального закона», ст. 2 «Основные принципы деятельности Общества». В частности, из них следует, что Общество создается в целях обеспечения прав граждан свободно получать, передавать и распространять информацию при условии обеспечения тайны переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, создания и поддержания в приоритетном порядке условий удовлетворения социальных интересов граждан, включая право на доставку и выдачу пенсий, пособий, других выплат, а также в целях обеспечения необходимых условий доступа к торговым, транспортным, финансовым и иным услугам, беспрепятственного перемещения товаров и максимально оперативного оказания услуг, развития электронного взаимодействия граждан, юридических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления, поддержания свободы субъектов экономической деятельности и обеспечения единства экономического пространства Российской Федерации.

Такие цели достигаются (соответственно интересы перечисленных лиц удовлетворяются) через вступление АО «Почта России» в договорные гражданско-правовые отношения путем заключения договоров купли-продажи, догово-

ров возмездного оказания услуг, договоров оказания услуг связи, государственные контракты с целью обеспечения государственных и муниципальных нужд и др. АО «Почта России» как сторона в таких сделках реализует публичные интересы, закрепленные в Федеральном законе от 17.07.1999 г. №176-ФЗ «О почтовой связи». Согласно ст. 3 «Назначение почтовой связи в Российской Федерации» деятельность АО «Почта России» обеспечивает социальную инфраструктуру общества, содействует укреплению социально-политического единства Российской Федерации, реализации конституционных прав и свобод граждан. Она направлена на создание необходимых условий для осуществления государственной политики в области формирования единого экономического пространства, для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств [6].

Для понимания того, что публичные интересы могут реализовываться в процессе деятельности и других юридических лиц, обратимся к ст. 7.1. Федерального закона от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», согласно которой государственная корпорация - это не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций [7]. На примере конкретной госкорпорации – «Росатом», – подтвердим сформулированный выше тезис. Исходя из Федерального закона от 01.12.2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом"» Корпорация является юридическим лицом, созданным Российской Федерацией в организационно-правовой форме государственной корпорации. Согласно п.1 ст. 2 закона "Росатом" – это уполномоченный орган управления использованием атомной энергии. Корпорация наделена полномочиями от имени Российской Федерации осуществлять государственное управление использованием атомной энергии в соответствии с главой IV Федерального закона от 21 ноября 1995 года № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии», государственное управление при осуществлении деятельности, связанной с разработкой, изготовлением, утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения, а также нормативно-правовое регулирование в области использования атомной энергии [4]. Иные полномочия и функции Корпорации в области государственного управления использованием атомной энергии, закрепленные в ст. ст. 7 ФЗ - 15 № 317-ФЗ имеют явно публичный характер.

Приведенные выше примеры федеральных законов подтверждают следующее. Объективация публичных интересов, в частности в сфере совершения сделок, не ограничивается деятельностью только лишь государственных и муниципальных органов в порядке, предусмотренном ст. 125 ГК РФ. Публичные интересы могут обеспечиваться и через деятельность частных юридических лиц, которые наделяются соответствующими полномочиями и функциями. Следовательно, это имеет значение при оценке действительности сделки, в частности, на предмет соответствия поведения ее участников публичным интересам, а именно тем, которые они призваны реализовывать.

Несмотря на отсутствие легального и единого определения категории «публичный интерес», многообразие научных мнений, тем не менее, помогает сформировать наиболее полное представление о сущности, содержании, назначении такой категории. На наш взгляд, отсутствие в законе такой дефиниции объективно обусловлено. При этом публичные интересы находят свое закрепление в международно-правовых актах, принципах международного права, признаваемых Российской Федерацией, отражены в конституционных основах, в федеральных законах, законах субъектов РФ, законах муниципальных образований).

В правоприменительной деятельности важно уметь обнаружить и сформулировать публичный интерес, который подлежит обязательному учету при совершении любой сделки публично-правовым образованием. Такой конкретный интерес влияет на формирование его воли как участника сделки, призванного этот интерес реализовать в силу своих функций, отражается в содержании сделки прямо или опосредованно. Для иных участников сделки, имеющих соответственно частные интересы, императивным требованием выступает запрет на нарушение публичных интересов.

Положения гл.9 ГК РФ о недействительности сделок и, в частности, п.2 ст. 168, могут рассматриваться как важнейшие и необходимые элементы в защите публичных интересов. Они являются проявлением публично-правового типа регулирования рыночных отношений, который законодатель вправе применять для защиты общих (общественных) интересов [10, 11].

Данная работа выполнена при информационной поддержке Компании СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2019).

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

2. Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016 г.) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. 2013. 13 мая.

3. Федеральный закон от 29.06.2018 г. № 171-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «Об особенностях реорганизации федерального государственного унитарного предприятия «Почта России», основах деятельности акционерного общества «Почта России» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

4. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 317-ФЗ (ред. от 07.04.2020) «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

5. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О защите конкуренции»//СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).
6. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ (ред. от 04.06.2018) «О почтовой связи» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения : 25.05.2020).
7. Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 02.12.2019) "О некоммерческих организациях"// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).
8. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 3 июля.
9. Указ Президента РФ от 31.12.2015Г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева"// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 13 мая 2010 г. № 685 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 4 части 2 статьи 18 Федерального закона «Об аудиторской деятельности»»//Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 6.
12. Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.03.2019 г. № 305-ЭС18-13450 по делу № А41-34517/2017 (тепло) СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 06.09.2016 Г. № 16-КГ16-30.
14. Определение Верховного Суда РФ от 12 октября 2015 г. № 309-ЭС15-6673 по делу № А60-25477/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).
16. Барткова О.Г. О некоторых вопросах применения положений гражданского кодекса российской федерации о недействительности сделок к отношениям с участием публично-правовых образований. часть вторая: о понятии и значении категории «публичный интерес» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 7-19
17. Гукасян Р.Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С. 113 – 116
18. Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний. М.: «Азбуковник». 2003.

19. Словарь иностранных слов. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1955. С. 577.

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

LEGISLATIVE REINFORCEMENT OF PUBLIC INTERESTS AND THEIR CONNECTION WITH P. 2 ART. 168 CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

O.G. Bartkova

Tver State University

The article examines the content of the “public interest” category in terms of its relationship with the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on transactions, on the invalidity of a transaction on the basis of clause 2 of Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation. The theoretical and practical importance of civil science and the positions of the highest judicial authorities in the formation of the concept of the category of “public interests” is proved. The variety of forms of objectification of public interests and the relationship between the process of forming the will of the parties to the transaction taking into account public interests are substantiated. The ways of consolidating public interests in legal acts are investigated. The meaning of the provisions of Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation on the invalidity of transactions and, in particular, paragraph 2 of Art. 168 as the most important and necessary elements in the protection of public interests.

Keywords: *public law entities, the Russian Federation, public interests, public interests, state interests, interests of the Russian Federation, interests of the subject of the Russian Federation, legal consolidation of public interests, art. 125 of the Civil Code of the Russian Federation, forms of participation in civil circulation, transaction, invalid transaction, void transaction.*

About authors:

BARTKOVA Olga Georgievna - Cand. legal Sci., Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. Нормативно-правовое закрепление публичных интересов и их связь с п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 24 – 34.

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС В АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ: О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ СТ. 86 СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.Ф. Беспалов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В данном научном труде представлен подход автора к пониманию существа интереса и пределов его действия в алиментных обязательствах родителей и детей, связанных с участием родителей в дополнительных расходах на содержание ребенка, которые вызваны исключительными обстоятельствами. Сделан вывод о том, что дополнительная забота родителей о ребенке возникает на основании нескольких взаимосвязанных между собой обстоятельств: родственной связи; трудной жизненной ситуации, в которой оказался ребенок; отношений по содержанию; неурегулированности разногласий между родителями; наличие объективной связи исключительных обстоятельств с расходами; имущественного интереса родителей и ребенка.

Предложено изменить редакцию ст. 86 СК РФ с целью соответствия, содержащихся в ней положений интересам родителей и ребенка, характеризующихся их гармоничным сочетанием.

Ключевые слова: интерес, родители, ребенок, пределы, благополучие, забота.

Вопросы, связанные с осуществлением имущественных прав и действием интересов в семейных отношениях, в современных условиях не утрачивают своей актуальности, а их решение представляет теоретическую и практическую значимость.

В российской науке семейного права имущественные права и интересы исследованы в основном в двух аспектах: 1) применительно к имущественным отношениям супругов (бывших супругов), иных членов семьи в широком смысле; 2) в алиментных обязательствах как одном из видов имущественных отношений в семье [1,2,4.6,7].

Всесторонне проблема публичного и частного интересов в семье на уровне монографических исследований представлена профессором О.Ю. Ильиной [5].

В данной статье автор изучает имущественный интерес в алиментных обязательствах родителей и детей, предусмотренный ст. 86 СК РФ, устанавливающей специальный правовой механизм участия родителей в дополнительных расходах на своего ребенка.

Все отношения по содержанию в российской семье, в том числе и алиментные обязательства, действующие в принудительном порядке построены на принципе взаимной заботы членов семьи друг о друге. Данный принцип представляется важнейшей семейной ценностью в РФ. Семейное мировоззрение и реально складывающиеся семейные отношения признают заботу членов семьи друг о друге как естественное явление. Отношения по содержанию следует понимать не только в качестве основной и взаимной имущественной заботы,

обеспечивающей жизнь и деятельность членов семьи, но и в качестве дополнительной обязанности некоторых членов семьи по отношению друг к другу, в нашем случае родителей и ребенка, действующей наряду с основной заботой. Как правило, родители добровольно исполняют дополнительную обязанность по содержанию своих детей. Дополнительное имущественное содержание, осуществляемое в принудительном порядке, допускается лишь при наличии совокупности обстоятельств, названных в СК РФ и по судебному постановлению.

В пределах действия ст. 86 СК РФ дополнительная забота возможна при наличии нескольких взаимосвязанных условий: 1) родство по нисходящей линии, законодательно оформленное; 2) наличие исключительных обстоятельств, характеризующих ребенка, оказавшегося в трудной жизненной ситуации; 3) наличие отношений по содержанию, действующих добровольно или принудительно; 4) неурегулированность разногласий между родителями по участию в дополнительных расходах на ребенка; 5) непосредственная связь дополнительных расходов с исключительными обстоятельствами; 6) имущественный интерес родителей и ребенка, в том числе материальное и семейное положение родителей и ребенка.

В свою очередь исключительные обстоятельства с учетом дополнений ст. 86 СК РФ, внесенных Федеральным законом от 06.02.2020 N 10-ФЗ "О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации" [10], представляются в виде: 1) тяжелой болезни, увечья, иного повреждения здоровья, то есть касаются состояния здоровья ребенка, требующего его восстановления; 2) отсутствия жилого помещения, необходимого для постоянного проживания; 3) иных исключительных обстоятельств, определяемых судом, в случае спора между родителями.

Имущественный интерес в рамках ст. 86 СК РФ носит дополнительный характер, вызванный исключительными обстоятельствами, сложившимися в отношении ребенка. Пленум Верховного Суда РФ в п.п. 8, 40, 41 постановления от 26.12.2017 N 56 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов" [11], определяет дополнительные расходы как разновидность алиментных платежей, разъясняет условия применения ст. 86 СК РФ и различает заслуживающие внимания обстоятельства и интерес «сторон».

Надо полагать, что участие родителей в несении дополнительных расходов следует понимать не в виде разновидности алиментных платежей, а в качестве дополнительной имущественной заботы наряду с основным содержанием при наличии условий, обозначенных в ст. 86 СК РФ. Не представляется возможным согласиться с позицией Пленума о том, что интерес и заслуживающие внимания обстоятельства следует различать. Интерес родителей и ребенка включает в себя и все обстоятельства, заслуживающие внимания, в том числе имущественное и семейное положение родителей и ребенка. Такой подход определил и Конституционный Суд РФ [8], полагая, что интерес более емкое понятие, содержание которого составляют обстоятельства, заслуживающие внимания. Нельзя не отметить и суждение Судебной коллегии по гражданским делам Вер-

ховного суда РФ [9] относительно пределов действия имущественных интересов по ст. 86 СК РФ, согласно которому имущественный интерес трудоспособных детей старше 18 лет, обучающихся по очной форме не защищается. Следовательно, имущественный интерес охраняется и защищается лишь при условии несовершеннолетия детей и не приобретения ими полной дееспособности по иным основаниям.

Имущественный интерес в данном случае помимо дополнительного характера по отношению к родителям и ребенку и наличия исключительных обстоятельств по отношению к ребенку, определяется и их взаимным интересом или, как сказано, в анализируемой статье – интересом «сторон». Нельзя не отметить, что употребление термина «сторон» - явно некорректно. В семейном праве субъектов именуют членами семьи, родственниками, свойственниками. Например, мать, отец, ребенок, брат, сестра, бабушка, дедушка, внук, отчим, мачеха и тд. Термин «стороны» обычно употребляется в процессуальном праве, либо в специальных положениях, регламентирующих отдельные виды правовых связей между субъектами. Следовательно, при толковании положений ст. 86 СК РФ интерес свойственен родителям и ребенку как участникам дополнительной заботы, вызванной исключительными обстоятельствами, в которых оказался ребенок. Кроме того, именуя субъектов семейных прав «сторонами», законодатель обезличивает их, стирает грани между отраслями права и подвергает сомнению самостоятельность семейного права как особой отрасли в системе российского права.

Таким образом, имущественный интерес применительно к участию родителей в дополнительных расходах на содержание их ребенка, вызванных исключительными обстоятельствами, в которых оказался ребенок, состоит: 1) из интереса ребенка, оказавшегося в сложной или трудной жизненной ситуации, требующей дополнительной заботы со стороны родителей; 2) интереса самих родителей; 3) интереса государства, определяемого пределы действия положений ст. 86 СК РФ с целью благополучия ребенка.

Интерес ребенка определяется наличием трудной жизненной ситуации, вызванной 1) состоянием его здоровья; 2) отсутствием надлежащих жилищных условий; 3) иными обстоятельствами, когда сам ребенок не может преодолеть эти обстоятельства и требуется имущественное участие его родителей.

Интерес родителей определяется: 1) их имущественным, семейным положением, жилищными условиями и иными обстоятельствами, заслуживающими внимание и характеризующими их правовое положение; 2) наличием интереса ребенка, который объективно связан с интересом его родителей.

Интерес государства представляется в виде законодательного возложения на родителей заботы о своем ребенке в целях его благополучного воспитания и развития, становления социально зрелой, ответственной личности, достойного гражданина РФ.

На взгляд автора данных строк, интерес в рамках ст. 86 СК РФ весьма условное понятие, существенно осложненное последними поправками данной статьи, предусматривающими в качестве исключительного обстоятельства от-

сутствие у родителей жилого помещения, пригодного для постоянного проживания. Данное нововведение позволяет усомниться в справедливости и разумности содержащегося в нём законоположения.

В настоящее время немало россиян не имеют такого жилья по различным причинам, в том числе выходящим за рамки их объективных возможностей: не всякому из родителей под силу приобрести жилое помещение, пригодное для постоянного проживания. Эта «имущественная ноша» становится не реальной при отсутствии достойной, оплачиваемой работы по месту жительства большинства россиян и по другим уважительным причинам.

Данная поправка ст. 86 СК РФ не отвечает и важнейшей семейной ценности: продолжению рода или продолжению жизни как одной из основных функций здорового человека.

Российская семья во все времена самостоятельно обеспечивала свою жизнедеятельность, исходя именно из ее объективных возможностей. В РФ семьи различаются уровнем самообеспечения, а следовательно, и имущественным состоянием. Прежнее законодательство РФ не связывало продолжение человеческой жизни с имущественным положением мужчины и женщины, создавших семью, в том числе, с наличием у них жилой площади. Более того, ст. 40 Конституции РФ устанавливает право россиян на жилище, а не на специальное жилое помещение. Жилище включает в себя любое помещение, используемое для проживания [3].

Имущественный интерес в рамках действия ст. 86 СК РФ включает в себя интерес частный и интерес публичный. Частный интерес представляется интересами семьи как самостоятельного субъекта прав и интересами ее членов: родителей и ребенка, как указано выше. Такой интерес действует как гармоничное сочетание условий жизни и деятельности семьи в целом и каждого ее члена в отдельности (родителей и ребенка). Публичный интерес представляется регламентацией государством дополнительной заботы родителей о своем ребенке, его благополучном воспитании и развитии на случай исключительных обстоятельств. Таким образом государство, исполняя свою обязанность заботиться о ребенке в рамках ст. 86 СК РФ, представляет свой интерес путем регламентации заботы родителей о благополучном развитии ребенка, находящегося в трудной жизненной ситуации. Теперь, государственные механизмы дополняют имущественный интерес, представленный в ст. 86 СК РФ, и интересом государства не в рамках собственной заботы о жизни и деятельности нормальной российской семьи, а в рамках возложения дополнительной обязанности на родителей по обеспечению ребенка жилым помещением, пригодным для постоянного проживания.

Родители обязаны заботиться о своем ребенке, что и так ясно каждому. Человек как разумное существо стремится к тому, чтобы создать нормальные условия для своей жизни и жизни своих родных и близких, которые не могут самостоятельно создать такие условия. Родители, чтобы стать таковыми, обязаны иметь жилое помещение, пригодное для постоянного проживания или при-

обрести такое жилье для ребенка, а это вызывает множество вопросов и создает новые неопределённости.

Быть родителем – глубочайшая обязанность, а теперь появился и новый дополнительный элемент этой обязанности: обязанность иметь жилое помещение и не всякое, а пригодное для постоянного проживания. Данное обстоятельство – свидетельство явного неуважения к основной семейной ценности – продолжению человеческой жизни на земле.

Оговоримся, действие такой обязанности связано с волей суда: «суд вправе» признать отсутствие жилого помещения, пригодного для постоянного проживания, исключительным обстоятельством. Но и от этого родителям, в том числе потенциальным, нелегче. Бесспорно, благополучие ребенка предполагает и наличие надлежащих жилищных условий. К решению данной проблемы для семей не способных самостоятельно ее преодолеть необходимо привлекать само государство. Такое положение будет отвечать интересам российской семьи и подтверждать реальную заботу государства о ребенке.

Изложенное позволяет заключить следующее.

Имущественный интерес в пределах ст. 86 СК РФ понятие емкое, весьма условное, связанное с волей правоприменителя. Его обеспечение может выйти за пределы объективных возможностей некоторых россиян и поставить перед ними неразрешимую проблему.

Имущественный интерес в анализируемых положениях зависит от публичной власти и связан с обстоятельствами, выходящими за рамки возможностей некоторых родителей.

Интерес ребенка и интерес родителей, в пределах действия ст. 86 СК РФ, могут вступить в неразрешимое, без участия государства, противоречие. Такое положение явно не за российские семейные ценности.

Статью 86 СК РФ необходимо поправить и вернуться к ранее действующей, первоначальной редакции, которая в полной мере отвечала требованиям российских семейных ценностей.

Список литературы

1. Беспалов Ю.Ф. Все о взыскании алиментов. Теория и практика: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. 128 с.;

2. Беспалов Ю.Ф. «Воля и интерес ребенка по-семейному и гражданскому законодательству РФ», XII Международная научно-практическая дистанционная конференция "Наука и образование" 1-2 июля 2016 г. Мюнхен. Германии, Сборник трудов. С. 127-131;

3. Беспалов Ю.Ф. Понятие «жилище» и «жилое помещение» по законодательству Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ// Семейное и жилищное право. 2017, № 2, стр. 26-29.

4. Ильина О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. N 3. С. 18 – 21;

5. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2006;
6. Касаткина А.Ю. Алиментные обязательства в Российской Федерации: монография. – Москва: Проспект, 2020. – 96 с.;
7. Рабец А.М. Методологические и теоретические проблемы правового регулирования отношений по взаимному алиментированию: дисс. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1992;
8. Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2014 г. № 632-О // СПС Консультант плюс;
9. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 г. № 18-КГ19-87// СПС КонсультантПлюс.
10. "Российская газета", N 27, 10.02.2020;
11. "Российская газета", N 297, 29.12.2017

Об авторе:

БЕСПАЛОВ Юрий Федорович – профессор кафедры гражданского права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), доктор юридических наук, профессор, председатель Владимирского областного суда в отставке, SPIN-код: 9432-6027 e-mail: nksmgs@mail.ru

PROPERTY INTEREST IN MAINTENANCE OBLIGATIONS: ON THE SCOPE OF ART. 86 FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Y.F. Bespalov
Tver State University

This scientific work presents the author's approach to understanding the essence of interest and the extent of its action in the alimony obligations of parents and children associated with the participation of parents in additional costs for the maintenance of a child, which are caused by exceptional circumstances. It is concluded that additional parental care for the child arises on the basis of several interrelated circumstances: kinship; difficult life situations in which the child finds himself; content relationships; unresolved disagreements between parents; the existence of an objective connection of exceptional circumstances with costs; property interests of parents and the child.

It is proposed to change the wording of Art. 86 of the IC of the Russian Federation in order to comply with the provisions contained in it with the interests of parents and the child, characterized by their harmonious combination.

Keywords: *interest, parents, child, limits, well-being, care.*

About the author:

BESPALOV Yuri Fedorovich, Professor of Civil Law Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), Doctor of Law, Professor, retired chairman of the Vladimir regional court, SPIN-код: 9432-6027 email: nksmgs@mail.ru

Беспалов Ю.Ф. Имущественный интерес в алиментных обязательствах: о пределах действия ст. 86 Семейного кодекса Российской Федерации // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 35 – 41.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Ю.В. Васильчук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется вопрос о реализации права граждан на благоприятную окружающую среду как условие обеспечения концепции устойчивого развития с учетом основных направлений государственной политики в области охраны окружающей среды, а также анализируются критерии благоприятности окружающей среды, особенности реализации и защиты данного права в судебном порядке.

Ключевые слова: государство, право граждан на благоприятную окружающую среду, критерии благоприятности окружающей среды, устойчивое развитие, судебная защита права граждан на благоприятную окружающую среду.

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1], экология отнесена к приоритетным национальным проектам, реализация которого должна быть направлена на достижение следующих целей и целевых показателей:

1. эффективное обращение с отходами производства и потребления, включая ликвидацию всех выявленных на 1 января 2018 г. несанкционированных свалок в границах городов;

2. кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20 процентов совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах;

3. повышение качества питьевой воды для населения, в том числе для жителей населенных пунктов, не оборудованных современными системами централизованного водоснабжения;

4. экологическое оздоровление водных объектов, включая реку Волгу, и сохранение уникальных водных систем, включая озера Байкал и Телецкое;

5. сохранение биологического разнообразия, в том числе посредством создания не менее 24 новых особо охраняемых природных территорий.

Достижение указанных задач, безусловно, касается обеспечения соблюдения права граждан на благоприятную окружающую среду, как одного из принципов, закрепленного в ст. 3 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ № 7-ФЗ) [4].

Таким образом, охрана окружающей среды и обеспечение реализации экологических прав граждан становятся все более важными задачами государственной политики. Так, в апреле 2017 г. Указом Президента Российской Федерации утверждена Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., которой определены основные вызовы и угрозы

экологической безопасности, являющейся составной частью национальной безопасности России. В их числе названы: загрязнение атмосферного воздуха и водных объектов, накопление отходов производства и потребления, наличие значительного количества объектов накопленного вреда, причиненного окружающей среде, усиление деградации земель и почв, сокращение видового разнообразия животного и растительного мира [2]. В соответствии с Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденными Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г., одной из центральных задач государственной политики в области экологического развития является восстановление нарушенных естественных экологических систем. Решение такой задачи предусматривает использование различных механизмов, направленных на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и ликвидацию накопленного экологического вреда, связанного с прошлой экономической и иной деятельностью [3].

Право граждан на благоприятную окружающую среду относится к числу экологических прав граждан, которые прямо закреплены в Конституции Российской Федерации. В соответствии со ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

В соответствии со ст. 11 ФЗ № 7-ФЗ каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение вреда окружающей среде [4].

Обеспечение данного права обуславливает необходимость разработки и принятия отдельных нормативных правовых актов. Так, например, в соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов», в целях реализации права граждан на благоприятную окружающую среду могут создаваться лесопарковые зеленые пояса – зоны с ограниченным режимом природопользования и иной хозяйственной деятельности, включающие в себя территории, на которых расположены леса, водные объекты или их части, природные ландшафты, и территории зеленого фонда в границах городских населенных пунктов, которые прилегают к указанным лесам или составляют с ними единую естественную экологическую систему и выполняют средообразующие, природоохранные, экологические, санитарно-гигиенические и рекреационные функции [5].

Согласно законодательному определению, закрепленного в ст. 1 ФЗ № 7-ФЗ, под благоприятной окружающей средой понимается такая окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов [4].

Термин «устойчивое развитие» основан на положениях Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (1992 г.). А.П. Анисимов отмечает, что «благоприятное качество окружающей среды начинает рассматриваться как элемент устойчивого развития общества. Принцип устойчивого развития означает обязанность государства сохранять все экосистемы и экологические процессы, которые жизненно необходимы для функционирования биосферы, сохранять биологическое разнообразие и соблюдать принцип оптимальной устойчивости при эксплуатации биологических ресурсов и живых экосистем. Другими словами, устойчивое развитие – это стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы и обеспечивающее непрерывный прогресс общества» [7, с. 72-80].

Данный термин прочно вошел в тексты законодательных актов РФ, однако показатели устойчивого развития названных объектов в контексте практической реализации права граждан на благоприятную окружающую среду в настоящее время отсутствуют.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» благоприятность окружающей среды связывает также с такой характеристикой, как качество окружающей среды, под которым понимается состояние окружающей среды, которое характеризуется физическими, химическими, биологическими и иными показателями и (или) их совокупностью. О соблюдении вышеуказанных показателей свидетельствуют экологические нормативы, в том числе нормативы качества окружающей среды и нормативы предельно допустимых вредных воздействий на окружающую среду. Вместе с тем экологическое законодательство исходит из презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности и допустимости воздействия хозяйственной и иной деятельности на природную среду в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды. Нормирование в области охраны окружающей среды в соответствии со ст. 19 ФЗ № 7-ФЗ осуществляется в целях государственного регулирования воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, гарантирующего сохранение благоприятной окружающей среды и обеспечение экологической безопасности. Нормирование в области охраны окружающей среды заключается в установлении нормативов качества окружающей среды, нормативов допустимого воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, иных нормативов, а также федеральных норм и правил и нормативных документов в области охраны окружающей среды.

Таким образом, любая хозяйственная и иная деятельность оказывает негативное воздействие на окружающую среду и создает угрозу ее благоприятному состоянию. При этом важно учитывать, что степень такого воздействия может быть различной и может осуществляться как с соблюдением норм и требований экологического законодательства (быть правомерной по своему содержанию), так и с их нарушением.

В юридической литературе неоднократно исследовался вопрос о понятии, объекте и содержании права граждан на благоприятную окружающую среду.

Так, по мнению М.И. Васильевой, ФЗ № 7-ФЗ содержит неудачное понятие благоприятной окружающей среды по причине отсутствия в определении какого-либо упоминания о человеке, для обеспечения интересов, жизни и здоровья которого главным образом и создается экологическое законодательство. Существующие характеристики благоприятности окружающей среды не работают, они до сих пор не апробированы, не востребованы практикой, что в заметной степени предопределяет низкий коэффициент благоприятности окружающей среды. Придание ФЗ № 7-ФЗ юридического значения исключительно признаку устойчивости является недостаточно обоснованным как по причине игнорирования иных критериев благоприятности окружающей среды, так и по причине «неустойчивости» самой категории «устойчивости» [9, с. 84 - 87].

Признавая недостаточно корректной данную дефиницию и не отвечающей требованиям как юридической техники, так и целям, задачам экологической политики Российского государства, многие авторы предприняли попытку сформулировать определение права граждан на благоприятную окружающую среду и раскрыть его содержание.

Т.Ю. Сорокина придерживается позиции, согласно которой благоприятная окружающая среда – это среда, состояние которой соответствует установленным в экологическом законодательстве требованиям, касающимся чистоты (незагрязненности), ресурсоемкости (неистощимости), экологической устойчивости, видового разнообразия, эстетического богатства, сохранения уникальных (достопримечательных) объектов природы, сохранения естественных экологических систем, использования природы с учетом допустимого экологического и техногенного риска [14, с. 15 - 16].

А.П. Анисимов определяет содержание прав граждан на благоприятную окружающую среду как право жить при таком состоянии биосферы Земли, а также как использование системы средств, устраняющих глобальные угрозы биосфере, вызванные человеческой жизнедеятельностью. Отмечая, что ряд существенных характеристик качества окружающей среды, вытекающих из экологического законодательства, упущен, А.П. Анисимов, констатирует, что под «благоприятной окружающей средой» следует понимать такое состояние среды обитания человека, которое соответствует нормативам, касающимся ее чистоты, ресурсоемкости, экологической устойчивости, видового разнообразия, способности удовлетворять потребности граждан в отдыхе, туризме, лечении, а также включать в себя эталонные участки природы, не тронутые человеческой деятельностью» [7, с. 72-80].

В актах официального толкования права встречается позиция, в соответствии с которой, конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду подразумевает «состояние среды обитания, качество жизни, труда, отдыха, соответствующее определенным экологическим, санитарно-эпидемиологическим, гигиеническим стандартам, предполагающим пригодную для питья воду, надлежащий атмосферный воздух, когдиционные продукты питания, рекреационные условия» [13].

Можно выделить два основных подхода к определению содержания права на благоприятную окружающую среду, сложившиеся в юридической литературе. Как отмечает Е.Н. Абанина, первый подход (узкое толкование) – право на здоровую окружающую среду, отвечающую стандартам, соответствующую установленным санитарно-гигиеническим нормативам. Второй (широкое понимание) – право не только на здоровую (незагрязненную) окружающую среду, но и на ресурсоемкую, экологически устойчивую, эстетически богатую, разнообразную среду обитания. Существование различных подходов к определению данного системообразующего понятия имеет не только теоретическое, но и практически значимое значение. Е.А. Абанина справедливо отмечает, что в зависимости от понимания благоприятной окружающей среды различия учитываются на практике при определении объекта защиты нарушенного права на благоприятную окружающую среду. Если исходить из понимания благоприятной окружающей среды в узком смысле, то поводом к обращению в суд за защитой нарушенного права на благоприятную окружающую среду послужат только такие действия субъекта, которые привели окружающую среду к состоянию «неблагоприятности», а именно к состоянию, не отвечающему установленным нормативам. Исходя из понимания благоприятной окружающей среды в широком смысле, поводом к обращению за защитой нарушенного права на благоприятную окружающую среду может послужить любое нарушение экологического и природоресурсного законодательства, любые действия субъекта, приводящие к нарушению ресурсоемкости среды, эстетического богатства и биоразнообразия, хотя при этом может не нарушаться право на здоровую окружающую среду, не причиняться ей ущерб [6, с. 39].

По мнению Т.Н. Балашовой, «право на благоприятную окружающую среду представляет собой основу конституционного экологического статуса субъекта, представляющего собой совокупность закрепленных в законодательстве прав и обязанностей в сфере охраны окружающей среды, использования природных ресурсов и обеспечения экологической безопасности. В качестве базовых критериев благоприятной окружающей среды в настоящее время, автор предлагает признать отсутствие химических, физических, биологических и иных факторов вредного воздействия окружающей среды на человека, которые влияют или могут повлиять на его здоровье или здоровье будущих поколений [8]. К подобному выводу приходит и Н.В. Жукова, анализируя законодательное понятие «право граждан на благоприятную окружающую среду». Отмечая, что законодательное определение является нелогичным, она предприняла попытку раскрыть смысл слова «благоприятный». В результате она приходит к выводу. Что мотивом введения этого термина явилось постоянное смешение как философами, так и историками философии, которые работали с проблемами в области аксиологии. Категории блага и ценности. Которые при всей своей смежности в качестве обозначаемой нормативной (в отличие от познавательной) интенциональности индивида. Не являются по своему содержанию тождественными и по своему наполнению различаются в истории философии. В заключение она формулирует вывод о том. Что, что вероятнее всего. Свое право на благопри-

ятную окружающую среду человек будет реализовывать только тогда, когда он почувствует, что среда, которая его в какой-то определенный момент окружает, является лично для него неблагоприятной [12, с. 24 - 28].

Действительно, современный уровень воздействия на окружающую среду, приводит к ее химическому, физическому, биологическому загрязнению. Сопровождается поступлением в окружающую среду различных загрязняющих веществ. Действующая система экологического нормирования разграничивает виды такого загрязнения в зависимости от соблюдения действующих нормативов на правомерное или неправомерное. Если поступление вредных веществ в атмосферный воздух, почву, водные объекты происходит в пределах установленных нормативов, то окружающая среда считается относительно благоприятной для жизни, здоровья, проживания и жизнедеятельности человека. Соответственно, если хозяйствующий субъект осуществляет свою деятельность с превышением установленных нормативов, и (или) при отсутствии необходимой документации (разрешений, согласований, утвержденных проектов нормативов, декларации и т.п.), то окружающая среда становится априори неблагоприятной и возникают правовые основания использовать существующий механизм защиты права граждан на благоприятную окружающую среду. Вместе с тем, осуществление деятельности хозяйствующих субъектов в соответствии с утвержденными нормативами допустимых вредных воздействий на окружающую среду, не может в полной мере гарантировать, что окружающая среда для граждан является действительно благоприятной. Поэтому принципиально важным является внедрение наилучших доступных технологий в различные отрасли промышленности, направленных на поэтапное снижение уровня загрязнения природных объектов и окружающей среды в целом, стимулирование сокращения выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и изменение существующей системы экологических нормативов. Вместе с тем, признавая право граждан на благоприятную окружающую среду в качестве самостоятельного права, не следует его отождествлять с иными смежными экологическими правами, включая право граждан на экологическую информацию, право на возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением и другие.

Представляется, что существующее определение благоприятной окружающей среды, закрепленное в ст. 1 ФЗ № 7-ФЗ, нуждается в доработке путем включения и иных критериев благоприятности окружающей среды, в том числе таких, как ресурсоемкость, видовое разнообразие, сохранение естественных экологических систем, а также здоровье человека (населения). При этом, данные критерии должны иметь практически значимый характер. Так, если говорить о судебной защите данного права, то в ходе судебного разбирательства необходимо будет установить не только факт нарушения данных критериев в результате правомерной деятельности ответчика, но и представить суду соответствующие доказательства.

Поводом для обращения в государственные органы, в том числе в суд, в целях защиты нарушенных экологических прав, является такое нарушение эколо-

гического, санитарно-эпидемиологического законодательства, которое повлекло или может повлечь нарушение права на благоприятную окружающую среду.

При этом не следует расширительно толковать содержание права граждан на благоприятную окружающую среду, так как следует учитывать, что не любое нарушение норм действующего экологического законодательства автоматически влечет нарушение права граждан на благоприятную окружающую среду. Необходимо учитывать то обстоятельство, что не любое нарушение экологического законодательства нарушает экологические права граждан, поэтому в заявлении прокурора должно быть указано, каким образом то или иное невыполнение (несоблюдение, нарушение) требований экологического и иного природоохранного, санитарного законодательства, нарушает указанные права либо создает угрозу их нарушения [10, с. 169 - 181]. Особое место в механизме защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду, имеет деятельность органов прокуратуры по обращению в суд с исками в защиту права на благоприятную окружающую среду неопределенного круга лиц. Как показывает анализ судебной практики, достаточно часто имеет обращение органов прокуратуры в суд в целях защиты права граждан на благоприятную окружающую среду по вопросам нарушения законодательства в сфере обращения с отходами производства и потребления.

Так, Тверской межрайонный природоохранный прокурор, действующий в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, обратился в Кимрский городской суд Тверской области с иском к Обществу с ограниченной ответственностью «Экоспецстрой», Обществу с ограниченной ответственностью «Жилищное благоустройство» об обязанности принять меры по ликвидации горения твердых бытовых отходов, по принятию мер по недопущению возгорания мусора, незамедлительному тушению возникающих возгораний, запрету ввоза новых отходов на городскую свалку, который мотивирует тем, что Тверской межрайонной природоохранной прокуратурой проведена проверка по факту возгорания свалки твердых бытовых отходов. В обоснование своей правовой позиции. Прокурор указал, что бездействием ответчика при ликвидации горения твёрдых бытовых отходов на городской свалке нарушается право неопределённого круга лиц – жителей г. Кимры и Кимрского района на благоприятную окружающую среду. Специалистами ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии по Тверской области» 28 июня 2018 года произведен отбор проб воздуха на границе санитарно-защитной зоны, государственным инспектором Управления Росприроднадзора составлен акт осмотра свалки. В соответствии со ст. 2 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» органы государственной власти и органы местного самоуправления, организации всех форм собственности, индивидуальные предприниматели, граждане обеспечивают соблюдение требований законодательства Российской Федерации в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения за счёт собственных средств. В силу ст. 42 Конституции РФ каждому гарантировано право на благоприятную окружающую среду. Данное право обеспечивается исполнением Федеральных законов, регулирующих правоотношения в частности в

области охраны окружающей среды и санитарно-эпидемиологического благополучия населения. В соответствии с п. 1 ст. 11 ФЗ № 7-ФЗ каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, на ее защиту от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение вреда окружающей среде. Таким образом, право неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду является неотчуждаемым, непосредственно действующим, защищается гражданским законодательством и обеспечивается правосудием. Допущенные нарушения природоохранного законодательства оказывают негативное воздействие на экологическую обстановку, могут отразиться на здоровье проживающего на территории г. Кимры и Кимрского района, а также приезжающих в него граждан, ограничивают конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции РФ), нарушают их право на охрану здоровья от неблагоприятного воздействия окружающей среды, предусмотренное ст. 11 ФЗ № 7-ФЗ, статьей 8 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Нарушение прав Российской Федерации выражается в том, что в соответствии со ст. 5 ФЗ № 7-ФЗ, статьей 5 ФЗ «Об отходах производства и потребления» к полномочиям Российской Федерации относится проведение единой государственной политики в области обращения с отходами; установление государственных стандартов, правил, нормативов и требований безопасного обращения с отходами; организация государственного учета и отчетности в области обращения с отходами; установление требований в области охраны окружающей среды, разработка и утверждение нормативов, государственных стандартов и иных нормативных документов в области охраны окружающей среды, а также иные полномочия, направленные на сохранение благоприятной окружающей среды и здоровья человека. В соответствии со ст. 56 ФЗ № 7-ФЗ при нарушении природоохранных требований деятельность, осуществляемая с нарушением указанных требований, может быть ограничена, приостановлена или прекращена в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. В силу ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. В своем решении суд указал, что учитывая, что несвоевременное и не исчерпывающее принятие мер по тушению возникшего 26 июня 2018 года возгорания ТБО привело к созданию неблагоприятной экологической обстановки на территории г. Кимры и Кимрского района, возложение на ООО «Экоспецстрой» обязанности по принятию мер по недопущению возгораний отходов и незамедлительному тушению возникающих возгораний на территории городской свалки, будет способствовать сохранению благоприятной окружающей среды и экологической безопасности для жителей города Кимры и Кимрского района. В результате требования об обязанности принять меры по ликвидации горения твердых бытовых отходов и по принятию мер по недопущению возгорания мусора, неза-

медлительному тушению возникающих возгораний судом были удовлетворены [15]. Таким образом, истец представил доказательства нарушения прав граждан на благоприятную окружающую среду, которые суд признал относимыми, допустимыми и достоверными и в своей совокупности достаточными для разрешения дела (акты проверок, в ходе которой был установлен факт возгорания, отбор проб воздуха на границе санитарно-защитной зоны, подтверждающих превышение установленных нормативов ПДВ и ПДК атмосферного воздуха и другие).

Отсутствие законодательно установленных критериев благоприятности окружающей среды не может не отражаться на существующей судебной практике защиты данного права. Вместе с тем, обеспечение соблюдения права граждан на благоприятную окружающую среду возможно только при обеспечении соблюдения требований экологического законодательства при одновременном решении тех задач, которые направлены на внедрение эффективной системы в области обращения с отходами, развитие системы особо охраняемых природных территорий, снижение уровня загрязнения водных объектов, атмосферного воздуха, выполнения мероприятий по охране земель и т.п.

Р.Х. Гиззатулин справедливо отмечает, что «официальные данные о состоянии окружающей среды позволяют говорить о том, что на сегодня право российских граждан на благоприятную окружающую среду не реализовано и соответственно не обеспечивает достойный уровень в жизни в экологическом контексте» [11, с. 20].

В последнее время мы наблюдаем активизацию деятельности государства, общественных объединений, граждан в области охраны окружающей среды. В определенной степени этому способствовало проведение в 2017 г. Года Экологии и Года Особо охраняемых природных территорий. Определенные надежды в настоящее время связываем с прорывом в области экологии, чему будет способствовать реализация конкретных задач и направлений деятельности, обозначенных в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 [1]. В условиях реализации концепции устойчивого развития принципиально важно добиться сбалансированного сочетания экономического, экологического и социального развития, что возможно только при изменении качества окружающей среды и самого общества к данной проблеме. В настоящее время становится очевидным, что реализовать конституционное право каждого человека на благоприятную окружающую среду невозможно без создания условий для повышения уровня экологической культуры общества и каждого человека в отдельности.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/#ixzz5GywWRZ2p>

2. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41879>
3. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15177>
4. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12125350/#ixzz6MtOnhRci>
5. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания лесопарковых зеленых поясов» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/71435428/#ixzz6MtPoBjXc>
6. Абанина Е.Н. Защита права граждан на благоприятную окружающую среду при обращении прокурора в суд: вопросы теории и практики // Современное право. 2014. № 7. С. 38 – 44.
7. Анисимов А.П. Право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду // Гражданин и право. 2009. № 2. С. 72 – 80.
8. Балашова Т.Н. Конституционное право на благоприятную окружающую среду и его реализация в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5. № 4 (20) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-blagopriyatnuyu-okruzhayushuyu-sredu-i-ego-realizatsiya-v-rossiyskoy-federatsii/viewer>
9. Васильева М.И. О применении в праве экологических критериев благоприятности окружающей среды // Государство и право. 2002. № 11. С. 84 – 92.
10. Васильчук Ю.В. Макушенко Е.А. Понятие и особенности судебной защиты права граждан на благоприятную окружающую среду (с учетом практики Волжской природоохранной прокуратуры) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 169 – 181.
11. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2014. 44 с.
12. Жукова Н.В. Анализ понятия «Право граждан на благоприятную окружающую среду» // Журнал правовых и экономических исследований. 2015 № 4. С. 24 – 32.
13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. В.Д Зорькина. 2 изд., пересмотр. М.: ИНФРА-М, 2011.
14. Сорокина Т.Ю. Механизмы защиты права на благоприятную окружающую среду: автореф. ... дис. канд. юр. наук. М., 2010. 32 с.
15. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CIQ0uqYHwHVN/>

Об авторе:

ВАСИЛЬЧУК Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

**IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF CITIZENS
TO A FAVORABLE ENVIRONMENT: QUESTIONS OF THEORY
AND PRACTICE OF APPLICATION**

Yu.V. Vasilchuk

Tver State University

The article examines the question of the realization of the right of citizens to a favorable environment as a condition for ensuring the concept of sustainable development, taking into account the main directions of state policy in the field of environmental protection, and analyzes the criteria for environmental friendliness, especially the implementation and protection of this right in court.

***Keywords:** state, citizens' right to a favorable environment, criteria for environmental friendliness, sustainable development, judicial protection of citizens' right to a favorable environment.*

About author:

VASILCHUK Yulya – PhD, assistant professor, head of chair of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

Васильчук Ю.В. Реализация права граждан на благоприятную окружающую среду: вопросы теории и практики применения // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 42 – 52.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА АМНИСТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ю.А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с объявлением амнистий в новейшей российской истории и их социальным значением. Анализируются статистические данные о количестве лиц, попавших под действие соответствующих амнистий, а также мнения специалистов об эффективности данного института.

Ключевые слова: амнистия, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, осужденные, лица, совершившие преступления.

Отношение к амнистии в обществе в целом и в профессиональной юридической среде является весьма неоднозначным. Оно варьируется в диапазоне от признания этого межотраслевого института достаточно эффективным средством решения комплекса социально-правовых проблем до определения амнистии как нарушения принципа справедливости, подрывающего независимость судебной власти и силу судебных решений. В специальной литературе встречаются позиции, согласно которым при применении актов об амнистии нарушается принцип индивидуализации уголовного наказания.

Не претендуя на попытку унифицировать понимание амнистии как исключительно позитивного или, напротив, негативного правового феномена (что, очевидно, и не представляется в принципе возможным осуществить), хотелось бы рассмотреть в рамках данной статьи несколько последних амнистий в современной российской действительности с позиций поводов к их объявлению, статистики о количестве лиц, попавших под их действие, а также мнений специалистов об их социально-правовом значении.

Начнем с Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24.04.2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» (это на сегодняшний день последняя российская амнистия). Как явствует из названия постановления, поводом для объявления данной амнистии стал 70-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Общеизвестно, что в современной российской истории амнистии к юбилеям победы стали своего рода традицией, начиная с 1995 года, когда была объявлена амнистия в честь 50-летия победы в Великой Отечественной войне. Впоследствии амнистии в связи с очередным юбилеем победы объявлялись каждые пять лет (в 2000, 2005, 2010, 2015 годах).

Следует отметить, что, несмотря на ожидания в силу указанных причин очередной амнистии в 2020 г. в связи с 75-летием великой победы, соответствующее Постановление Государственной Думой РФ принято не было. Проект Постановления № 880791-7 депутата фракции ЛДПР С.В. Иванова был внесен в ГД и направлен на рассмотрение в Комитет по государственному строительству и законодательству еще в январе 2020 года [15].

СМИ сообщали, что есть несколько альтернативных проектов постановления. Однако, в силу ряда причин (в числе которых рядом специалистов называлась и пандемия коронавирусной инфекции), до настоящего времени амнистия к 75-летию победы не объявлена. В конце апреля Павел Крашенинников – председатель профильного комитета Госдумы заявил СМИ, что депутаты не занимаются подготовкой проекта постановления об амнистии к 75-летию Победы. В своем интервью ТАСС он указал, что амнистий в этом году не ожидается [9].

Вместе с тем, уже в июне на сайте Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей появилась информация о том, что, что в адрес Президента РФ направлено обращение об уголовном амнистировании не только предпринимателей, но и широкого круга лиц к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Обращение поддержано ТПП РФ, Агентством стратегических инициатив и другими деловыми объединениями. Отмечается, что ранее Госдумой отказано в обсуждении такой инициативы. Бизнес-омбудсмен Борис Титов полагает, что в этом году положительное разрешение данного вопроса возможно, если в обществе сформируется публичная поддержка [4]. Таким образом, окончательно закрытым данный вопрос, видимо, считать нельзя.

Но вернемся к амнистии 2015 года. Если кратко охарактеризовать категории лиц, попавших под ее действие, то это были лица, принимавшие участие в боевых действиях по защите Отечества, и приравненные к ним лица; лица, выполнявшие воинский либо служебный долг в Афганистане или других государствах, где велись боевые действия; несовершеннолетние; лица, принимавшие участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС; женщины и одинокие мужчины, имеющие несовершеннолетних детей и (или) детей-инвалидов, беременные женщины; мужчины старше 55 лет и женщин старше 50 лет; инвалидов I или II группы, а также больных активной формой туберкулеза, больных онкологическими заболеваниями и ряд других категорий.

Прогнозы о количестве лиц, которые должны были попасть под эту амнистию, были несколько различными, что, в общем, вполне объяснимо. По оценке председателя думского комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Павла Крашенинникова, общее количество лиц, которых коснется амнистия к 70-летию Победы, может достичь 350 – 400 тыс. человек [2].

По результатам на 23 октября, на момент окончания действия амнистии из учреждений уголовно-исполнительной системы было освобождено 231 тыс. 558 человек. Непосредственно из мест лишения свободы – 34 475 человек. В том числе 2 161 женщина и 34 несовершеннолетних. На основании решения органов дознания из следственных изоляторов под амнистию попали 7 812 человек. Также амнистия была применена к 189 236 осужденным отбывающим наказание в уголовно-исполнительных инспекциях [10].

Как видно, это была очень широкая амнистия, в связи с чем в специальной литературе относительно нее высказывались достаточно резкие оценки. Так д.ю.н., профессор М.А. Желудков отмечал, что при осуществлении этой амни-

стии имеет место деформация закрепленного в законе принципа справедливости в виде смягчения наказания к виновным, не возместившим причиненных ущерб общественным отношениям. Реализация амнистии не должна проходить в виде формального снисхождения к лицам, попадающим под нее [8].

Предшествующим по хронологии было Постановление ГД ФС РФ от 18.12.2013 г. № 3500-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации». Повод снова очевиден из названия Постановления. Хотя, приходится признать, что парламентарии с некоторым опозданием приняли это Постановление, поскольку Конституция РФ, как известно, была принята на референдуме 12 декабря 1993 г. Данная амнистия распространялась (при определенных условиях) на несовершеннолетних, женщин, имеющих несовершеннолетних детей, беременных женщин, женщин старше 55 лет, мужчин старше 60 лет; лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС; военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и иных лиц, принимавших участие в боевых действиях либо в действиях по защите Отечества; инвалидов I и II группы; осужденные за преступления, предусмотренные частями второй и третьей статьи 212 (массовые беспорядки), статьей 213 (хулиганство) и частью первой статьи 264 (нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека) Уголовного кодекса Российской Федерации.

По оценкам думского комитета по уголовному законодательству эта амнистия должна была коснуться от 12 до 15 тыс. человек. Непосредственно из мест лишения свободы по предварительным данным выйдут 3 – 3,5 тысячи [5]. По данным ФСИН России на 20 июня 2014 г. на свободе оказалось 24,3 тыс. человек [13].

При этом на рассмотрении Госдумы находилось сразу девять проектов по амнистии, приуроченной к 20-летию Конституции РФ. Высказывались ожидания, что могут быть помилованы не только фигуранты «болотного дела», за которых, в частности, публично просил один из лидеров несистемной оппозиции Владимир Рыжков, но и десятки тысяч осужденных за нетяжкие преступления. Возможно, это будет самая масштабная амнистия за последние годы [1].

По окончании срока исполнения этой амнистии по данным Генпрокуратуры под нее попало почти 71 тыс. человек [6]. СМИ широко муссировали тот факт, что под эту амнистию попал в том числе экс-министр обороны Анатолий Сердюков. Вполне естественно, что многие комментарии носили негативный характер. Российская газета в частности использовала такой заголовок «Халатность бывшего министра обороны подвели под амнистию» [16].

Ранее в 2013 году в нашей стране была объявлена еще одна амнистия. Речь идет о Постановлении Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии». В этом случае название постановления не указывает на повод для объявления амнистии, но в СМИ и в специальной юридической литературе она получила условное название

«экономическая амнистия». В тексте Постановления речь шла об освобождении от наказания в виде лишения свободы независимо от назначенного срока лиц, впервые осужденных за преступления, предусмотренные рядом статей гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» (около 30 составов) при условии, если до окончания срока исполнения данного Постановления они выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим. Соответственно, указывалось и на прекращение уголовных дел, находящихся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда, об этих преступлениях, совершенных до дня вступления в силу этого Постановления при таком же условии.

К целям реализации данной амнистии относятся: нормализация делового климата и повышения доверия между бизнесом, государством и обществом; сокращение доли теневой экономики; возврата капитал, находящегося за пределами страны и формирование условий для предотвращения его дальнейшего оттока [12].

По поводу этой амнистии относительно ее изначально ожидаемых результатов и реальных итогов писали и продолжают писать много негативных отзывов.

Впервые об этой амнистии в начале мая 2013 года упомянул бизнес-омбудсмен Борис Титов. Он сказал, что в кратчайшие сроки в Госдуму будет внесен соответствующий проект. Также он говорил о том, что под амнистию должны попасть осужденные более чем по 50 экономическим статьям уголовного кодекса. По оценке Титова, амнистия должна была затронуть более 100 тыс. человек. Однако вскоре на предложение об этой амнистии отреагировал президент Владимир Путин, который назвал ее проект «сырым» и заговорил о необходимости его дополнительно проанализировать. В итоге документ был переработан: из него убрали более 20 статей уголовного кодекса [14].

21 июня 2013 г. во время выступления на Петербургском международном экономическом форуме президент В.В. Путин сказал, что экономическая амнистия укрепит доверие граждан к бизнесу и призвал Госдуму объявить экономическую амнистию до ухода на летние каникулы. «Решение об экономической амнистии не только восстанавливает справедливость, не только является актом гуманизма в отношении конкретных предпринимателей. Это возможность перезагрузить широкий спектр общественных отношений», — отметил Путин [14].

По прогнозам экспертов амнистировано должно быть около 13 тыс. человек [11]. Назывались и еще большие цифры по количеству лиц, также ожидалось и значительные суммы возвращенных в казну денежных средств.

К сожалению, столь широко разрекламированная в июле амнистия для предпринимателей не способна изменить сложившуюся ситуацию; в настоящее время под амнистию попали лишь сотни, а вовсе не обещанные тысячи российских бизнесменов мужского и женского пола. Кроме того, амнистия не предполагала исправления основных правовых недочетов, поэтому злоупотребление

уголовным правом будет продолжаться, что противоречит экономическим и имущественным правам, изложенным в Конституции [17].

По данным «РИА Новости» в ходе амнистии был возмещен ущерб на 2,6 млрд. рублей, а освобождены от наказания 2,3 тыс. человек [3].

Член Общественной палаты, профессор юридического факультета МГУ адвокат Елена Лукьянова вообще заявляла, что не считает принятое Госдумой постановление амнистией [14].

Ну и в завершение ретроспективного обзора амнистий в современной России в масштабах последнего десятилетия обратим внимание на Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16 апреля 2010 г. № 3519-5 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 65-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». Это была исключительно целевая и узконаправленная амнистия, которая, исходя из повода объявления предписывала освободить от наказания осужденных ветеранов Великой Отечественной войны; бывших узников концлагерей, гетто, других мест принудительного содержания, созданных фашистами или их союзниками в период Второй мировой войны. При этом ее действие не распространялось на лиц, совершивших преступления против жизни и (или) половой неприкосновенности несовершеннолетних.

По разным прогнозам ожидалось амнистирование от 100 до 200 человек [7].

В итоге из российских исправительных учреждений по амнистии в честь 65-летия Победы в Великой Отечественной войне освободились 27 заключенных, еще 36 человек освобождены от наказаний, не связанных с лишением свободы. Всего же эта амнистия коснулась 200 – 250 человек [6].

Таким образом, анализ применения института амнистии в течение десяти лет в новейшей истории России позволяет констатировать, что каких-либо устойчивых тенденций и планомерной уголовной политики государства в этом направлении не сложилось. Очевидно, что парламентарии не имеют достаточно четкого представления о наиболее оптимальных вариантах реализации этого своего полномочия и каждый раз действуют методом проб и ошибок.

Список литературы

1. Амнистия к 20-летию Конституции // ТАСС. 2013. 25 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/739640> (дата обращения: 10.06.2020).

2. Амнистия к юбилею Победы // ТАСС. 2015. 26 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1994225> (дата обращения: 10.06.2020).

3. Амнистия позволила вернуть потерпевшим 2,6 млрд рублей // РИА Новости. 2014. 27 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20140227/997275458.html> (дата обращения: 10.06.2020).

4. В связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне предлагается объявить уголовную амнистию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1377332/> (дата обращения: 01.06.2020).

5. В России объявлена амнистия [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2013-12-18/56193-v_rossii_ob_yavlena_amnistiya (дата обращения: 10.06.2020).
6. Все амнистии России 2000-х. История вопроса // Коммерсантъ. 2015. № 63. 10 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2705427> (дата обращения: 10.06.2020).
7. Госдума объявила амнистию к 65-летию Победы // РИА Новости. 2010. 16 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20100416/223018125.html> (дата обращения: 10.06.2020).
8. Желудков М.А. Проблемные стороны реализации амнистии, принятой к 70-летию победы в Великой Отечественной войне // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2015. № 2 (2). С. 61 – 67 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24895494> (дата обращения: 10.06.2020).
9. Интервью Председателя Комитета Государственной Думы по госстроительству и законодательству Павла Крашенинников // Дума.ТВ. 2020. 21 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://dumatv.ru/news/krasheninnikov-soobschil--chto-amnistii-k-75-letiyu-pobedi-ne-budet> (дата обращения: 10.06.2020).
10. Итоги амнистии // РГ. 2015. 27 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/10/27/fsin.html> (дата обращения: 10.06.2020).
11. Объявление экономической амнистии в России в 2013 году // Российское агентство правовой и судебной информации России (РАПСИ). 2013. 21 июня [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/trend/amnesty_21062013/ (дата обращения: 10.06.2020).
12. Османова З.О., Черногорова К.А. Экономическая амнистия и ее роль в социально-экономическом развитии Российской Федерации // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2019. № 2. С. 223 – 229.
13. Официальный сайт ФСИН России. URL : <http://фсин.рф/> (дата обращения: 10.06.2020).
14. Постановление об экономической амнистии [Электронный ресурс]. URL: <https://rusplt.ru/policy/amnistia-3533.html> (дата обращения: 10.06.2020).
15. Проект Постановления № 880791-7 депутата фракции ЛДПР С.В. Иванова [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/880791-7> (дата обращения: 14.06.2020).
16. Свобода для Сердюкова. Халатность бывшего министра обороны подвели под амнистию // РГ. Федеральный выпуск. 2014. № 55 (6327) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/03/11/halatnost.html> (дата обращения: 10.06.2020).
17. Стенограмма круглого стола «Прямое действие Конституции: 20 лет российского опыта» (20 - 21 сентября 2013 г., Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет и северо-западное региональное отделение ассоциации юристов России при поддержке Конституционного Суда Российской Федерации и министерства юстиции

Российской Федерации) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 108 – 199.

Об авторе:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru.

TO THE QUESTION OF IMPLEMENTATION OF THE AMNESTY INSTITUTE IN MODERN RUSSIA

Yu.A. Dronova

Tver State University

The article discusses the problematic issues associated with the declaration of amnesties in modern Russian history and their social significance. Statistical data on the number of persons who are subject to the relevant amnesties are analyzed, as well as the opinions of experts on the effectiveness of this institution.

Keywords: *amnesty, exemption from criminal liability, exemption from punishment, convicted persons, persons who committed crimes.*

About the author:

DRONOVA Julia - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru.

Дронова Ю.А. К вопросу о реализации института амнистии в современной России // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 53 – 59.

ГУКАСЯН Р.Е. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ПРИ ПЕРЕСМОТРЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье представлен анализ отзыва Р.Е. Гукасяна как официального оппонента на диссертацию, посвященную особенностям реализации права на судебную защиту при обжаловании судебных постановлений, не вступивших в законную силу, в гражданском процессе. Автором приведены выдержки из отзыва: доводы, предложения и анализ спорных положений.

Ключевые слова: право на судебную защиту, пересмотр судебных постановлений.

Рафаэль Егишевич Гукасян относится к числу ученых, составляющих золотой фонд науки гражданского процессуального права. Его научные труды, выступления на научных конференциях, работа с аспирантами и соискателями внесли значимый вклад в развитие юридической науки. Заслуга Рафаэля Егишевича не только в том, что он подготовил научную школу, он очень много дал своим ученикам. Его ученики отзываются о нем как о прекрасном лекторе, заботливом научном руководителе, серьезном оппоненте, при этом чрезвычайно деликатном и скромном человеке [4, с. 3 – 4].

В 2008 году кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (в настоящее время – кафедра судебной власти и правоохранительной деятельности) подготовлены к публикации основные работы Р.Е. Гукасяна, которые и сейчас интересны как для ученых и практических работников, так и для студентов, магистров и аспирантов [1]. К сожалению, огромное количество его отзывов как научного руководителя и официального оппонента не были нигде опубликованы. Вместе с тем эти материалы не теряют своей актуальности и сегодня. В этой статье хотелось бы представить некоторые положения отзыва на диссертацию «Обеспечение доступности правосудия в стадии кассационного производства», представленную автором статьи в 2006 г. на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.15 (гражданский процесс; арбитражный процесс), по которой Рафаэль Егишевич Гукасян выступил официальным оппонентом.

Вопросы реализации права на судебную защиту и его регулирование в гражданском судопроизводстве неоднократно поднимались Р.Е. Гукасяном в своих научных работах [2, 3].

Конституционное право граждан на судебную защиту, как утверждал профессор Гукасян, на отраслевом уровне разделяется на два самостоятельных права: одно из них – право на судебную деятельность, другое – на получение решения, восстанавливающего нарушенное или же оспоренное право. Обязан-

ным субъектом, реализующим эти права, является суд как орган государства в лице конкретного суда. Процессуальные средства реализации права на судебную защиту – действия по возбуждению гражданского дела и переводу его из стадии в стадию, по проверке законности и обоснованности судебных актов [3, с. 12 – 13].

В отзыве на диссертацию, посвященную пересмотру судебных постановлений, данный вопрос рассмотрен Рафаэлем Егишевичем с позиции обеспечения доступности судебной защиты. Он писал: «В настоящее время вопросы доступности судебной защиты в России приобретают особое значение в связи с серьезными изменениями в правовом регулировании гражданского судопроизводства: расширением действия принципа состязательности и значительным сокращением активности суда в процессе. Этой проблеме посвящаются конференции, значительное число публикаций в печати. Диссертант посвятил свое исследование одной из стадий гражданского процесса – кассационному производству. Естественно, что общие вопросы доступности правосудия находят отражение и в этой стадии процесса. Однако здесь имеется и своя специфика в самом механизме действия, на которую в первую очередь обращено внимание в работе. Диссертант придерживается взгляда, согласно которому право доступа к суду представляет собою составную часть права на судебную защиту, вследствие чего вопрос этот рассматривается широко, с учетом всего механизма права на судебную защиту».

Профессор Гукасян вполне обоснованным посчитал вывод о необходимости установления дополнительных процессуальных гарантий для лиц, нуждающихся в социальной защите. В своем отзыве он отметил, что «гарантией реализации права на судебную защиту в суде кассационной инстанции должны стать закрепление права на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи, а также кассационная проверка законности решения суда первой инстанции с участием данных субъектов в полном объеме». Данная проблема и сейчас является достаточно актуальной и злободневной. В период пандемии, когда и суды общей юрисдикции, и участники гражданского процесса оказались технически не готовыми использовать систему видеоконференц-связи в порядке, установленном ст. 155¹ ГПК РФ. Вместе с тем, рассмотрение дел в арбитражных судах продолжается, не смотря на ограничения, связанные с обеспечением безопасности участников процесса, потому, что стороны имеют профессиональных представителей своих интересов при рассмотрении дела в суде.

В отзыве Рафаэль Егишевич поддержал положение диссертации о расширении объекта обжалования, «вследствие чего гарантии доступности правосудия по гражданским делам усилились. Такова современная тенденция». Последние изменения в ГПК РФ так же направлены на расширение объекта обжалования. Действующим законодательством закреплено, что все кассационные жалобы, поданные в кассационный суд общей юрисдикции, рассматриваются по общему правилу в судебном заседании (ст. 379⁵ ГПК РФ). Больше не действует порядок рассмотрения кассационной жалобы, при котором она сначала

изучалась судьей, принимающим определение о передаче кассационной жалобы на рассмотрение в судебном заседании.

Остается актуальным и предложение диссертанта, поддержанное Р.Е. Гукасяном, об установлении пресекающего срока на подачу апелляционной жалобы, как это имеет место в арбитражном процессе (ст. 259 АПК РФ).

Рафаэль Егишевич соглашаясь с предложением о дополнении гражданского процессуального законодательства положением о том, что судья, принимавший участие в проверке решения в суде кассационной инстанции, не может участвовать в повторном рассмотрении этого дела в кассационной инстанции, попросил диссертанта «ответить на вопрос: рассматривается ли это правило на случаи, когда кассационный суд рассматривает кассационную жалобу, поступившую после рассмотрения жалобы другого участвующего в деле лица?». Представляется, что положения ст. 17 ГПК РФ о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении дела касаются и случаев поступления жалобы после рассмотрения жалобы других лиц, участвующих в деле.

В отзыве официального оппонента профессор Гукасян указывал на то, что «следует согласиться с мнением диссертанта относительно внесения изменений в законодательство, регулирующее надзорное производство, в целях усиления доступности правосудия. Диссертант исходит из того, что надзорное производство является исключительной стадией гражданского процесса, поскольку надзорная жалоба не ведет к обязательному пересмотру дела судом надзорной инстанции. Однако одинаковое решение вопроса о природе надзорного производства для случаев, когда суд кассационной инстанции вносит изменения в решение и выносит новое решение, не согласуется с расширением доступности судебной защиты. Напротив, оно приводит к тому, что лицо, не согласное с этим решением, не может его обжаловать. Поэтому диссертант приходит к выводу, что при вынесении нового решения судом второй инстанции, надзорное производство должны рассматривать не как исключительную, а как обычную стадию гражданского процесса». В действующем гражданском процессуальном законодательстве эти основания предусмотрены для суда кассационной инстанции, который выступает в настоящее время вышестоящей судебной инстанцией для апелляционного порядка пересмотра судебных постановлений, не вступивших в законную силу.

В заключении хотелось бы привести мнение Р.Е. Гукасяна о том, что актом судебной защиты является не только судебное решение и определение об утверждении мирового соглашения. Аналогичное значение имеют также определения и постановления судов кассационной и надзорной инстанции, когда они вносят изменение в решения суда первой инстанции или выносят новое решение. Эти акты являются главными процессуальными средствами реализации конституционного права на судебную защиту, последним звеном судебного механизма защиты права [3, с. 13].

Список литературы

1. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 372 – 382.

2. Гукасян Р.Е. Право на судебную защиту и его регулирование в основах гражданского судопроизводства и ГПК РСФСР // Проблемы применения Гражданского процессуального кодекса РСФСР. Тезисы докладов к конференции, посвященной 10-летию ГПК РСФСР. Калинин, 1974. С. 35 – 37.

3. Гукасян Р.Е. Реализация конституционного права на судебную защиту // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1982. С. 3 – 13.

4. Туманова Л.В. Слово об учителе // В кн. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 3 – 4.

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru.

GUKASYAN R. E. OVERVIEW OF THE IMPLEMENTATION OF RIGHTS TO JUDICIAL PROTECTION WHEN REVIEWING COURT DECISIONS

O.V. Zhukova

Tver State University

The article analyzes the response of R. E. Ghukasyan as an official opponent to the dissertation devoted to the peculiarities of the right to judicial protection when appealing court decisions that have not entered into legal force in civil proceedings. The author provides excerpts from the review: arguments, suggestions, and analysis of disputed provisions.

Keywords: *right to judicial protection, review of court decisions.*

About the author:

ZHUKOVA Olesya – PhD, assistant professor of the department of judicial power and law enforcement affairs Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru.

Жукова О.В. Гукасян Р.Е. об особенностях реализации права на судебную защиту при пересмотре судебных постановлений // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 60 – 64.

ИНТЕРЕС В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ВЗГЛЯДОВ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.Н. Замрий

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор анализирует акты Конституционного Суда РФ, подчеркивая особенности понимания судами общей юрисдикции соответствующих законоположений как исключительно императивных норм, демонстрируя впоследствии основания и пределы учета обстоятельств конкретной ситуации с точки зрения обеспечения интересов субъектов семейных правоотношений.

Ключевые слова: семейные правоотношения; усыновление; интересы ребенка; публичные интересы.

Интерес в семейном праве и семейных правоотношениях постоянно находится в сфере внимания представителей науки семейного права, цивилистики в целом, в том числе подвергается исследованию с учетом формирования позиции правоприменителя. Необходимость установления соответствия интересам ребенка и иных субъектов семейных правоотношений присутствует в нотариальной практике, при регистрации актов гражданского состояния, при рассмотрении судами различных дел, так или иначе затрагивающих интересы членов семьи. При наличии конфликта интересов правовые способы и средства его разрешения устанавливает суд, решение которого обязательно для исполнения. В то же время позиция суда может стать предметом жалобы гражданина при обращении в Конституционный Суд Российской Федерации, в том числе и как противоречащая интересам заявителя.

Примечательно, что не только интерес заявителя, а в целом проблема соотношения частных и публичных интересов в семейном праве получают иную интерпретацию при рассмотрении Конституционным Судом РФ жалобы, связанной с неопределенностью в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Среди иных отношений, составляющих предмет семейного права, особое место занимают отношения между усыновителем и усыновленным. Причем законодатель предельно внимателен к регламентации как условий и порядка усыновления, так и непосредственно последствий усыновления, приравнивая соответствующие отношения между усыновителем и усыновленным к отношениям по происхождению.

Прослеживается полная аналогия в регламентации родительского правоотношения и правоотношений по усыновлению, поскольку в п.2 ст.124 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) устанавливается, что усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах, а также с учетом возможности обеспечить детям полноценное физическое,

психическое, духовное и нравственное развитие. Напомним, что такой же принцип осуществления родительских прав зафиксирован в ст.65 СК РФ.

Обращает на себя внимание и то, что именно для данной категории дел Пленум Верховного Суда Российской Федерации посчитал необходимым дать разъяснение понятия «интересы ребенка». Так, в п.15 постановления Пленума ВС РФ от 20 апреля 2006 года № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» указывается: «Под интересами детей при усыновлении следует, в частности, понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития».

Примечательно и то, что понятие «интерес» проанализировано Конституционным Судом РФ в контексте обеспечения интересов субъектов правоотношений по усыновлению, что и предлагается к обобщению в рамках настоящей статьи.

Согласно ст.144 СК РФ усыновление не подлежит отмене, если к моменту предъявления соответствующего требования усыновленный ребенок стал совершеннолетним. Исключением законодатель обозначает случаи, когда на отмену усыновления имеется взаимное согласие усыновителя и усыновленного, а также родителей усыновленного ребенка, если они живы, не лишены родительских прав или не признаны судом недееспособными.

Можно предположить, что недопустимость отмены усыновления после совершеннолетия усыновленного ребенка определяется, прежде всего, встречным характером алиментных обязательств: поскольку усыновители воспитывали и содержали усыновленного ими ребенка до совершеннолетия, то, в свою очередь, они тоже могут рассчитывать на оказание им при необходимости материальной поддержки. Возвращаясь к отмеченной нами ранее аналогии это выглядит вполне логичным, ведь совершеннолетние трудоспособные дети не могут отказаться от своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей. Хотя справедливости ради заметим, что усыновление может быть и отменено, если на то есть взаимное согласие усыновителей и усыновленного.

В то же время при отсутствии согласия усыновителя усыновленный не может ни при каких обстоятельствах требовать отмены усыновления, став совершеннолетним.

Такая позиция законодателя была поставлена под сомнение гражданской Ф. в жалобе, с которой она обратилась в Конституционный Суд РФ [1].

Как было установлено, Ф., 1978 года рождения, была удочерена своим отчимом с присвоением его фамилии и отчества. В 2007 году Ф. обратилась в суд общей юрисдикции с заявлением об отмене удочерения, при этом в обоснование своих требований ссылаясь на ст.141 СК РФ. Напомним, что п.1 ст.141 СК РФ содержит перечень оснований для отмены усыновления, среди которых жестокое обращение усыновителя с усыновленным. В подтверждение своих требований гражданка Ф. также представила приговор суда, которым ее отчим был осужден за совершение в отношении нее преступления, предусмотренного ч. 3 ст.117 УК РСФСР (изнасилование несовершеннолетней), к пяти годам лишения свободы.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, Ф. было отказано в удовлетворении ее исковых требований со ссылкой на то, что даже при наличии установленных ст.141 СК оснований для отмены удочерения положения ст.144 данного Кодекса не позволяют удовлетворить требования достигшей совершеннолетия истицы, так как на отмену усыновления нет согласия усыновителя.

По мнению Конституционного Суда РФ, основания для отмены усыновления, предусмотренные ст.141 СК РФ, фактически сводятся к ненадлежащему исполнению усыновителем своих обязанностей по воспитанию усыновленного, к нарушению его прав и законных интересов, в связи с этим совершение усыновителем преступления против половой неприкосновенности ребенка является очевидным основанием для отмены усыновления по требованию усыновленного.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях, при регулировании общественных отношений федеральный законодатель связан конституционным принципом соразмерности и вытекающими из него требованиями адекватности и пропорциональности используемых правовых средств; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; даже имея цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, он должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями таких ограничений меры (Постановление от 14 ноября 2005 года N 10-П).

По смыслу данной правовой позиции, оспариваемые гражданкой Ф. положения ст.144 СК РФ, подлежащие применению в системной связи со ст.19 и 38 Конституции Российской Федерации, а также с основными началами семейного законодательства, не могут рассматриваться как препятствующие суду удовлетворить требование об отмене усыновления, заявленное совершеннолетним усыновленным даже при отсутствии согласия усыновителя, если последний совершил преступление против половой неприкосновенности усыновленного. Иное противоречило бы статьям 2, 18, 21, 23, 46, 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, Конституционный Суд РФ своим толкованием установил для правоприменителя правило, обеспечивающее интересы совершеннолетнего усыновленного: положения ст.144 СК РФ в системе действующего правового регулирования не предполагают отказ - по причине несогласия усыновителя - в удовлетворении требования об отмене усыновления достигшему совершеннолетия усыновленному, в отношении которого усыновителем было совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Интересы потенциальных усыновителей стали объектом внимания Конституционного Суда РФ при рассмотрении жалобы гражданина С.А. Аникиева и граждан К.С. и Р.С. соответственно.

Согласно п.1 ст.127 СК РФ (в прежней редакции) не могут быть усыновителями лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности (абзац десятый).

Гражданин С.А. Аникиев оспаривал конституционность данного законоположения в связи с отказом в удовлетворении его заявления об усыновлении ребенка (решение Коряжемского городского суда Архангельской области от 25 октября 2012 года оставлено без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 24 декабря 2012 года). Гражданин Аникиев хотел усыновить ребенка 03.03.2011 года рождения – сына гражданки А., с которой заявитель проживает совместно с мая 2011 года и с 24 декабря того же года состоит в браке. Основанием для отказа послужило то, что в 2009 году Аникиев подвергался уголовному преследованию за преступление, предусмотренное ч.1 ст.112 УК РФ, но преследование было прекращено в связи с примирением сторон (ст.25 УПК РФ).

По мнению Конституционного суда РФ, абзац десятый п.1 ст.127 СК РФ предполагает отказ потенциальным усыновителям в усыновлении ребенка в любом случае, независимо от каких-либо обстоятельств. В силу императивного характера данного законоположения суду для отказа в удовлетворении заявленного требования достаточно формального подтверждения одного только факта привлечения лица к уголовной ответственности за совершение любого из перечисленных в этом законоположении преступлений, без учета обстоятельств, имеющих значение для оценки возможности лица – с точки зрения защиты гарантированных Конституцией РФ прав несовершеннолетних – быть усыновителем, в том числе обстоятельств совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, формы вины, а также обстоятельств, характеризующих личность (деятельное раскаяние, стремление загладить причиненный вред, последующее поведение и т.д.).

Таким образом, Конституционный Суд РФ признал указанный абзац не соответствующим Конституции РФ постольку, поскольку в силу безусловного характера данного запрета суд при рассмотрении дел об установлении усыновления, в том числе в случаях, когда потенциальный усыновитель при наличии фактически сложившихся между ними и ребенком отношений и с учетом характера совершенного им или вменявшегося ему деяния способен обеспечить полноценное физическое, духовное и нравственное развитие усыновленного ребенка без риска подвергнуть опасности его психику и здоровье, не правомочен принимать во внимание обстоятельства совершенного преступления, срок,

прошедший с момента его совершения, в том числе поведение лица после совершения преступления, а также иные существенные для дела обстоятельства.

Заметим, что следствием явилось внесение в п.1 ст.127 СК РФ изменений, вытекающих из данного Постановления Конституционного Суда РФ.

Полагаем, что в анализируемой ситуации в равной степени были обеспечены частные и публичные интересы, определяющие механизм усыновления. Установление разумного подхода с учетом интересов усыновляемого ребенка и его матери, интересов потенциального усыновителя, являющегося отчимом ребенка выступает дополнительной гарантией укрепления семьи (ст.1 СК РФ).

Другим случаем, когда Конституционный Суд РФ вновь обратился к законоположениям, устанавливающим требования к потенциальным усыновителям, стало обращение гражданина К.С. и гражданки Р.С. Названные лица состоят в браке с 2010 года, проживают и зарегистрированы в одной квартире вместе с несовершеннолетним С., который был рожден в 2015 году родной сестрой Р.С. в результате процедуры искусственной инсеминации и биологическим отцом которого является К.С.

В заявлении об усыновлении, с которым Р.С. обратилась в суд, она отметила, что в 2012 году при нахождении в медицинском учреждении была заражена ВИЧ-инфекцией и гепатитом С, от лечения этих заболеваний не уклонялась.

Суд оставил заявление без удовлетворения, суд апелляционной инстанции оставил решение без изменения, апелляционную жалобу Р.С. без удовлетворения, поскольку у заявительницы выявлено заболевание, включенное в специальный Перечень, что является препятствием для усыновления ребенка.

Как отметил Конституционный Суд РФ в постановлении от 12 марта 2015 года № 4-П со ссылкой на принятое в июне 2004 года заявление Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу и Международной организации по миграции об ограничениях права на передвижение в связи с ВИЧ/СПИДом, в настоящее время мировым сообществом признано, что наличие у лица ВИЧ-инфекции не должно рассматриваться в качестве создающего угрозу для здоровья населения, поскольку вирус иммунодефицита человека, хотя он и является инфекционным, передается не в результате присутствия инфицированного человека в стране или при случайном контакте через воздух либо общие носители, такие как еда или вода, а через конкретные контакты, которые почти всегда являются частными.

Тем не менее, как справедливо указывает Конституционный Суд РФ, поскольку контакт усыновителя с усыновленным в силу того, что они проживают в одном пространстве и что усыновитель осуществляет за усыновленным уход и заботится о нем, - объективно может оказаться ближе, чем обычные контакты через воздух, еду и воду, законодатель вправе проявлять определенную осторожность в регулировании вопроса об усыновлении при наличии у усыновителя ВИЧ-инфекции и (или) гепатита С, для которого характерны аналогичные ВИЧ-инфекции способы передачи.

Семья играет особую роль в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей, в связи с этим конституционная ценность института семьи,

как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 года №4-П требует со стороны государства уважения и защиты семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является закрепление правовой связи между родителем или лицом, его заменяющим, и ребенком.

К средствам обеспечения этой связи относится возможность усыновления детей, особенно в той ситуации, когда ребенок уже воспитывается в семье гражданина, намеревающегося его усыновить. Вводимые же федеральным законодателем ограничения права на усыновление детей, включая юридическое оформление фактически сложившихся семейных отношений, должны устанавливаться исключительно в интересах детей, оставшихся без попечения родителей, и не могут влечь снижения уровня социальной устроенности ребенка, воспитывающегося в семье без юридически оформленных для этого оснований.

В силу своего императивного характера соответствующие положения п.1 ст.127 СК РФ и п.2 Перечня заболеваний применяются в судебной практике как предполагающие отказ потенциальному усыновителю при формальном подтверждении одного только факта наличия у него ВИЧ-инфекции и (или) гепатита С.

Тем самым в нарушение предписаний Конституции РФ и международно-правовых актов о правах ребенка исключается возможность учета в конкретных жизненных ситуациях всех заслуживающих внимания обстоятельств, в том числе свидетельствующих (как это имело место в отношении заявителей по настоящему делу), что ребенок уже проживает в семье гражданина, который хочет его усыновить, при этом усыновление позволит лишь юридически оформить фактически сложившиеся между ними отношения родителя и ребенка, не увеличивая ввиду их нахождения в одном жизненном пространстве риски для здоровья ребенка.

Учитывая, что усыновление с учетом обозначенных обстоятельств отвечает интересам ребенка и позволяет юридически оформить фактически сложившиеся семейные отношения, судебные акты по делу гражданина К.С. и гражданки Р.С. подлежат пересмотру.

Полагаем возможным отметить еще одно Постановление Конституционного суда РФ, содержание которого позволяет определить пределы обеспечения прав и интересов членов семьи, соотнести интересы усыновителей, интересы усыновленных и интересы потомков усыновителей.

Конституционность положений ст.139 СК РФ и ст.47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» оспаривалась в жалобе граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной. Решением Хамовнического районного суда г. Москвы от 10 августа 2010 года, которое было оставлено без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20 ноября 2011 года, заявителям было отказано в удовлетворении требования об обязанности Хамовнического отдела ЗАГС Управления ЗАГС г. Москвы предоставить доступ к архивным документам, касающимся факта усыновления Г. И. Грубича – соответственно супруга и отца заявительниц. В частности, после смерти

Г.И. Грубича заявительницам стало известно, что он в малолетнем возрасте был усыновлен по прибытии в СССР из Испании.

По мнению заявительниц, законоположение, предусматривающее возможность разглашения тайны усыновления только с согласия усыновителей, делает бессрочным соответствующий запрет после смерти усыновителей и усыновленного, что противоречит ст.29 Конституции РФ, предусматривающей право на свободный поиск и получение информации.

Безусловно, правовой режим тайны усыновления, установленный действующим правовым регулированием, направлен на создание полноценных семейных, подлинно родственных отношений между усыновителем и усыновленным, защиту прав и интересов всех членов семьи.

Вместе с тем тайна усыновления не является обязательным условием любого усыновления, но сохранение тайны усыновления законодатель связывает исключительно с волей усыновителей. Вмешательство во внутрисемейные отношения со стороны иных лиц в ситуации, когда ребенок может получить интересные его сведения о своем происхождении непосредственно от усыновителей, не отвечает интересам ни усыновленного, ни тем более усыновителей.

В то же время в ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка, хотя и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи, выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека.

Соответственно, юридическая возможность предоставления потомкам усыновленного лица информации, касающейся его усыновления, после его смерти – при отсутствии высказанной его усыновителями при жизни воли на раскрытие тайны усыновления – не может рассматриваться как не имеющая необходимого конституционного обоснования.

Будучи направленной на обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, реализация данной возможности позволяет оценить целесообразность дальнейшего сохранения тайны усыновления исходя из необходимости соблюдения всего комплекса прав биологических родителей и членов их семьи: интерес потомков усыновленного в раскрытии этой тайны – не единственный подлежащий защите интерес, а его особая, преимущественная защита могла бы создать предпосылки для нарушения баланса прав и обязанностей всех участников сложной системы правоотношений, сопровождающих процедуру усыновления.

Таким образом, указанные законоположения не противоречат Конституции РФ, поскольку не дают оснований для вывода об отсутствии у суда общей юрисдикции права в каждом конкретном случае решать вопрос о возможности предоставления потомкам усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей в объеме, необходимом для реализации ими права знать свое происхождение, обеспечивающем поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей, а также прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений.

Приведенные нами примеры позиции Конституционного Суда РФ по жалобам, затрагивающим интересы заявителей в семейных правоотношениях, дают основания утверждать о необходимости правильного и всестороннего толкования законоположений, регламентирующих отношения, связанные с осуществлением, охраной и защитой семейных прав граждан. Именно выявление подлинного интереса каждого из субъектов, установление приоритета в обеспечении интересов и их взаимосвязи способны представить комплексное понимание системы интересов в семейных правоотношениях.

Список литературы

1. Определение от 17 декабря 2008 года № 1055-О-П по жалобе гражданки Ф. на нарушение ее конституционных прав статьей 144 Семейного кодекса Российской Федерации

Об авторе:

ЗАМРИЙ Олег Николаевич – кандидат юридических наук; доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN - код: 9284-0717, e-mail: zamriy.on@tversu.ru

INTEREST IN FAMILY RELATIONS: OPPOSITION OF VIEWS OF GENERAL JURISDICTION COURTS AND THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

O.N. Zamriy

Tver State University

The author analyzes the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, emphasizing the peculiarities of understanding by the courts of general jurisdiction of the relevant laws as exclusively peremptory norms, subsequently demonstrating the grounds and limits for considering the circumstances of a particular situation from the point of view of ensuring the interests of subjects of family legal relations.

Keywords: *family relationships; adoption; interests of the child; public interest*

About author:

ZAMRIY Oleg – Cand. jus. associate professor, Department of civil procedure and law enforcement, Tver state University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33); SPIN-код: 9284-0717, e-mail: zamriy.on@tversu.ru

Замрий О.Н. Интерес в семейных отношениях: противоположность взглядов судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Российской Федерации // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 65 – 73.

О МНИМОМ И (ИЛИ) ПРИТВОРНОМ ХАРАКТЕРЕ ИНТЕРЕСА РОДИТЕЛЕЙ В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор заявляет о такой форме противоречия интересов родителей и детей как совершение родителями мнимых и притворных сделок при осуществлении родительских прав и обязанностей. Утверждается, что отсутствие у родителей цели породить соответствующие их семейно-правовому статусу последствия либо совершение действий, имеющих целью скрыть иные намерения в сфере осуществления родительских прав и обязанностей, является особой формой противоречия между интересами родителей и интересами детей.

Ключевые слова: интересы ребенка; интересы родителей; мнимые сделки; притворные сделки; семейные правоотношения; гармонизация интересов в семейном праве.

Семья является социальным институтом, для содержания и формы которого, по нашему мнению, характерен процесс постоянной трансформации, видоизменения по различным параметрам и отнюдь не всегда можно утверждать о процессе совершенствования. В любом случае это развитие как поступательное движение, переход от одного качества к другому, при этом признаки, характеризующие состояние семейных отношений на том или ином этапе, оцениваются посредством совершенно разных критериев.

Отечественный цивилист И.А.Покровский писал: «Строение семье и семейственных отношений затрагивает самые разнообразные интересы – интересы самих членов семьи, интересы различных общественных групп, интересы государства, наконец, интересы религии, церкви. Все эти интересы перекрещиваются самым разнообразным образом, создавая возможность разнообразных и зачастую очень острых конфликтов» [7, с.8-35] Отмечая особый характер взаимосвязи интересов в семейных отношениях, И.А.Покровский различал внутренние и внешние интересы в семье: «Внутри семьи коллидируют интересы мужа и жены, родителей и детей; на внешнюю сторону коллидируют интересы супругов с интересами тех или других общественных групп, государства, церкви» [7, с. 163].

Иерархия интересов в семейных правоотношениях, на наш взгляд, имеет несколько критериев построения и обеспечения [3], однако в основе ее понимание интереса как социальных потребностей, то есть потребности в определенных социальных условиях.

Теория интереса, разработанная Р.Е.Гукасяном, позволяет нам исследовать содержание и форму проявления интереса теми или иными субъектами в различных отношениях именно в контексте ожиданий лица в конкретных условиях социальной действительности.

«Интересы порождаются положением субъекта в социальных связях, - писал Р.Е.Гукасян, - и представляют собою стремление к созданию необходимых социальных условий для достижения указанных выше целей» [2, с. 216].

Представляется, что именно семейные правоотношения позволяют продемонстрировать специфику «стремления» отдельных членов семьи к формированию семьи как социального и правового института.

В рамках настоящей статьи полагаем возможным и необходимым отметить некоторые особенности содержания и форм реализации интереса родителей в семейных правоотношениях.

Правовой формат интереса родителей определен в Конвенции ООН о правах ребенка [5]: «Родители или в соответствующих случаях законные опекуны несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы» (ст. 18), в Семейном кодексе Российской Федерации [9] (далее – СК РФ): «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей» (ст. 65).

Таким образом, государство четко определяет ориентир родительского интереса и предмет основной их заботы, это – интересы ребенка. При этом установлены и, как минимум, два критерия поведения родителей:

а) при осуществлении родительских прав и, следовательно, при реализации родительского интереса, не допускаются противоречия с интересами детей;

б) при осуществлении родительских прав действует приоритет интересов детей, поскольку обеспечение интересов детей, а не собственных интересов должно быть предметом «основной» заботы их родителей.

Значит ли это, что мужчина и женщина, являющиеся родителями ребенка, должны соотносить свои интересы исключительно с интересами ребенка, не допуская каких-либо противоречий его интересам в своем поведении? Очевидно, да. Более того, представляется, что родители должны руководствоваться данным принципом «в постоянном режиме», при совершении любых действий и бездействии.

По нашему мнению, данное утверждение в полной мере применимо и при совершении родителями юридически значимых действий в отношениях, на первый взгляд, не затрагивающих интересы ребенка вовсе. В частности, при совершении сделок, связанных с распоряжением супружеским имуществом, особенно, если один из супругов занимается предпринимательской деятельностью.

Материалы правоприменительной практики, к сожалению, насыщены примерами, изучение которых позволяет утверждать о совершении родителями сделок, противоречащих интересам ребенка. Обращает на себя внимание то, что в большинстве случаев противоречие явно не прослеживается, наоборот, родители позиционируют себя в рассматриваемом споре именно как законных представителей ребенка, руководствующихся исключительно интересами последнего.

Представляется, что специфика родительского правоотношения, а именно участие на стороне «родители» двух субъектов, зачастую имеющих совершенно

противоположные частные интересы, не совпадающие с публично-правовым интересом именно родителей как лиц, персонально ответственных за обеспечение интересов ребенка, создает предпосылки для формирования мнимого частного интереса каждого из родителей.

Мнимые и притворные сделки, ничтожность которых установлена в ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], безусловно, часто совершаются и с демонстрируемой целью обеспечения интересов детей. Примером тому могут быть судебные решения о признании недействительными соглашений об уплате алиментов на содержание несовершеннолетних детей, заключенных между родителями в преддверии банкротства предполагаемого плательщика алиментов [4].

В п.1 ст.170 ГК РФ законодатель определяет мнимую сделку как действия, совершенные лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия. Внешнее сходство мнимой и притворной сделок (п. 2 ст. 170 ГК РФ) создает иллюзию их тождества при квалификации конкретных деяний, в том числе и уже упомянутых нами. Безусловно, гражданско-правовые сделки, при совершении которых родителями затрагиваются интересы детей, могут быть и мнимыми, и притворными.

Кстати, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ №25 от 23 июня 2015 года «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [8] отмечается еще один вид сделок, совершаемых в исследуемой нами сфере семейных отношений. Так, в п.85 разъясняется, что в качестве сделок, совершенных с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, могут быть квалифицированы сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми. Остается лишь догадываться, что имел в виду Пленум ВС РФ, но в любом случае в качестве квалифицирующего признака предполагается намеренное поведение родителей, поскольку отмечается «заведомо» противоправный характер деяния.

Продолжая исследование проблематики интереса, полагаем возможным заявить о мнимом характере сделок, совершаемых родителями в семейных правоотношениях, то есть при непосредственном осуществлении ими своих родительских прав и исполнении обязанностей. Родители не могут и не должны допускать противоречия интересам детей, однако зачастую при осуществлении родительских прав родители не имеют в качестве цели наступление правовых последствий, обусловленных семейно-правовым статусом родителем, а именно – обеспечение интересов детей.

Приведем в качестве примера определение № 88-1228/2019 Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции, которым были оставлены без изменения решение Еманжелинского городского суда Челябинской области от 25 марта 2019 года и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 11 июля 2019 года [11].

Основанием для судебного разбирательства стал иск прокурора об обязанности ответчиков, являющихся родителями ребенка, в течение месяца со дня вступле-

ния решения суда в законную силу обратиться в ГБУЗ «Областной Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями» для проведения обследования их малолетней дочери.

В обоснование требования прокурор ссылаясь на то, что на момент беременности ответчики страдали ВИЧ-инфекцией, в связи с чем могло пройти внутриутробное заражение ребенка. По мнению прокурора, действиями родителей, не осуществивших до настоящего времени надлежащего обследования ребенка, нарушены права и законные интересы малолетней, соматический статус которой на настоящее время не установлен, в связи с чем не могут быть сделаны выводы об отсутствии у нее заболевания, требующего незамедлительного и постоянного лечения. Подобная позиция родителей создает угрозу жизни и здоровью несовершеннолетней, в отношении которой имеются основания полагать о необходимости проведения медицинского лечения, без осуществления которого возможно наступление ухудшение здоровья ребенка и летального исхода.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, на родителей малолетней была возложена обязанность обратиться в соответствующее медицинское учреждение, однако мать ребенка в кассационной жалобе просит отменить состоявшиеся по делу судебные постановления.

Полагаем возможным отметить позицию Судебной коллегии по указанной кассационной жалобе лишь в той части, которая связана с применением норм материального права.

Так, мать малолетней ссылаясь на нормы международного права, Федеральных законов, постановлений Правительства РФ и ведомственных актов, регламентирующих профилактику распространения в РФ заболеваний, вызываемых вирусом иммунодефицита человека, указывает, что они не предусматривают отнесение детей, рожденными ВИЧ-инфицированными матерями, к категории лиц, подлежащих обязательному медицинскому освидетельствованию.

Подобные доводы судебная коллегия оценила как несостоятельные, поскольку соответствующие нормативные акты не предоставляют родителям права произвольного отношения к здоровью детей, они предполагают именно участие родителей в охране жизни и здоровья несовершеннолетних (в данном случае малолетней – О.И.), которые сами не могут выразить своего отношения к необходимости выявления и лечения заболеваний.

Более того, судебная коллегия отмечает, что положения п.5 ст.7 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» [10] полностью согласуются с положениями п.1 ст.62 и п.1. ст.65 СК РФ, согласно которым родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Судебная коллегия делает акцент и на том, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей, обеспечение которых должно быть предметом основной заботы родителей.

Таким образом, ответчики легкомысленно исключают возможность заболевания их малолетней дочери, отказываются пройти обследование. Учитывая это, судебная коллегия приходит к выводу, что в данном случае речь идет **не о принудительном освидетельствовании на наличие (отсутствие) у малолетней ВИЧ-инфекции, а о возложении на родителей ребенка обязанности осуществления своих родительских прав в интересах ребенка** (выделено мною – О.И.).

При этом подчеркивается – ответчикам достоверно известно, что медицинское обследование связано лишь с внутривенным забором крови малолетней, в связи с чем данное обследование безопасно для ребенка. Однако, как считает судебная коллегия, ответчики без какой-либо мотивации отказываются от проведения данного обследования, действуя не в интересах ребенка, в отношении которого есть основания полагать наличие ВИЧ-инфекции.

Достаточно странный аргумент был представлен родителями малолетней в суде первой инстанции: они провели необходимые обследования для поступления ребенка в дошкольное образовательное учреждение, чего вполне достаточно для установления «потенциально возможного диагноза ВИЧ-инфекции». В медицинской карте ребенка имеются результаты общего анализа крови, общего анализа мочи, кала на яйца остриц, а также осмотра педиатром, что не является специфическими методами для диагностики ВИЧ-инфекции. Таким образом, родители намеренно проигнорировали известные им, как являющимся ВИЧ-инфицированными, специальные правила, регламентирующие методы и сроки обследования с целью диагностики указанного заболевания.

Представляется, что приведенный пример позволяет утверждать о проявлении мнимого характера поведения родителей, поскольку все совершаемые ими действия, как в равной степени и бездействие, не имеют цели обеспечить интересы ребенка. Не просто уклоняясь от надлежащего исполнения родительских прав и обязанностей до рассмотрения соответствующего требования судом, но и заявив соответствующие требования в рамках рассмотрения дела судебными инстанциями и выступая при этом именно в интересах малолетней дочери, ответчики продемонстрировали явное противоречие интересам дочери.

Представляется, что в поведении родителей могут присутствовать и проявления притворности, то есть совершение действий с целью прикрыть совершенно иные намерения.

Обратимся к определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2019 года по делу № 18-КГ18-223 [6].

Н.О., мать малолетнего, обратилась с иском к В.М. об определении места жительства малолетнего И., взыскании алиментов на его содержание, определении порядка общения В.М. с малолетним И.

В иске указывалось, что истец проживала с ответчиком без регистрации брака, 29.04.2016 у них родился сын И., примерно через год после рождения ребенка ответчик стал проживать отдельно, удерживая ребенка у себя и препятствуя матери в общении с И.

При этом истец просила определить место жительства ребенка с ней, предоставив отцу возможность встреч с малолетним сыном по четным числам каждого месяца с 9 до 14 часов по месту проживания матери с правом посещения общественных мест в присутствии матери до достижения ребенком трехлетнего возраста, а после достижения – в отсутствие матери.

Ответчик обратился со встречным иском об определении места жительства ребенка с ним, а в случае отказа в удовлетворении этого требования определить следующий порядок общения ребенка с отдельно проживающим отцом: отец вправе проводить по своему выбору любые четыре дня каждую неделю с 9 до 21 часов с правом посещения места жительства ребенка, а также общественных мест в отсутствие матери. При этом в дни, когда ребенок общается с отцом, дневной сон ребенка проходит в месте пребывания отца. По достижении ребенком двухлетнего возраста отцу вправе два раза в неделю оставлять ребенка ночевать месту своего жительства. Периоды общения с ребенком в праздничные дни разделить между родителями поровну с ежегодной ротацией. Начиная с летнего периода 2018 года (то есть по достижении ребенком возраста двух лет – О.И.) отец вправе проводить с сыном для его отдыха и оздоровления один летний месяц по своему выбору.

Решением Тимашевского районного суда Краснодарского края от 8 декабря 2017 года место жительства ребенка было определено с матерью, порядок общения ребенка с отцом был определен в соответствии с предложенным им графиком. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 6 марта 2018 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Вместе с тем Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ указанное решение районного суда было отменено в части определения порядка общения сына и отца, проживающего отдельно от ребенка.

Было установлено, что мотивов, по которым судом отдано предпочтение предложенному ответчиком графику общения с ребенком, в решении суда не содержится. Такие юридически значимые обстоятельства, как режим дня малолетнего ребенка, удаленность места жительства отца от места жительства ребенка, режим работы ответчика, его возможность оставаться с малолетним ребенком на указанное время, а также круг близких родственников ответчика, дни рождения которых тоже входят в период общения ответчика и ребенка, ни судом первой, ни судом апелляционной инстанций, установлены не были.

Справедливости ради необходимо отметить, что при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции органом опеки и попечительства было представлено заключение, в соответствии с которым **предложенный отцом график общения с ребенком по своей сути уже является графиком проживания ребенка** (выделено мною – О.И.) и недопустимым форматом опеки, поскольку «ведет к формированию амбивалентного (двойственного) восприятия ребенком реальности, к двойным стандартам, к формированию навыков манипулирования у детей, лишает ребенка чувства «настоящего дома». Ребенок вынужден жить на два дома и приспособливаться к двум разным бытовым укладам, раз-

ным требованиям, что создает неврозогенную ситуацию для ребенка». При этом в заключении подчеркивалось, что предложенный истцом график общения ответчика с ребенком не противоречит интересам последнего.

Между тем, данное заключение органа опеки и попечительства оставлено судом апелляционной инстанции без внимания и правовой оценки суда не получило.

При таких обстоятельствах, по мнению судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ, вывод суда о том, что порядок общения ответчика с малолетним сыном отвечает интересам ребенка, нельзя признать правильным.

Как говорится, невооруженным глазом видно, что отец малолетнего ребенка уже изначально имел намерение установить место жительства ребенка с ним, удерживая ребенка и ограничивая мать в общении с сыном. Заявив встречные иски об определении места жительства ребенка с ним, отец завуалировал свои намерения требованием об определении порядка общения с сыном, если в удовлетворении основного требования будет отказано.

Внимательное изучение предложенного отцом графика общения с малолетним сыном дает основания утверждать о притворном характере заявленного требования, что совершенно справедливо отражено в заключении органа опеки и попечительства. У отца вовсе не было намерения установить именно график общения с сыном, его интерес заключался в установлении режима фактического проживания ребенка по месту его жительства.

Согласимся, сфера осуществления родительских прав и исполнения обязанностей характеризуется различным сочетанием частных и публичных интересов, о необходимости гармонизации которых нами уже неоднократно заявлялось. Полагаем, что новым направлением в исследовании проблематики гармонизации интересов в семейных правоотношениях должно стать исследование признаков мнимости и притворности интереса в поведении родителей, правовых последствий осуществления родительских прав в контексте отсутствия противоречий интересам детей.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. – М. : Проспект, 2008. – с.216.
3. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. Монография. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007.
4. Информационная база «СудАкт».
5. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс»

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-223/ URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012019-n-18-kg18-223/>

7. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Сер. «Классика российской цивилистики». М., 1998. С. 349.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

10. Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

11. URL: <https://www.vsrif.ru/>

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», доктор юридических наук, профессор, (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

ABOUT THE IMAGINARY AND (OR) PRETENDED NATURE OF THE PARENTS ' INTEREST IN FAMILY LEGAL RELATIONS

O.Y. Ilina

Tver State University

Abstract: the Author States that such a form of conflict of interests between parents and children is the Commission by parents of imaginary and pretend transactions in the exercise of parental rights and duties. Argues that the absence of parents goal to produce relevant, their family legal status or consequences of actions intended to hide other intentions in the sphere of implementation of parental rights and responsibilities, is a special form of contradictions between the interests of parents and children.

Keywords: *interests of the child; interests of parents; imaginary transactions; pretend transactions; family legal relations; harmonization of interests in family law.*

About the author:

ILINA Olga - Dean of the faculty of law, Tver state University, (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), doctor of law, Professor, SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. О мнимом и (или) притворном характере интереса родителей в семейных правоотношениях // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 74 – 82.

В.И. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье ставится проблема разработки теории конституционного интереса как институционального компонента конституционной теории современного права. Обосновывается несостоятельность традиционных (позитивистских) трактовок интереса как юридически значимого феномена и научно-правовой категории.

Ключевые слова: законный интерес, Конституция РФ, конституционализация, правовые отношения, цели правосудия.

С позиций конституционного правопонимания научная и практическая дискуссия о правовом значении понятия интереса и его роли в юридических практиках предполагает убедительное соотнесение не только с непосредственными ориентирующими положениями Конституции РФ [5], но также с теориями конституционного правопользования [8, с. 166 – 171], и конституционализации права [7, с. 43 – 45], как не входящими в какое-либо существенное противоречие с Западной и отечественной правовыми традициями.

Полноценную (конституционную) генеалогию научной теории (и философии) права нельзя представить, в частности, без идей И. Бентама о необходимости подчинения законотворчества и правового регулирования предварительному осмыслению интересов. И хотя теорию И. Бентама обоснованно классифицируют политической и либеральной по своей идеологической направленности, его либерализм во многом конституционен. Английский теоретик последовательно настаивает на согласовании в правовой политике и практике индивидуальных и общегосударственных интересов, хотя «индивидуальные интересы суть единственные действительно существующие интересы» [3, с. 144 – 145].

В традиционной отечественной (преимущественно позитивистской) теории правовых отношений также всегда находится место категории интереса. Достаточно часто при этом интерес «встраивают» в содержание (структуру) правоотношения, наряду с субъективными правами и обязанностями участников. Распространенность данного представления в учебной литературе такова, что у студентов-юристов вырабатывается стойкое убеждение в его аксиоматичности. Однако ученым-юристам не лишне помнить, что это не так. Научные поиски могут вести и к принципиально иным выводам, когда интересу придается особое, ключевое значение в механизме правового регулирования.

Например, С. Н. Сабикенов находит возможность обоснования объективного характера интересов в юридической сфере с позиций материалистической диалектики [13, с. 38 – 39].

.Ю. И. Гревцов определяет правоотношение специфической формой социального взаимодействия субъектов права с целью реализации законных интересов [1, с. 58]. Нельзя не заметить, что в данном случае интерес как бы выходит

за рамки актуального юридического содержания. В особенности, если мы придерживаемся теоретической конструкции Ю. К. Толстого, который трактует правоотношение как посредствующее звено между нормой и регулируемым ею фактическим общественным отношением [17, с. 32 – 36]. Интерес, тем самым, полагается фактически сущим, что логически актуализирует вопрос о критериях его правомерности, или (хотя бы) законности.

Вероятно наиболее полное, за последние годы, позитивистское исследование законных интересов, включающее обобщение теоретических представлений о данном феномене, представлено В. В. Субочевым. Его «докторская монография» начинается интригующей констатацией ограниченной силы права и связанной с этим многообещающей аннотацией законных интересов как «парадоксальных правовых явлений», «находящихся за рамками как императивности, так и диспозитивности» [14, с. 5 – 6]. Однако очень скоро обнаруживается, что ключевая, как нам видится, юридическая проблема необходимого концептуально связанного перехода от категории интереса как «осознанной необходимости поиска блага для удовлетворения потребности» к законному интересу – теоретического развития не получает даже при намерении связать эту задачу с прояснением сущности права [14, с. 8 – 9, 24 – 25].

На фоне неявных и выраженных отсылок к идеям того же И. Бентама и классическим трудам Р. Иеринга, В. В. Субочев останавливается на телеологической версии юридического позитивизма, безоговорочно признающего верховенства государства. «Право – это всегда сила, волевые начала которой исходят от государства. Государственная воля общества признает: интересы каждого (в случае непротиворечия интересам большинства), в случаи противоречия – интересы совпадающие с общественными; интересы общества, совпадающие с государственными; интересы государственные – в любом случае... Право возникает из диалектического единства всех перечисленных интересов... Правовое же оформление интереса – это уже норма права» [14, с. 8 – 9, 24 – 25, 30].

Понятно, что ни о каком различии права и закона речи здесь быть не может. И возникает этот закон, если отвлечься от «диалектических реминисценций» автора на тему «самоорганизации и саморегулирования», из вывода государства о том, как ему – ради собственных интересов и без ущерба для них – следует подходить к нормативно-регламентирующей гармонизации конкурирующих интересов других лиц в различных сферах. «Опровергающие» нашу трактовку тезисы В. В. Субочева, что «интерес государства не суть норма права» и оно (государство) «не в полной мере свободно в реализации своих интересов» [14, с. 35], – до уровня доктринальной интерпретации верховенства права явно не дотягивают, но, по-видимому, к тому стремятся. Возможно также поэтому в его обстоятельной монографии практически нет упоминаний о Конституции РФ.

Юридический позитивизм имманентно комплементарен теоретическим разработкам отраслевого уровня, даже если сталкивается с представлениями отличными от «его» трактовки права (ведь речь идет о законе, а не о праве). У В.В. Субочева это находит выражение в признании, что «интерес не только

определяет собой объективное право, но и является сущностным моментом права субъективного» [14, с. 41]. В данном отношении ученый опирается на цивилистический анализ Е. Я. Мотовилова, где просматриваются близкие к аналитической юриспруденции признаки «игры» с понятиями «интерес» и «заинтересованность» [10, с. 8 – 10]. Вопросы же о правовой идентичности первого явления и второго состояния «снимаются» по умолчанию.

Сходным образом в науке процессуального права «двойственная» законная заинтересованность сторон получает значение «юридической заинтересованности» [2, с. 51 – 52], поскольку того требует презумпция правового характера положений процессуального законодательства.

Здесь важно подчеркнуть, что конституционное правопонимание отнюдь не ставит под сомнение сущностную однородность современного права в объективном и субъективном смысле, но именно утверждает такое свойство (качество), исходя из факта общепризнанных и неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина. Каким образом соответствующее (и актуальное) онтологическое единство (однородность) обосновывает юридический позитивизм – остается его «тайной» и интуицией или иллюстрацией к доводам о связи систем права и законодательства. Связи, которая, как известно, далеко не всегда достигается и поддерживается на уровне требований конституционной законности и конституционного правопорядка.

Между тем, рефрен конституционного остается редкостью в публикациях пишущих о законных интересах ученых-юристов, не имеющих к тому «номенклатурного» предопределения. К подобному «усилию над собой» их, зачастую, оказывается неспособным подвигнуть даже участие в мероприятиях, посвященных юбилеям Конституции РФ. Тем не менее, все чаще проступает не «формальный», но сущностный прогресс таких разработок в конституционном направлении. Признаками его видятся готовность авторов связать правомерный характер законного интереса и форм (способов) его реализации с «общим смыслом» правовых норм, который облекается в формулировки предельно близкие ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, исключение из сферы заинтересованности противоправных благ, а также признание многообразия правовых средств, опосредующих, наряду с субъективными правами, реализацию правовых возможностей, в особенности, когда речь идет коллективных интересах [15, с. 373 – 374]. Соответствующие методологические акценты расставлены и в теории конституционного правопользования.

В конституционном правопонимании законность есть величина (качество) второго порядка, нуждающаяся в установлении и «сертификации». Даже незначительные (по объему) непосредственно конституционные указания ведут к необходимости научного утверждения категории «конституционный интерес», как и ее функционального назначения в механизме и доктринально-нормативной конструкции конституционного опосредования основных прав, свобод и обязанностей человек и гражданина. Такой вывод следует из взаимосвязанных положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, где защита законных интересов определена целью необходимо-соразмерного ограничения прав и свобод

человека и гражданина, и ст. 15, утверждающей исключительную актуальность для правовой системы России законов конституционных (не противоречащих Конституции РФ). Законный интерес может быть юридически значимым и достоверным только как конституционный интерес. Исходя из этой посылки, необходимо строить и все последующие научные разработки, как доктринальные и общеправовые, так и конкретизированные на отраслевых уровнях, с учетом проблем и потребностей юридической практики.

К сожалению, отечественная наука права пока далека от консолидации в обозначенном отношении. И, думается, решающим образом потому, что не готова принять состоятельность концепта конституционной теории современного права и соответствующего качественного переосмысления предмета конституционно-правового регулирования. Отраслевая инерция и образовательные традиции «не позволяют» увидеть конституционную однородность всего национального права, а не его «конституционные основы»; осознать исторически беспрецедентное значение конституционной науки права, призванной вырабатывать общеправовые эталоны правового регулирования, равно актуальные для понятийно-категориального аппарата всех отраслей и институтов [6, с. 8 – 10].

Понятно, что наиболее созвучны подобные представления ученым-конституционалистами, хотя и в их среде общий настрой скорее консервативно-тактичный (по отношению к коллегам по цеху), чем инновационный. Вместе с тем, любое серьезное конституционно-правовое исследование, так или иначе, «возвращается» к институциональной композиции основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина – альфе и омеге современного права. Высшая ценность и содержательная полнота конституционных полномочий личности не позволяет приравнивать их к субъективным правам, включая традиционные представления о корреляциях. Соответственно, и оперируя категорией интереса, конституционалисты видят в ней, прежде всего, ресурс выражения смысла и учета тех правовых явлений, которые выходят далеко за рамки дискретной субъективности, характеризуя уровни объективного, социального, всенародного в их идеалистическом выражении.

Так, утверждая критерий справедливости для конституционных установлений, И. Г. Дудко пишет: «Под справедливостью понимается связь содержания конституции с интересами влиятельных в данном обществе социальных групп, с массовым (обыденным) сознанием большей части общества...» [4, с. 6].

Сходным образом, размышляя о спецификации конституционных правоотношений, В. О. Лучин определяет таковые как «специальную форму социального взаимодействия субъектов права с целью достижения определенных результатов и обеспечения конституционных интересов» [9, с. 115]. И нигде далее в своих суждениях о конституционных отношениях ученый конституционных интересов не касается, исключая важное уточнение относительно публично-властных субъектов: они должны строить поведение «не в своих интересах, а в интересах носителя субъективного права», хотя не исключено, что такие интересы будут совпадающим по направленности [9, с. 126 – 127].

Важное развитие эта посылка получила в доктринально-нормативных установлениях Конституционного Суда РФ, связанных с осмыслением таких нетривиальных форм реализации права, которые не описываются вариантами непосредственного и публично-опосредованного (применение). В этой связи, в частности, было указано, что положения ст. 980 ГК РФ, закрепляют условия совершения действий в чужом интересе, как направленных на защиту лиц, в интересах которых совершаются такие действия [11]. Позднее Конституционный Суд РФ подчеркнул, что поставленная под сомнение в плане конституционности содержащаяся в п. 2 ст. 980 ГК РФ оговорка о неприменении установленных главой 50 ГК РФ правил к действиям – в интересе других лиц, – совершаемым государственными и муниципальными органами, для которых такие действия являются одной из целей их деятельности. Эта оговорка призвана гарантировать надлежащую правовую основу для эффективного осуществления уполномоченными органами функций и задач публичной власти, связанных с обеспечением прав, свобод и законных интересов граждан, и как таковая не нарушает конституционные права третьих (защищаемых) лиц [12].

В теоретических разработках В. О. Лучина намечается возможность понимания конституционных интересов, как особого рода юридических фактов, с которыми следует связывать и возможность возникновения конституционно-правовых отношений (независимо от их предметной конкретики), и конституционной заинтересованности – как необходимой предпосылки всякого правомерного (конституционного) поведения. Ученый-конституционалист, в частности, отмечает: «Основанием возникновения общих конституционных правоотношений служит появление соответствующего субъекта, его конституирование, особое юридическое состояние в котором он находится» [9, с. 127]. Высказывание это, впрочем, касается весьма специфического круга субъектов права – публично-территориальных образований. Однако, по нашему убеждению, интуитивный посыл сказанного гораздо глубже. Переходя от модели «общих конституционных правоотношений» к отношениям конституционного правопользования, связывая появление особого субъекта – человека, наделенного неотчуждаемыми правами и свободами, с актом принятия Конституции РФ (конституирования), – мы «вновь» подтверждаем, тем самым, одну из аксиом теории конституционного правопользования: осуществлять *свои* права и свободы и требовать обеспечения таких возможностей можно только руководствуясь *своими же*, но *конституционными* интересами. Если же наши интересы и цели неконституционны, – нам придется претерпеть негативные последствия конституционного противодействия и карающего и/или компенсирующего воздействия.

Правоту такой интерпретации, полагаем, вполне может подтвердить и следующий фрагмент из монографического труда В. О. Лучина. «Среди интересующих нас юридических фактов наибольшее распространение получили действия, выражающие волевое поведение субъектов и их соотносимость с требованиями конституционных норм. Это могут быть – *правомерные действия*, аккумулирующие социальную активность субъектов и отражающие процесс их

целестремленной позитивной деятельности, поддерживаемые и стимулируемые Конституцией. Вместе с тем это могут быть и неправомерные действия, совершаемые вопреки конституционным предписаниям, и поэтому осуждаемые обществом и государством» [9, с. 129]. Интерес является своего «визитной карточкой» таких действий и в определенных обстоятельствах может получать самостоятельное правоустанавливающее значение.

Итак, позитивные действия (поступки), а в определенных ситуациях и бездействие, направлены на удовлетворение интересов лица (субъекта), но юридическое значение, содержание, оценка, признание и обеспечение этих действий отсылают к реализации субъективных прав, которые суть конкретизации широкого спектра возможностей, «содержащихся» (потенциально сущих) в объеме их генерирующего основного права или свободы, которыми лицо пользуется. При этом пользование полномочиями должно быть конституционным, для того чтобы лицо могло обоснованно рассчитывать на юридически оформленную поддержку государством (властными органами и должностными лицами) его действий, признание его притязаний и защиту от неправомерных противодействий третьих лиц. Юридическим фактом (и маркером), который обеспечивает возможность искать и добиваться такого признания и защиты (включая судебное обеспечение правопользования), и выступает конституционный интерес. Причем, поскольку конституционные права и свободы (а также обязанности) распространяются и на коллективные субъекты и юридические лица в той мере, в какой это не противоречит природе основных полномочий, постольку на таких лиц проецируется и теоретическая модель конституционно интереса. При этом конституционный интерес публично-властных (управомоченных) органов и должностных лиц соединяет в себе юридико-технические отвлечения (смыслы) таких правовых элементов и средств как юридические факты и юридические фикции.

Интерес следует также отличать от осмысленно-волевой артикуляции целей (намерений) лица как субъекта правопользования (и конкретных правоотношений). И субъективное право, и интерес – идеальны, но они по разному характеризуют связь (потенциальное приобщение) лица с тем благом (ценностью), к которому лицо стремится. Интерес во многом иррационален, эмоционально (психологически) «окрашен» и детерминирован. В этой связи его нельзя уподобить даже мотиву, который, хотя и в факультативной версии, вводят в составы некоторых противоправных деяний (преступлений). И в качестве особого компонента индивидуального сознания (менталитета) интерес не может быть в полной мере юридизирован. Право не только не в состоянии узнать истинные («подноготные») интересы физического лица, но и не должно (не вправе) этого делать, поскольку подобное означало бы покушение на духовно-нравственную и психоземциональную автономию личности, ее ничем не уязвимое достоинство. Необходимая юридизация интересов предполагает объективное отвлечение от сознания их носителей и легитимный критерий идентификации и оценки. Например, неконституционная заинтересованность в отношении объектив-

но проявленных и заявляемых действий, притязаний и требований может стать основанием их квалификации как злоупотреблений правом.

Широко признанное функциональное «прикрепление» субъективных интересов к субъективным правам для целей их совместной реализации (защиты) не только вызывает сомнения в логико-методологическом аспекте, но и чревато рисками злоупотреблений правом в частноправовом и публично-правовом выражении. Показательный судебный казус анализирует, например, молодой автор, приходя в целом к верным умозаключениям. Речь идет о процессе, в рамках которого истица просила выделить в ее пользу долю в праве общей собственности на квартиру, унаследованную сестрами (сособственниками) после смерти отца, ссылаясь на свое преимущественное право, предусмотренное ст. 1168 ГК РФ. Одновременно она просила «взыскать с самой себя в пользу ответчицы денежную сумму в счет компенсации утрачиваемой доли» [16, с. 381 – 383]. Замечательно, что суд первой инстанции эти требования удовлетворил. Причем решающее значение для него получили два, признаваемые судебной практикой, положения: вывод о значительности доли наследника, заявляющего о своем преимущественном праве по сравнению с долями других наследников (т. н. «несоразмерность долей», «малозначительность доли» (в данном случае – это $\frac{1}{4}$), во-первых; вывод об отсутствии существенного интереса ответчицы в пользовании вещью (с чем та открыто не соглашалась, хотя и имеет на праве собственности отдельную квартиру), во-вторых. Таким образом, суд «сполна» использовал ресурс судебного усмотрения при наличии выраженного конфликта «заинтересованностей» сторон и отсутствии иных нормативно-процессуальных предпосылок для принятия именно такого решения. Кассационная инстанция изменила это решение в части, указав, что исключение записи о праве собственника ответчицы произойдет только после выплаты ей соответствующей компенсации. Поскольку же истица компенсацию не выплатила и даже объективно не имела такой возможности (суд первой инстанции проигнорировал данные фактические обстоятельства), ответчица в итоге осталась собственником своей доли, с которой был снят арест. «Таким вот специфическим образом состоялась защита интересов участников общей долевой собственности» [16, с. 387]., – завершает свою статью автор, и его очевидная ирония в отношении свершившегося правосудия видится нам наиболее заслуживающим внимания моментом.

С позиций конституционного правопонимания право есть конституционное решение суда. Защитить конкурирующие юридически значимые интересы можно только на основе их правосудного конституционного «взвешивания». На наш взгляд, ни суд первой инстанции, ни кассационная инстанция такой цели не ставили (не были в этом заинтересованы?). Суд первой инстанции, независимо от подлинных мотивов, подошел к оказавшемуся в его распоряжении «дополнительному» процессуальному ресурсу сугубо формально, указав в тексте решения даже не на большую заинтересованность, а на «большую нуждаемость» истицы в спорной квартире. Кассационная инстанция просто «грамотно» воспользовалась допущенными отступлениями от норм процессуального

закона, одновременно, по сути, согласившись с возможностью судебновластной «трансформации» долевого интереса ответчицы в материальную компенсацию, с размером которой она, кстати, также была не согласна.

Тем самым, мы возвращаемся к конституционному восприятию интереса и проблеме конституционного правопонимания в целом. Актуальное значение для права и правосудия должны иметь не субъективные интересы конкретного лица как таковые, а то – конституционны ли они и в какой «мере». На основе соответствующей идентификации, оценки и «взвешивания» становится возможным переход к решению таких важных правоприменительных (и правосудных) задач как предупреждение и преодоление (разрешение) конфликта интересов, а также необходимое противодействие любым формам (техникам и схемам) злоупотреблений правом, чего не один позитивистский подход обеспечить не может. В этом контексте и перспективе конституционной теории права предстоит ответить на много сложных вопросов, которые неизбежно будут поставлены по мере последовательной юридизации всех аспектов частной и публичной жизни, и без ответов на которые переход к реальному конституционализму вряд ли возможен.

Список литературы

1. Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. Л., 1987. 286 с.
2. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Отв. ред. М.А. Викут. Саратов, 1970. 190 с.
3. Дробышевский С.А. История политических и правовых учений: основные классические идеи. М.: Юристъ, 2003. 412 с.
4. Дудко И.Г. Об авторитетности Конституции // Влияние Конституции Российской Федерации на развитие права, экономики, социума: материалы науч.-практ. конф., Саранск, 5 дек. 2013 г. / редкол.: И.Г. Дудко (отв. ред.). Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2014. 160 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
6. Крусс В.И. Вектор конституционализации: российское правоведение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. Том 15. № 2. С. 5 – 20.
7. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. Монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 240 с.
8. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.
9. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 687 с.
10. Мотовиловкер Е.Я. Интерес как сущностный момент субъективного права (цивилистический аспект) // Правоведение. 2003. № 4. С. 52 – 62.

11. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 года № 1678-О // СПС КонсультантПлюс.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2017 года № 9-П // СЗ РФ. 2017. № 15 (Часть VII). Ст. 2283.

13. Сабикинов С.Н. Об объективном характере интересов в праве // Советское государство и право. 1981. № 6. С. 36 – 45.

14. Субочев В.В. Законные интересы / под ред. А.В. Малько. М.: Норма, 2008. 496 с.

15. Смагина Е.С. Законный интерес как предмет судебной защиты: понятие и виды / Международная научно-практическая конференция «К 20-летию Конституции Российской Федерации. Конституционные права и свободы в Российской Федерации», Ростов-на-Дону, 11-12 октября, 2013 г. (Сборник материалов.) Издательство Южного федерального университета, 2013. 576 с. С. 372 – 381.

16. Суконкин Д.В. Защита интересов участников общей долевой собственности / Защита и охрана материальных и нематериальных благ: публично-правовые и частноправовые аспекты: материалы III ежегодного Междунар. науч.-практ. семинара. Иваново, 26-26 сент. 2009 г. / Отв. ред. О.В. Кузьмина, Е.Л. Поцелуев. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. 440 с.

17. Толстой Ю.К. Еще раз о правоотношении /// «Правоведение». 1969. № 1. С. 28 – 40.

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), т. 8-904-011-59-32, e-mail: t-prava@yandex.ru;

ON THE THEORY OF CONSTITUTIONAL INTEREST

V.I. Kruss

Tver State University

The article raises the problem of developing the theory of constitutional interest as an institutional component of the constitutional theory of modern law. The author substantiates the inconsistency of traditional (positivist) interpretations of interest as a legally significant phenomenon and a scientific and legal category.

Keywords: *legal interest, the Constitution of the Russian Federation, constitutionalization, legal relations, goals of justice.*

About author:

KRUSS Vladimir – doctor of Jur. Sciences, Professor, head of the department of theory of law of Tver State University (Russia, Tver, Zheljabova st., 33); e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. К теории конституционного интереса // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 83 – 92.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ РОССИЙСКИМИ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются вопросы признания и приведения в исполнение решений иностранных судов российскими арбитражными судами. Судебная практика показывает, что отсутствие единого представления о публичном порядке как основании отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, приводит зачастую к отказу в защите нарушенного или оспариваемого права на территории государства исполнения. Необходимо расширение границ действия принципа международной вежливости, что способствовало бы укреплению международных экономических связей и развитию деловых партнерских отношений.

Ключевые слова: публичный порядок, принцип международной вежливости, юридический статус иностранного лица, порядок рассмотрения заявления о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда.

В соответствии с частью 1 статьи 241 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации решения судов иностранных государств, принятые ими по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные суды), решения третейских судов и международных коммерческих арбитражей, принятые ими на территориях иностранных государств по спорам и иным делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (иностранные арбитражные решения), признаются и приводятся в исполнение в Российской Федерации арбитражными судами, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено международным договором Российской Федерации и федеральным законом. Аналогичное правило содержится в ст. 409 ГПК РФ.

Под признанием решений судов иностранного государства принято понимать согласие с тем, что акт иностранного суда способен вызвать юридические последствия в пределах юрисдикции государства признания. А приведение в исполнение рассматривается как «запуск» в действие государственного механизма по обеспечению исполнения иностранного решения. Данный подход оправдан тем, что исполнительное производство является самостоятельной стадией арбитражного процесса.

В силу статьи 243 АПК РФ при рассмотрении дела арбитражный суд в судебном заседании устанавливает наличие или отсутствие оснований для признания и приведения в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения путем исследования представленных в арбитражный суд доказательств, обоснования заявленных требований и возражений. Таким образом, российский суд проводит открытое судебное заседание с вызовом

участников процесса, выслушивает объяснения сторон, исследует доказательства, но без пересмотра решения иностранного суда.

На основании решения иностранного суда и вступившего в законную силу определения суда о принудительном исполнении этого решения выдается исполнительный лист, который направляется лицу, в пользу которого вынесено это решение.

Основания для отказа в признании иностранных судебных и арбитражных решений закреплены в ст. 244 АПК РФ исчерпывающим образом.

Как справедливо указывает И.В. Гетьман-Павлова, «в практике российских судов общей юрисдикции и, особенно, арбитражных судов часто встречается ссылка на противоречие публичному порядку как на основание отказа в исполнении иностранного решения. Далеко не всегда такие ссылки бывают обоснованными — понятие публичного порядка толкуется слишком широко» [1]. Здесь следует говорить о том, что институт оговорки о публичном порядке применяется судами достаточно некорректно.

В судебной практике распространено понимание публичного порядка, данное в одном из Информационных писем еще в 2013 году. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал на то, что «публичный порядок Российской Федерации основан на фундаментальных правовых принципах, которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью... К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (статья 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ)), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц» [2]. Вместе с тем, проблематика вопроса как раз-таки в том, что нет четкого представления о наборе основополагающих принципов, на которых базируется «институт оговорки о публичном порядке». В таком случае суд становится толкователем закона и его позиция здесь определяющая. Согласимся с мнением Гетьман-Павловой И.В. о том, что «в целях развития международного сотрудничества оговорка о публичном порядке в процессуальном смысле должна толковаться ограничительно, в соответствии с разъяснениями вышестоящих судов» [3]. «То, каким образом высшие судебные инстанции интерпретируют и рассматривают публичный порядок и нормы непосредственного применения Российской Федерации, можно признать положительным опытом, так как в судебных актах отражается современная действительность и текущая политика государства» [4].

Еще одной проблемой рассматриваемого института видится процедура признания и приведение в исполнение решений иностранных судов в отсутствие международного договора. В отличие от гражданского процесса, арбитражное судопроизводство характеризуется наличием Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности», которое во многом снимает эту проблему. Также,

руководствуясь статьей III Конвенции «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Нью-Йорк, 10.06.58) «Договаривающееся Государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с национальными процессуальными нормами, на условиях, изложенных в Конвенции» [5]. Но здесь, следует оговориться, что вышеупомянутая Конвенция распространяется на признание и исполнение иностранных арбитражных (третейских) решений, а их не оправданно смешивают с решениями иностранных судов. Анализ судебной практики показывает, что суды повсеместно на нее ссылаются, в независимости от характера признаваемого ими решения. Как справедливо замечает младший юрист адвокатского бюро «Егоров, Путинский, Афанасьев и партнеры» М. В. Безрученков, «самое печальное, что этой позиции придерживаются не только суды первой инстанции, но и вышестоящие судебные инстанции, оставляющие данную ошибку без должного внимания» [6].

Российская Федерация является участницей лишь некоторых соглашений, касающихся взаимного признания иностранных решений. Соответственно для немалого количества стран процедура признания и приведения в исполнение иностранных решений до сих пор остается неурегулированной. «Например, Арбитражный суд г. Москвы с подобной мотивировкой в определении от 7 сентября 2014 г отказал в удовлетворении заявления, указав на отсутствие между Российской Федерацией и США договора о порядке взаимного исполнения решений государственных судов» [7]. Однако по другим делам арбитражные суды не так категоричны и исходят из принципа международной взаимности, признавая и исполняя зарубежные решения. Представляется, что законодательное закрепление принципа международной вежливости сейчас необходимо как никогда. В современном состоянии международных экономических отношений и связей важным связующим и объединяющим правопорядки звеном может стать институт взаимности.

Заявление о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения подается стороной в споре, в пользу которой состоялось решение (взыскатель), в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства должника либо, если место нахождения или место жительства должника неизвестно, по месту нахождения имущества должника. Оно рассматривается судьей единолично в срок, не превышающий трех месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд (ст. 243 АПК РФ).

Таким образом, заслуживают внимания как сам порядок рассмотрения заявления о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, так и установление юридического статуса лица, обращающегося в арбитражный суд РФ. Под юридическим статусом иностранного лица, участвующего в деле, понимается объем правоспособности и дееспособности иностранного лица. В международном гражданском процессе он определяется по личному закону. Юридический статус иностранной организации определяется по праву страны, где учреждено юридическое лицо, организация, не являющаяся юридическим

лицом по иностранному праву, если иное не предусмотрено нормами федерального закона (ст.ст. 1202, 1203 ГК РФ). Юридический статус иностранного гражданина, занимающегося предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, определяется по праву той страны, где он зарегистрирован как индивидуальный предприниматель, либо страны основного места осуществления предпринимательской деятельности (ст. 1201 ГК РФ).

Юридический статус иностранного юридического лица подтверждается, как правило, выпиской из официального торгового реестра страны происхождения. «При установлении юридического статуса иностранного лица суд может также принимать во внимание открытую информацию в сети «Интернет», размещенную на официальных сайтах уполномоченных иностранных органов по регистрации юридических лиц и содержащую сведения о регистрации юридических лиц» [8].

Таким образом, установление юридического статуса взыскателя и должника по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов важно для определения юрисдикции арбитражных судов РФ по рассмотрению соответствующих заявлений. Но при этом неизменным критерием остается характер дела, указывающий на отнесение рассмотрения дела к юрисдикции арбитражного суда. В качестве судебного примера обратимся к делу, находившемуся на рассмотрении в арбитражном суде Иркутской области [9].

Индивидуальный предприниматель Жуманов Узденбай обратился в суд с заявлением о признании и приведении в исполнение решения арбитражного суда г. Астана и исполнительного листа о взыскании с Фарафонова Д.С. 1825 177,46 тенге. Между сторонами был заключен договор поставки, однако должник не исполнил надлежащим образом обязанности по оплате товара. Решением арбитражного суда г. Астана в пользу предпринимателя взыскана задолженность по договору. Как усматривается из материалов дела, должник не является предпринимателем, вместе с тем, деятельность заявителя носит предпринимательский характер, и договор также имеет предпринимательскую цель. Фарафонов Д.С. в свою очередь, являясь гражданином РФ, проживает в г. Шелехове Иркутской области. Соответственно подсудность дела определена, верно. Руководствуясь ст. 7 упомянутого ранее Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности», «государства - участники Содружества Независимых Государств взаимно признают и исполняют вступившие в законную силу решения компетентных судов. Решения, вынесенные компетентными судами одного государства – участника Содружества Независимых Государств, подлежат исполнению на территории других государств – участников Содружества Независимых Государств» [10]. В этом случае российский суд рассмотрел заявление в отсутствие сторон, что не запрещено нашим законодательством. Но на практике иногда возникают ситуации, когда российскому суду необходимо привести в исполнение решение иностранного суда, которое было принято по процессуальному порядку зарубежного государства без вызова участников. Как в таком случае должен поступить суд, столкнувшись с ходатайством об исполнении

решения в России. Выходом из создавшейся ситуации видится в анализе норм зарубежного процессуального законодательства. Так, участникам процесса «как показывает опыт, достаточно представить извлечение из процессуального законодательства иностранного государства с нотариально заверенным переводом» [11].

Список литературы

1. Международный гражданский процесс : учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова, А. С. Касаткина, М. А. Филатова ; под общей редакцией И. В. Гетьман-Павловой. 2-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2020. С.229 // URL: <https://urait.ru/bcode/449307/p.229> (дата обращения: 18.05.2020).

2. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // http://www.arbitr.ru/arxiv/vas_info_letter/82122.html. (дата обращения: 18.05.2020).

3. Международный гражданский процесс : учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова, А. С. Касаткина, М. А. Филатова ; под общей редакцией И. В. Гетьман-Павловой. 2-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2020. С.229 // URL: <https://urait.ru/bcode/449307/p.229> (дата обращения: 18.05.2020).

4. Миронов К. Ю. Публичный порядок и нормы непосредственного применения как основания по российскому праву для отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 290-295. URL: <https://moluch.ru/archive/308/69372/> (дата обращения: 18.05.2020).

5. Конвенция «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Нью-Йорк, 10.06.58) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, № 8, 1993 г.

6. Муратова О.В., Щукин А.И. Проблемы признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных (третейских) решений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. №2 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-priznaniya-i-privedeniya-v-ispolnenie-resheniy-inostrannyh-sudov-i-inostrannyh-arbitrazhnyh-treteyskih-resheniy> (дата обращения: 19.05.2020).

7. Принцип взаимности в арбитражном процессе России и Белоруссии // <https://www.9111.ru/>.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06. 2017 №23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/50029.html/>. (дата обращения: 18.05.2020).

9. Определение Арбитражного суда Иркутской области о признании и приведении в исполнение решение иностранного суда от 29.10.2019 по делу № А19-9903/2019 // <https://ras.arbitr.ru/>. (дата обращения: 19.05.2020).

10. Соглашения стран СНГ от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» // <https://base.garant.ru/10104447/#friends>. (дата обращения: 19.05.2020).

11. Проблемный вопрос признания и исполнения решений иностранных судов на территории России // <https://zakon.ru>. (дата обращения: 19.05.2020).

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна - кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

PROBLEMS OF RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN COURT DECISIONS BY RUSSIAN ARBITRATION COURTS

I.A. Kruss

Tver State University

The article examines the issues of recognition and enforcement of foreign court decisions by Russian arbitration courts. Judicial practice shows that the lack of a common understanding of public order as the basis for refusing to recognize and enforce foreign judgments often leads to a refusal to protect the violated or disputed right on the territory of the state of enforcement. It is necessary to expand the boundaries of the principle of international courtesy, which would help to strengthen international economic ties and develop business partnerships.

***Keywords:** public order, the principle of international comity, the legal status of a foreign person, the procedure for considering an application for recognition and enforcement of a foreign court decision.*

About the authors:

KRUSS Irina - candidate of law, associate Professor of the Department of judicial power and law enforcement OF the Tver state University (33 Zhelyabova str., 170100, Tver), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400 e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И. А. Проблематика признания и приведения в исполнение решений иностранных судов российскими арбитражными судами // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 93 – 98.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ «КОЛОНИАЛЬНЫХ ВОЙСК» В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Т.В. Кувырченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется значение «колониальных войск», выступающих в качестве вспомогательных вооруженных сил Франции, во Второй мировой войне; определяется их правовой статус в качестве одного из участников вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: колониальные войска, вооруженные конфликты, Вторая мировая война, участники вооруженных конфликтов, марокканские гумьеры, военно-этнические вооруженные группы.

В последнее время появляются публикации, посвященные исследованиям участия «колониальных войск» в Первой и Второй мировых войнах. Эти работы в основном анализируют указанных участников вооруженных конфликтов в исторической плоскости. Кроме этого, в отечественной исторической науке сравнительно немного публикаций по данной теме, в основном более активно рассматривают этот вопрос французские исследователи. Но и во Франции начиная только с конца прошлого века осознали важность изучения колониального прошлого и участия «колониальных войск» в мировых войнах.

Интерес к этой теме в отечественной науке возник сравнительно недавно, и некоторые авторы в своих работах пытаются определить значение участия «колониальных войск» для всеобщей победы, как в Первой мировой войне, так и во Второй мировой войне.

В данной работе предпринята попытка определения значения «французских колониальных войск» в мировых войнах (в первую очередь во Второй мировой войне), и их правового статуса в качестве участников вооруженных конфликтов. Обозначение термина «колониальные войска» дается в словарях. Так, словарь исторических терминов определяет колониальные войска как воинские формирования в колониях, служившие для поддержания господства государств-метрополий и подавления национально-освободительных движений местного населения. Так же называли войска, формировавшиеся в колониях для участия в боях Первой и Второй мировых войн [2]. Большая советская энциклопедия определяет колониальные войска как воинские формирования и организации вооруженных сил капиталистических государств, служащие для поддержания господства колонизаторов и подавления национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. К.в. комплектуются в метрополиях путем призыва на основе воинской повинности, вербовки своих и иностранных добровольцев, а также набором европейцев, проживающих в колониях, и некоторых категорий местного коренного населения. Командный состав, как правило, комплекту-

ется из колонизаторов и лишь в небольшой степени и только на низшие должности – из коренного населения колоний [3].

Франция – это страна, которая активно использовала «колониальные войска» на территории Африканского континента, где проходили военные действия, а также Европы. Причем Франция уже во времена Первой мировой войны практиковала участие африканских военных на европейском континенте. В период Второй мировой войны этот опыт Франции оказался бесценным и народы Африки внесли определенный вклад в разгром фашистских захватчиков.

Участие «колониальных войск» во Второй мировой войне оказало также влияние впоследствии и на подъем национально-освободительного движения и распад колониальной системы. Для жителей Африки военная служба позволила получить большой военный и профессиональный опыт, так как они были не только солдатами во время военных действий, но также и шоферами, техниками, строителями.

Система комплектования войск была такова, что позволяла при необходимости быстро подавить возможное внезапное выступление африканских солдат. Основа – это принцип организации пехотных полков под командованием офицеров-европейцев. В качестве рядового состава в таких полках служили как коренное население Африки, так и европейцы. Формировались и кавалерийские полки. Имелись и специальные, например, марокканские части, но они также находились под командованием французских офицеров.

Набор в «колониальные войска» основывался на определенных принципах: добровольность, срочность, ограниченность набираемого контингента (с учетом роста, возраста, состояния здоровья). С 1912 г. войска стали также набираться по призыву. Еще до Первой мировой войны Франция с целью привлечения коренного населения в «колониальные войска» предлагала им хорошее денежное содержание, бесплатное питание, форму, пенсию после выхода в отставку и т.д. [8, с.18].

До начала Второй мировой войны сформированный контингент «колониальных войск» Франции размещался не только на территории африканского континента, но и на территории самого французского государства. После начала войны в 1939 г. число туземцев во французских вооруженных силах увеличилось. Это были алжирцы, тунисцы, марокканцы и др.

Как считают некоторые авторы [7] вклад в победу во многих вооруженных конфликтах был внесен этими этническими группами, в которых модели поведения складывались в условиях длительного военного противостояния. Например, гумьеры. Так как различные этнические группы часто достаточно долго находились в состоянии военной опасности, то готовясь к такому вероятному развитию событий, в критический момент они могли дать мощный отпор врагу, поэтому французские рекруты также использовали эту характерную особенность африканского контингента. Есть и племена с четкой военной специализацией – например «берберы». Марокканские солдаты, использовавшиеся во вспомогательных подразделениях французской армии в период с 1908 по 1946 гг., получили название гумьеры от арабского слова «гум» - «стоять». Они

принимали участие во Второй мировой войне против итальянских войск в Ливии (1940), немецких в Тунисе (1942-1943). Но во время вторжения в Италию (1943-1945) гумьеры, совершили ряд актов насилия в отношении мирного населения. В исторической литературе Италии период с конца мая 1943 года по май 1945 года часто именуется *guerra al femminile* – «война с женщинами». Итальянские историки называют эти зверства *marocchinate* – производное от названия родины насильников, хотя справедливости ради следует отметить, что этнически гумьеры не имели никакого отношения к марокканским арабам, а являлись берберами, имевшими собственную идентичность [7, с. 31-32]. О зверства марокканских гумьеров был впоследствии снят известный итальянский фильм «Две женщины». Марокканские гумьеры чаще всего использовались для разведывательной деятельности в горной местности в Северной Италии, в Германии (при прорыве «линии Зигфрида»). Они мужественно воевали в составе французских войск, но в тоже время совершали насилия, жестокие убийства (отрезали у врагов уши, головы, носы), уничтожали мирное население Италии, занимались мародерством. По свидетельствам очевидцев и собранным данным в областях Лацио и Тоскана этими «войнами» были изнасилованы около 60 000 женщин [9].

Официально и открыто 17 июля 1945 г. в Сенате США выступил сенатор Джеймс Истленд, который осудил зверства, совершенные гумьерами и призвал наказать их за совершенные военные преступления. Но ни США, ни Великобритания не посчитали нужным возбуждать уголовные дела и привлекать виновных к ответственности. 1 августа 1947 года итальянские власти направили ноту протеста французским властям о необходимости привлечения к ответственности лиц, совершивших военные преступления. Но Франция должным образом не отреагировала на документ. Этот вопрос поднимался также в 1951 г., в 1993 г., в 2011 г., но результат тот же. До настоящего времени этот вопрос не обсуждается ни на уровне мирового сообщества, ни на уровне Евросоюза, ни на уровне международных отношений между государствами. Хотя действия марокканских гумьеров являются военными преступлениями, и все лица, их совершившие, должны нести уголовную ответственность.

Правовой статус участников вооруженных конфликтов зависит от роли физических лиц в вооруженном конфликте, степени, интенсивности и характере их участия. Традиционно всех физических лиц, находящихся в зоне конфликта, делят на участников вооруженного конфликта и гражданское население. С учетом и в зависимости от степени участия в боевых действиях и характера выполняемых при этом задач в международно-правовой доктрине сложилась устойчивая концепция о делении участников вооруженных конфликтов на две большие категории: комбатантов (сражающихся) и некомбатантов (несражающихся или "невоюющих") [5, с. 49]. Этот принцип основан на международных нормах: IV Гаагской конвенции 1907 г. и Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. К комбатантам соответственно относят личный состав регулярных вооруженных сил, ополчение, добровольческие отряды (они могут входить либо не входить в состав регулярных вооруженных сил), личный состав органи-

зованных движений сопротивления, партизаны и т.д. Таким образом, можно предположить, что с точки зрения норм международного гуманитарного права «колониальные войска», сформированные как вспомогательный контингент вооруженных сил метрополии, относятся к категории комбатантов и обладают всеми правами этих участников вооруженных конфликтов. Но, на наш взгляд, имеют некоторые особенности, позволяющие выделить их в отдельную группу комбатантов.

Такой способ формирования вооруженных сил с привлечением иностранных войск имеет исторические корни. Например, легионеры. В Словаре исторических терминов они определены как основная организационная и тактическая единица армии Древнего Рима численностью от 4,5 до 10 тыс. человек. Состояла из манипул и турм, а с середины I в. до н. э. из когорт. Название «Легион» в XVI—XIX вв. имели различные воинские формирования во Франции, Великобритании, Германии, России. То же слово в русском счете означало 100 тысяч. В широком значении — очень много, несметное количество [2]. Польские легионы - добровольческие отряды поляков, состоявшие на французской военной службе в период 1797—1801 гг. Некоторые авторы используют для их характеристики термин «наемники», «наемные войска» [6, с. 15-31], что противоречит нормам международного гуманитарного права.

Чем же отличается правовое положение такого участника вооруженного конфликта, как «колониальные войска»? Их нельзя отнести к наемникам. С точки зрения международных норм «наемник – это любое лицо, которое:

- a) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;
- b) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;
- c) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;
- d) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;
- e) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; и
- f) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил» [1, с. 259]. То есть наемник рассматривает вооруженный конфликт как сферу своих личных интересов и должен отвечать тем признакам, какие определены Женевскими конвенциями и Дополнительным Протоколом I к Женевским конвенциям 1949 г. Хотя в последнее время появляется ряд участников, обладающих особенностями, позволяющими дифференцировать их в отдельную группу (например, ЧВК), да и категория «наем-

ник» также претерпевает изменения и не отвечает всем признакам, обозначенным в Дополнительном Протоколе I к Женевским конвенциям 1949 г.

Что же касается «колониальных войск», то они не являются наемными войсками, их нельзя отнести к добровольческим отрядам, движениям сопротивления, они имеют некоторые свойства, отличающие их от регулярных войск метрополии. Эта специфика проявилась и в системе комплектования войск (например, принцип добровольности основывался на хорошем денежном содержании, бесплатном питании, пенсии после выхода в отставку и т.д., а не на идеологических убеждениях), и в принципах организации (например, части находились под командованием французских офицеров). В тоже время они сыграли огромную роль в победе той армии, на стороне которой воевали. И как полагают некоторые авторы превращались в актора международных отношений. «Превращение значительных военных сил, состоящих преимущественно из представителей военно-этнических общностей, в актора международных отношений возможно было лишь в период обострения фаз вооруженных конфликтов, когда такие формирования, во-первых, обеспечивали боевой перевес стороны, от имени которой они выступали, во-вторых, другие акторы, включая верховное командование, теряли управление конкретной военной операцией или же добровольно отдавали ее в распоряжение таких отрядов. Эти два условия придавали военно-этническим группам качества, присущие акторам международных отношений. Но в отличие от других акторов, такое положение было временным и прекращалась с прекращением военной компании» [7, с. 33-34].

В тоже время военно-этнические группы, в частности «берберы» (получившие название «марокканские гумьеры») отличались воинственностью. Однако для французских генералов важнее было их умение выживать в боевых условиях. Это привело к неспособности контролировать своих подчиненных и к преступным действиям «колониальных войск». «Марокканские гумьеры» не понесли справедливое наказание за свои бесчинства. Выгораживая соратников по коалиции, ни Великобритания, ни США, не посчитали нужным инициировать расследование в отношении входившего в состав французской армии марокканского подразделения [4, с. 135-136]. В этом проявилась политика двойных стандартов: совершившие международные уголовные преступления представители побежденной стороны понесли заслуженное наказание и привлечены Нюрнбергским трибуналом к ответственности, а представители победившей стороны за совершенные злодеяния не понесли никакого наказания. Французские власти не рассматривали их действия в качестве преступных, хотя ответственность для них должна была наступить в рамках национального законодательства, как комбатантов, совершивших военные преступления, отличающиеся особой жестокостью.

Таким образом, рассмотрев правовое положение «французских колониальных войск», можно полагать, что оно имеет специфику, позволяющую выделить их в отдельную группу участников вооруженных конфликтов.

Список литературы

1. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. М.: МККК, 2001. 344 с.
2. Словарь исторических терминов – онлайн. Режим доступа: <https://1453.slovaronline.com/2257> (дата обращения: 18.05.2020).
3. Большая советская энциклопедия – онлайн. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/96989> (дата обращения: 18.05.2020).
4. Воробьев С.А. Арабы и Вторая мировая война. // Международная жизнь. 2018. № 5. С. 121 – 136
5. Кремнев П.П. Участники международных вооруженных конфликтов: еще раз о правовом статусе // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 48 – 60
6. Надтока Р.В. Симфония войны: частные военные компании и наемники в современных вооруженных конфликтах: монография /Р.В. Надтока. – Ставрополь. Логос. 2018. – 143 с.
7. Терновая Л.О. Багаева А.В. Военно-этнические группы – акторы международных отношений // Альманах «Казачество» Геополитика и патриотическое воспитание. 2017. № 25 с. 24 – 34
8. Чиняков М.К. Французские колониальные войска во время Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 13-23
9. Марокканские Гумьеры – самые жестокие солдаты 2-ой мировой войны. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/carbontechnology/marokkanskie-gumery--samye-jestokie-soldaty-2oi-mirovoi-voiny-5c26261e1db07f00abad22e9> (дата обращения: 18.05.2020).

Об авторе:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университета» (Россия, Тверь, ул. Желябова, 33); SPIN-код: 6900-5462, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

DETERMINATION OF THE LEGAL STATUS OF "COLONIAL TROOPS" IN ARMED CONFLICTS

T.V. Koverchenko

Tver state University

The article analyzes the significance of the "colonial troops" acting as auxiliary armed forces of France in the Second world war, and determines their legal status as one of the participants in armed conflicts.

Keywords: *colonial troops, armed conflicts, world war II, participants in armed conflicts, Moroccan humanitarians, military-ethnic armed groups.*

About the author:

KUVYRCHENKOVA Tatyana Vladimirovna - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education "Tver State University" (Russia, Tver, 33 Zhelyabova St., 33); SPIN-code: 6900-5462, e-mail: kuvirchenkova@rambler.

Кувырченкова Т.В. Определение правового положения «колониальных войск» в вооруженных конфликтах // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 99 – 105.

СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при взаимодействии участников внешнеэкономической деятельности и таможенных органов. Целью научной работы является рассмотрение некоторых аспектов соотношения публичных и частных интересов в таможенной сфере. На основе общелогических методов исследования были выявлены вопросы, по которым чаще всего пересекаются интересы таможенных органов и декларантов.

Ключевые слова: классификация товаров, таможенная декларация на товары, таможенные органы, таможенный представитель.

На таможенные органы возложены функции по обеспечению национальной и экономической безопасности страны. При этом контрольные функции так или иначе связаны с взиманием таможенных платежей. Участники внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) заинтересованы в укоренном и упрощенном совершении таможенных операций, а также минимальных финансовых затратах, связанных в основном с уплатой таможенных пошлин, налогов, и сборов за размещение товаров на складах временного хранения в случае проведения таможенного контроля до выпуска товаров. Поэтому для сферы таможенного дела характерно столкновение публичных и частных интересов, которое приводит к возникновению споров.

По положениям главы 51 Федерального закона от 03.08.2018 г. № 289 «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 289) [2] разрешение споров, возникающих из таможенных правоотношений, может происходить в административном и (или) судебном порядке. При использовании административного порядка декларант может обратиться с соответствующим письменным заявлением в вышестоящий таможенный орган. В силу того, что от имени и поручению декларанта в таможенных правоотношениях может участвовать таможенный представитель, то и он уполномочен выступать в спорных ситуациях с таможенным органом. Однако необходимо учитывать, что при подаче жалобы таможенный представитель должен подтвердить свои полномочия и доказать свое отношение к рассматриваемому спору, предоставив договор об оказании услуг таможенного представителя с определенным декларантом.

Необходимо обратить внимание на то, что таможенный представитель несет солидарную ответственность с декларантом по уплате таможенных платежей. Однако в соответствии с п. 7 ст. 346 ФЗ № 289 если декларант предоставил таможенному представителю поддельные документы, на основе которых таможенный представитель заполняет таможенную декларацию, при этом таможен-

ный представитель не знал и не должен был знать о незаконности перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, что будет установлено решением суда или таможенного органа, он освобождается от обязанности по уплате таможенных платежей.

На официальном сайте Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России) размещен интересный пример по рассмотрению жалобы, в которой заявитель просил признать неправомерными действия таможенного органа по направлению уведомлений о не уплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей, поскольку, по его мнению, он как таможенный представитель должен быть освобожден от обязанности по уплате таможенных платежей в связи с тем, что он при подаче деклараций на товары, не знал и не должен был знать о незаконности перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, так как оригиналы сертификатов о происхождении товаров передавались в таможенный орган водителями транспортных компаний непосредственно при завершении процедуры таможенного транзита, а подготовка деклараций на товары осуществлялась специалистами таможенного представителя на основании копий товаросопроводительных документов [6].

В указанном случае ФТС России отказала заявителю в рассмотрении жалобы в силу того, что обязательным условием возможности неисполнения обязанности по уплате таможенных платежей таможенным представителем является подтверждение отсутствия вины лица, которая устанавливается соответствующим решением суда или таможенного органа в соответствии с предоставленными законодательством полномочиями по рассмотрению уголовных или административных дел. Положения ч. 1 ст. 298 ФЗ № 289 содержат закрытый перечень сведений, подлежащих указанию в решении по жалобе, в число которых не входят обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии либо наличии вины.

Таможенный представитель являясь профессиональным участником ВЭД, обладает знаниями и владеет навыками по совершению таможенных операций, поэтому должен проверять сведения, которые содержатся в соответствующих реестрах, например, в едином реестре выданных сертификатов соответствия и зарегистрированных деклараций о соответствии на информационном портале ЕАЭС [7] и в электронных реестрах на сайте Федеральной службы по аккредитации (Росаккредитация) [8], а также правильно подбирать классификационный код в соответствии с Единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) [1], рассчитывать таможенную стоимость и таможенные платежи. Поэтому, деятельность таможенного представителя важна и необходима как для декларанта, так и для таможенного органа. Ведь, обращаясь к услугам таможенного представителя, декларант должен быть уверен, что все таможенные операции будут совершены правильно. Таможенный же орган включает в реестр таможенных представителей только те юридические лица, которые выполняют требования и условия, установленные наднациональным законодательством Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и национальным законодательством РФ.

Перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС предполагает их декларирование и уплату таможенных платежей. В свою очередь, декларирование посредством заполнения электронной таможенной декларации на товар (далее – ДТ) означает заявление таких сведений о товаре, которые впоследствии повлияют на размер подлежащих уплате таможенных пошлин и налогов, применение запретов и ограничений. По этой причине участники ВЭД могут указывать в декларации неполные или неверные данные о товаре.

Например, на основе указанных в графе 31 ДТ характеристик товара (состав, назначение, область применения, размер, комплектность, и др.) определяется классификационный код, фиксируемый в графе 33 ДТ. В свою очередь, от классификационного кода зависит ставка таможенной стоимости, которая указывается в графе 47 ДТ. При проверке декларации таможенный инспектор проверяет достоверность заявленных декларантом сведений о товаре. Пристальное внимание инспектора будет обращено к графам 31, 33 и 47 ДТ, если коду ТН ВЭД ЕАЭС соответствует нулевая ставка ввозной пошлины.

В случае проверки классификационного кода важным моментом является соответствие сведений о товаре, зафиксированных в ДТ, реальным характеристикам перемещаемого товара и остальным коммерческим документам на это товар. Например, в декларации заявлен товар – паркетная доска из бамбука с кодом ТН ВЭД ЕАЭС 4409 21 000 0, которому соответствует ставка ввозной таможенной пошлины в размере 8%. В результате контроля будет выявлено, что на самом деле перемещаются паркетные доски из дуба. Тогда изменяется код на 4407 91 310 0, которому соответствует ставка ввозной таможенной пошлины в размере 10%.

Наибольшей частотой возникновения и сложностью отличаются таможенные споры по вопросам классификации товаров. При этом участники ВЭД предпочтение отдают разрешению таких споров в судебном порядке.

В силу того, что большинство участников ВЭД являются юридическими лицами, которые перемещают товары через таможенную границу в коммерческих целях, то таможенные споры разрешаются в арбитражных судах.

Необходимо помнить, что по правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [3] обязанность доказывания по делам, возникающих из публичных правоотношений, лежит на таможенном органе. И в значительном количестве дел таможенный орган не может доказать, почему же позиция декларант является неверной. Например, «оценив представленные доказательства по правилам главы 7 АПК РФ, суды первой и апелляционной инстанций сделали вывод о правомерности классификации декларантом ввезенного товара по заявленному им коду, посчитав, что таможня не доказала обоснованность отнесения спорного товара к иной товарной позиции ТН ВЭД ЕАЭС, с чем согласился суд округа» [5].

Отчасти проигрыш таможенного органа связан с тем, что сложно собрать все необходимые коммерческие документы, так как товар приобретался в другом государстве. Также споры по классификации товаров отличаются сложностью построения самой ТН ВЭД, субъективным подходом к толкованию основ-

ных правил интерпретации и необходимостью получения специальных знаний по различным категориям товаров.

В настоящее время активно используется автоматическая регистрация таможенных деклараций и автоматический выпуск товаров, когда не требуется участие должностного лица таможенного органа. При автоматическом выпуске товаров компьютерная программа проверяет все сведения о товаре, например, сравнивает вес товара, указанного в декларации с весом в инвойсе и упаковочном листе, а также с фактическим весом такого товара и принимает решение о запросе дополнительных документов, сведений или о таможенном досмотре.

Таким образом, извечная проблема столкновения публичных и частных интересов в таможенной сфере отчасти решается за счет применения информационных технологий, возлагая ответственность за принятие решений по выпуску товаров на искусственный интеллект, а также за счет профессиональной деятельности таможенных представителей, которые дорожат своей репутацией и нахождением в реестре ФТС России. Привлечение декларантом к совершению таможенных операций таможенного представителя является определенной гарантией правильности заполнения таможенной декларации и полной, своевременной уплаты таможенных платежей.

Для декларантов также актуальным остается сохранение репутации, так как таможенными органами применяется система категорирования участников ВЭД, когда декларанты разделяются по секторам (красный, желтый, зеленый) в зависимости от степени их добросовестности, что влияет на режим и степень таможенного контроля.

Список литературы

1. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 г. № 54 (ред. от 16.03.2020 г.) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 08.06.2020 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32. Ст. 5082. СПС «КонсультантПлюс».

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ

4. (ред. от 02.12.2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2018 г. № 307-КГ18-11048 по делу № А56-17473/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Обзор практики рассмотрения ФТС России жалоб на решения, действия (бездействие) таможенных органов и их должностных лиц в области таможенного дела за 2019 год // Официальный сайт Федеральной таможенной службы

России. URL: <http://customs.ru/folder/639/document/221971> (дата обращения: 14.01.2020 г.).

7. Единый реестр выданных сертификатов соответствия и зарегистрированных деклараций о соответствии // Информационном портале ЕАЭС. URL: <https://portal.eaeunion.org/sites/commonprocesses/ru-ru/Pages/ConformityDocsRegistryDetails.aspx>

8. Электронные реестры // Официальный сайт Федеральной службы по аккредитации (Росаккредитация). URL: <https://fsa.gov.ru/use-of-technology/elektronnye-reestry/>

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, 170000, SPIN-код: 4410-8106 e-mail: sladkova.alen@yandex.ru.

THE RELATION OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN THE FIELD OF CUSTOMS AFFAIRS

A.A. Sladkova

Tver State University

The object of the research is the social relations that develop during the interaction of participants in foreign economic activity and customs authorities. The purpose of this research is to examine some aspects of the relationship between public and private interests in the customs sphere. On the basis of General logical research methods, the issues that most often overlap the interests of customs authorities and declarants were identified.

Keywords: *classification of goods, customs declaration for goods, customs authorities, customs representative.*

About the author:

SLADKOVA Alena – PhD, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 4410-8106 E-mail: sladkova.alen@yandex.ru

Сладкова А. А. Соотношение публичных и частных интересов в сфере таможенного дела // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 106 – 110.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КРЕСТЬЯНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1901–1913 ГОДАХ

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются содержание и результаты изменения правового статуса российского крестьянства в контексте модернизации системы правовых статусов человека в Российской империи в начале XX в.

Ключевые слова: крестьянство, Россия, модернизация, конституция, аграрная реформа П.А. Столыпина, правовой статус человека, сословие.

Крестьянство, самая многочисленная страта российского общества начала XX в., традиционно привлекала к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Вместе с тем вплоть до настоящего времени имеются достаточно важные сюжеты, оставшиеся на периферии научного внимания, прежде всего – в историко-правовой науке. Настоящая работа представляет собой попытку рассмотрения этих сюжетов.

Как это не покажется парадоксальным, но к началу рассматриваемого исторического периода крестьянство в правовом отношении, в качестве сословия сельских обывателей, представляло собой наиболее консолидированную часть российского общества. После крестьянской реформы 1861 г. и сопутствующих ей изменений правового положения различных групп российских крестьян, ушли в прошлое былые различия правового статуса этих групп. Все крестьянство России к началу XX в. представляло собой единое сословие без существенных «внутренних» правовых различий. Это обстоятельство было особенно заметным на фоне сохранявшегося деления дворянского сословия на потомственных и личных дворян, на фоне частично сохранявшейся дробности сословия городских обывателей. Различия в объеме правомочий (если не принимать во внимание конфессиональный, гендерный, возрастной аспекты) имелись в крестьянской среде, главным образом, в социально-экономической сфере и определялись прежде всего отношениями землевладения и землепользования.

Вместе с тем, сословный статус крестьянства характеризовался наименьшим объемом прав и наибольшим количеством ограничений по сравнению с сословным статусом трех других сословий России. Первые тринадцать лет двадцатого столетия стали временем коренных изменений в правовом положении российского крестьянства. Эти изменения, в свою очередь, явились частью общего процесса модернизации системы правовых статусов человека, происходившего в России в начале XX в.

Предметом рассмотрения в настоящей работе является содержание происходивших модернизационных процессов, их, если можно так выразиться, технологическая сторона: последовательность и темпы, примененные верховной государственной властью правовые и организационные инструменты, оценка эффективности государственной политики в данном вопросе, выявление клю-

чевых характеристик последовательно сменявших друг друга этапов реформ. Мы постарались также определить обоснованность некоторых распространенных оценок отдельных правовых норм и эпизодов правоприменительной практики.

Исследование преобразований правового статуса российского крестьянства рассматривается в контексте произошедших в то время коренных изменений в системе правовых статусов человека и, в частности, в контексте появления в России правового феномена в виде конституционного статуса личности.

Материал анализируется в хронологической последовательности происшедших в рассматриваемый период событий. Считаем целесообразным выделить три этапа процесса развития правового статуса крестьянства России в начале XX в.: 1901 – 1904 гг.; 1905 – сентябрь 1906 гг.; октябрь 1906 – 1913 гг. Верхняя хронологическая граница определяется тем обстоятельством, что 1913 г. оказался последним мирным годом в истории Российской империи.

Тема настоящей работы может быть рассмотрена в двух основных аспектах. Один из них имеет «юридическую природу» и заключается в изучении проблематики увеличения объема личных и политических прав крестьян, сближения сословного статуса сельских обывателей с сословным статусом других социальных групп, генезиса конституционного статуса личности. Мы не просто полагаем, а настаиваем, что названный аспект может быть исследован в категориях современного права. К правовой реальности начала XX в. вполне могут быть применены современные научные подходы и соответствующая терминология, включая классификацию прав человека. В нашем случае оптимальным представляется применение классификации прав на личные, политические и социально-экономические. Данный аспект целиком «укладывается» в рамки историко-правовой науки, теории права и науки конституционного права.

Второй аспект касается социально-экономических прав крестьян, а, значит, всего комплекса земельных отношений; его природа более сложна. Данный аспект требует междисциплинарных исследований и помимо историко-правовой науки нуждается в изучении исторической, социологической и экономической науками.

Основная заслуга в научной разработке первого аспекта заявленной темы принадлежит, на наш взгляд, исследователям первых двух десятилетий XX в., современникам событий. В советский период истории внимание отечественных правоведов к этой проблематике значительно снизилось. В настоящее время научный интерес к изучению правового статуса крестьянства вновь возрос.

Что касается второго аспекта, то он активно изучался на протяжении всего столетия, прошедшего с момента рассматриваемых событий. Однако при этом явный акцент в отечественной науке делался на аграрных преобразованиях, связанных с именем П.А. Столыпина. Большинство исследователей аграрных преобразований являются представителями исторической науки.

Однако на степень разработанности проблемы влияет не только факт отсутствия правоведческих работ. Рассматриваемая в настоящей работе тема относится к числу наиболее политизированных и идеологизированных тем государ-

ственно-правового развития России. Соответственно, столь высокая степень политизации и идеологизации не могла не вызвать заметного и, зачастую, очень значительного влияния на научные исследования внешних факторов. Данное обстоятельство прослеживается на протяжении всего периода формирования историографии вопроса.

Значительная часть дореволюционных исследователей оказались под большим воздействием политической конъюнктуры, симпатий и антипатий. На позицию официальной литературы влияло отношение к председателям Совета министров С.Ю. Витте и П.А. Столыпину со стороны императора и высших сановников, которое было далеко не всегда положительным, со временем зачастую превращавшееся в неприязнь [32]. Показательный факт: в некоторых изданиях тех лет имя П.А. Столыпина даже не упоминалось [38]. Наконец, в те годы вышли в свет и едва ли не апологетические работы о проводимых правительством преобразованиях. Например, весьма симпатизирует деятельности П.А. Столыпина и его законам историк и общественный деятель В.И. Герье [19, 20].

Что же касается других авторов, то оценка преобразований напрямую зависела от их политических взглядов и пристрастий. Кроме того, в представлении некоторых исследователей деятельность С.Ю. Витте была тесно связана с революционными потрясениями, а деятельность П.А. Столыпина - с карательными мерами. Такая точка зрения казалась современникам тем более убедительной, что Россия еще не знала кровавого опыта событий 1914 г., а также 1917 г. и последующих лет.

Изменения в положении российских подданных, включая сельских обывателей, рассматривались учеными-конституционалистами начала XX в. В первые годы двадцатого столетия активно формировалась конституционная доктрина. Важную роль при этом играла научная деятельность правоведов А.С. Алексеева, В.М. Гессена, И.В. Гессена, П.П. Гронского, М.М. Ковалевского, Ф.Ф. Кокошкина, Н.М. Коркунова, С.А. Корфа, С.А. Котляревского, В.Д. Кузьмина-Караваева, Н.И. Лазаревского, А.Ф. Мейендорфа, С.А. Муромцева, Б.Э. Нольде, Л.И. Петражицкого и других.

Однако мы должны иметь в виду, что в подавляющем большинстве работ указанных авторов проблематика изменения правового статуса крестьян является лишь частью предмета исследования.

Впрочем, немалое число научных исследований, целиком или преимущественно посвященных крестьянству, вышло в то время вне рамок науки государственного права России. В числе авторов трудов, вышедших в свет в 1901 – 1916 гг., мы можем назвать А.А. Кауфмана, С.В. Ключарева, Д.А. Лутохина, А.П. Никольского, Н.П. Огановского, Н.А. Рожкова, И.М. Тютрюмова, А.В. Чаянова и других.

Среди когорты названных авторов мы видим очень мало правоведов, соответственно, проблематика правового статуса крестьянства не находилась в фокусе внимания их исследований.

Так, А.А. Кауфман помимо экономических сторон жизни российского крестьянства рассматривает демографическую сторону. При этом социально-правовые характеристики крестьянства как социальной страты не находятся в фокусе внимания исследователя [28, с. 44 и след.].

Определенным исключением являются такие специалисты, как А.П. Никольский, И.М. Тютрюмов и ряд других. А.П. Никольский, крупный администратор конца XIX – начала XX вв., интересовался правовым, социальным и хозяйственным укладом крестьян. И.М. Тютрюмов известен своими работами по «крестьянскому праву».

Советская историография, в том числе и в области истории государства и права, сформировалась под мощным влиянием известных концепций, схем, принципов партийности, классовости, требовавших решительной борьбы с различными «антимарксистскими» взглядами и идеями, многие из которых не являлись таковыми. Одной из главных, на наш взгляд, особенностей, является негативное отношение исследователей-марксистов к реформаторской деятельности как С.Ю. Витте, так и в еще большей степени - П.А. Столыпина. Оно проявилось еще во время свершения рассматриваемых в настоящей работе событий, а затем – в советский период истории. Например, С.П. Трапезников делает безоговорочный вывод о результатах аграрной реформы П.А. Столыпина: «По справедливой оценке современников, это была полоса величайшего «земельного расстройств» и колоссальной дезорганизации крестьянского хозяйства и сельскохозяйственной экономики». Внимание акцентируется автором на доказывании «безжизненности столыпинской хуторско-отрубной системы землевладения» [46, с. 183].

Основа такого подхода заложена в произведениях В.И. Ленина. Понятно, что резко критическое отношение В.И. Ленина к мероприятиям правительства и его руководителям объясняется, не в последнюю очередь, тем обстоятельством, что эти деятели являлись современниками. Находясь по разные стороны классовых баррикад, они были не просто идейными, но и политическими противниками, представителями двух диаметрально-противоположных направлений дальнейшего развития страны.

Следует согласиться с Б.С. Клейном, что «долгое время позитивные стороны столыпинских преобразований не находили надлежащей оценки в нашей историографии» [29, с. 8].

Одновременно следует признать и несомненные заслуги советской исторической науки в рассмотрении «крестьянского вопроса» начала XX в. К этим заслугам можно отнести широкое освещение правительственной аграрной политики того времени. В этой связи необходимо назвать труды А.М. Анфимова, С.М. Дубровского, П.И. Лященко, М.М. Мартынова, П.Н. Першина, С.М. Сидельникова, М.С. Симоновой, Л.Ф. Скляров, С.П. Трапезникова и др.

В частности, С.М. Сидельников рассматривает также проблему "насаждения" крестьянской собственности на землю [40, с. 14]. Исключительно обстоятельно исследуются аграрный вопрос и нормативная база аграрной политики на материале Сибири в работах В.Г. Тюкавкина и Л.Ф. Склярова. В частности,

В.Г. Тюкавкин затрагивает проблему сходства и различия в аграрной политике правительства в отношении Европейской и Азиатской России [48]. Проблемы правового регулирования аграрной реформы в плане воздействия законов на общину затрагиваются П.А. Хромовым [49].

Можно отметить основательность и научную ценность исторических трудов, посвященных протестному движению крестьян. Сказанное в полной мере относится к работам Н.Г. Королевой, Е.Д. Черменского, к коллективному труду «Генеральная репетиция Великого Октября» [18].

Что касается технологии проведения реформ (подготовка законопроектов, принятие законов, правоприменительная практика и пр.), то советские историки изучали деятельность Государственной думы, Государственного Совета. Обсуждение законопроектов правительства П.А. Столыпина в Государственной Думе исследовалось А.Я. Аврехом, С.М. Сидельниковым. При этом по справедливому замечанию Н.Г. Королевой, «Совет министров как коллегиальный орган, где определялась и делалась реальная политика царизма, выпадает из поля зрения» [31, с. 40].

Взаимоотношения П.А. Столыпина с политическими деятелями исследует В.С. Дякин. Он показывает деятельность председателя Совета Министров по защите и проведению законопроектов в Государственной думе, позицию различных общественных слоев. К сожалению, меньше внимания В.С. Дякин уделяет собственно аграрным законопроектам, однако он делает интересный вывод: «Все реформы, намеченные правительством Столыпина... так или иначе базировались на аграрной реформе и вытекали из неё как логическое следствие» [23, с. 19].

Позицию дворянства и ее влияние на политику правительства изучает Ю.Б. Соловьев. Он указывает: «В сущности вся столыпинская программа в её главных чертах уже была подробно обоснована и развита. То, что было сказано и сделано Столыпиным, ... предлагалось сделать на дворянских съездах» [42, с. 226]. Труды Ю.Б. Соловьева помогают выявить то давление, которое оказывалось на правительство во время разработки и проведения в жизнь нормативных актов со стороны консервативно настроенных слоев крупных землевладельцев.

В настоящее время, в условиях возрастания интереса к проблематике модернизационных процессов начала XX в., к исторической судьбе традиционных социальных институтов, к истории законотворческой работы, к роли видных государственных и общественных деятелей того времени исследовательская литература откликается на требование времени.

Научная разработка данных вопросов, включая интересующие нас аспекты, активизировалась на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. В дальнейшем исследования продолжились, охватывая материал как на общероссийском, так и на региональном уровне. В частности, П.Н. Зырянов возобновил процесс исследования профессиональной деятельности П.А. Столыпина [25].

В числе авторов трудов можно назвать таких, как Б.В. Ананьич, Е.Ю. Баранов, А.Н. Боханов, О.Г. Буховец, В.М. Володин, С.В. Воронков, Р.Ш. Ганелин,

М.А. Давыдов, В.П. Данилов, А.С. Забенкова, П.Н. Зырянов, П.С. Кабытов, В.В. Казарезов, В.Ю. Карнишин, И.Л. Лунден, А.Н. Медушевский, Л.В. Милов, Б.Н. Миронов, К.И. Могилевский, С.А. Нефедов, П.Ф. Никулин, А.В. Островский, П.А. Пожигайло, С.А. Пьянков, Ф.П. Румянцев, С.Ю. Рыбас, Н.Г. Сарапулова, К.Ф. Шацило, В.В. Шелобаев и других.

Развитие правового положения крестьян является одним из сюжетов капитального труда Б.Н. Миронова [34, 35]. Аграрные преобразования в России рассматриваются М.А. Давыдовым [21]. Разные стороны процесса законотворчества и другие аспекты темы анализирует А.Н. Медушевский [33].

Широкая панорама развития российской деревни представлена в работе А.В. Островского [37]. Акцент в ней сделан на экономической стороне жизни крестьянства и функционировании крестьянской общины, а также на правительственных проектах решения аграрного вопроса.

Социальные аспекты реформ, проведенных по инициативе С.Ю. Витте, рассматривает А.У. Изагалиева [26]. Аграрную политику С.Ю. Витте анализирует А.В. Колонтаева [30].

Региональный аспект аграрных преобразований начала XX в. исследуют Р.Р. Батыршин, Д.Н. Белянин, А.Ю. Головин, Н.А. Кораблев, Е.Г. Костина, С.Б. Котляров, Е.Ю. Леонов, С.В. Максимов, О.В. Павлова, В.В. Панасюк, О.А. Прилуцкая, Е.К. Розина, Т.Н. Ростовцева, О.М. Семерикова, И.И. Синюгин, Е.Н. Соломатин, Е.Г. Тарабрин, Б.С. Токмурзаев, А.А. Трегуб, Д.П. Шишкин и другие.

Исследователи, рассматривавшие преобразования начала XX в. под углом зрения модернизации, высказывают прямо противоположные мнения о результатах преобразований. Несколько примеров: М.А. Давыдов, Б.Н. Миронов, Н.А. Федорова положительно оценивают результаты реформ; В.П. Данилов, А.П. Корелин, В.А. Меркушев, С.А. Нефедов, К.Ф. Шацило придерживаются противоположного мнения.

Материал о происходивших в данный период изменениях системы права Российской империи и системы правовых статусов человека, о деятельности государственных институтов, о деятельности С.Ю. Витте, П.А. Столыпина и других должностных лиц государственного аппарата рассматривается в историко-правовых учебных работах. Их авторами являются В.Н. Белоновский, И.А. Исаев, М.А. Исаев, Л.В. Карнаушенко, В.М. Клеандрова, Л.В. Лукьянчикова, Н.В. Михайлова, Р.С. Мулукаев, В.В. Оксамытный, В.Е. Рубаник, Ю.П. Титов, В.А. Томсинов, О.И. Чистяков, Н.Д. Эриашвили и другие специалисты в области истории государства и права.

Научный интерес к преобразованиям аграрной сферы Российской империи в начале XX в. присутствует в зарубежной литературе. Назовем такие имена, как П. Грегори, Я. Коцонис, К. Мацузато, Д. Мейси, Т. Шанин и другие.

Однако в аспекте заявленной нами темы, являющейся, по сути, междисциплинарной и требующей привлечения понятийно-терминологического аппарата истории государства и права, теории государства и

права и науки конституционного права мы полагаем возможным оценить степень изученности темы как недостаточную.

Характеристику эмпирической базы исследования целесообразно совместить с характеристикой некоторых особенностей законотворческого процесса того времени, касающегося нормативно-правовых актов, регулирующих правовой статус крестьянства.

Относительно общей оценки источников исследования можно отметить наиболее важную роль нормативно-правовых актов. В качестве источников в настоящей работе использованы нормативно-правовые акты России того времени: манифесты, законы, нормативные указы, постановления, циркуляры.

Поскольку именно в то время в системе права Российской империи появилось понятие основного закона как акта, занимающего особое место по юридической силе, порядку принятия и изменения и пр., то в первую очередь надо назвать Свод основных государственных законов в редакции 1906 г.

Относительно характеристики процесса законотворчества можно указать на такую особенность: целый ряд правовых актов были результатом не длительной законотворческой деятельности, а результатом реагирования на социально-политические события в стране. Это выразилось в ускоренной процедуре принятия актов. После апреля 1906 г. многие нормативно-правовые акты принимались в порядке, предусмотренном ст. 87 Свода основных государственных законов; другими словами, в своего рода исключительном, чрезвычайном порядке. Законопроекты, минуя Государственную думу и Государственный совет, проходили всего две главные инстанции: Совет министров и императора. Оформлялись они указами.

В числе таких актов можно назвать Высочайшее повеление от 12 августа 1906 г. и указ Правительствующему Сенату от 27 августа того же года, предусматривавшие передачу крестьянам казённых и удельных земель, указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г., указы, регулирующие деятельность Крестьянского поземельного банка, Главного управления землеустройства и земледелия и т. д.

Мы привлекаем (как правило, опосредованно, через научную литературу) и некоторый статистический материал, как юридического, так и социологического характера. В определенной мере этот материал помогает при анализе нормативно-правовых актов, выяснении степени их соответствия насущным потребностям общественной жизни.

С этой же точки зрения рассматривали мы и источники личного происхождения, прежде всего тексты выступлений П.А. Столыпина на заседаниях государственных органов и воспоминания. Особый характер имеют воспоминания родных П.А. Столыпина - А. Столыпина и М. Бок (Столыпина) [16].

Рубеж XIX–XX вв. стал временем нарастания целого ряда тенденций в развитии социальной и экономической жизни крестьянства Российской империи.

А.А. Кауфман, рассматривая динамику численности крестьянства за полвека с 1860-х гг. до 1914 г., приводит статистические данные по Европейской ча-

сти России: «Сельское население 50 губерний Европейской России, не превышавшее в 60-х годах 50 миллионов, к 1900 году достигало 86 миллионов, к 1 января 1914 года уже 103 миллионов душ». Относительно статистики по землепользованию автор указывает такие цифры: в 1880 году «на наличную душу мужского пола» приходилось 3,5 десятины земли, в 1900 году – 2,6 десятины [28, с. 44]. В качестве примера он приводит статистику по отдельным регионам. В частности, в Симбирской губернии у бывших помещичьих крестьян «на душу обоего пола» в 1861 году приходилось 2,6 десятины земли, а в 1900 году – только 0,9 десятины. При этом в Херсонской губернии насчитывается свыше 200 тыс. безземельных «элементов», в Самарской губернии – от 50 до 60 тыс. и т.д. [28, с. 46]. Можно сколько угодно долго говорить об идеологических и методологических основах исследований А.А. Кауфмана. С точки зрения достижения целей нашей работы мы хотим с помощью статистических выкладок авторитетного статистика и экономиста сделать следующий вывод: о необходимости коренных изменений в положении крестьянства России свидетельствовали в начале XX в. не только соображения гуманитарного порядка, но и показатели экономического характера. При этом необходимо подчеркнуть, что изменения необходимы были не только в землеустройстве или технологии ведения хозяйства. Требовались изменения в правовом положении сельского населения. Именно «приниженный» правовой статус затруднял даже горизонтальную социальную миграцию крестьян. Например, для переселения из малоземельных регионов страны в регионы с большим количеством свободных, ненаселенных земель, требовалось разрешение сельского общества на выход из его состава. Наличие же круговой поруки по уплате налогов между членами общества приводило к отсутствию как у крестьянских общинных структур, так и у государственных органов мотивации на санкционирование смены крестьянином места жительства. При этом, чем экономически более активным и эффективным был крестьянин, тем сильнее действовал в его отношении этот «ограничитель фискального характера». Мы привели лишь один пример из комплекса ограничений в пользовании представителями сословия сельских обывателей своими правами.

Серьезно затруднен был и доступ крестьян к социальному лифту. Соответственно, был, по общему правилу, запрещен их прием на государственную службу, практически закрыт доступ в сословия дворян и духовенства. Даже переход крестьян в сословие городских обывателей был сопряжен с большими трудностями не только экономического, но и организационно-правового характера.

Таким образом, функционировал организационно-правовой механизм, не только прикреплявший крестьянина к сельскохозяйственному производству как к главной сословной экономической функции, но и препятствовавший смене места жительства, причем даже в тех случаях, когда эта смена имела позитивный потенциальный экономический эффект.

Необходимость поиска выхода из сложившегося положения осознавалась российским обществом тех лет. Правящие круги России встали на путь созда-

ния разного рода совещаний, комиссий, комитетов. Эти органы призваны были проанализировать ситуацию и сделать предложения по принятию конкретных законодательных установлений.

В ноябре 1901 г. была учреждена под председательством В.Н. Коковцова комиссия по исследованию причин оскудения земледельческого центра. Она должна была выяснить причины экономического упадка крестьянских хозяйств Центральной России и наметить меры для устранения этого явления.

В 1902 г. создана Редакционная комиссия под председательством А.С. Стишинского. Комиссия пришла к выводу, что расстройство в общественную жизнь и экономическое положение крестьян внесено неполнотой Положения 1861 г. и несовершенством пореформенного законодательства. Недостатки законодательства, по мнению комиссии, так укрепились в сельской жизни, что «органически с нею слились». Отсюда следовал вывод: при изменении крестьянского законодательства необходимо сохранить сословную обособленность крестьян, их управление, суд, общинную форму землевладения и неотчуждаемость наделов. Комиссия также считала нужным облегчить выход из общины, но только тех лиц, которые порвали юридическую связь с землей. Комиссия предлагала постепенную ликвидацию чересполосности и сведение земельных участков к одному месту.

В 1902 г. учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С.Ю. Витте, а позднее - его местные комитеты. Комитеты высказались за коренное изменение аграрного законодательства. Они выступили за передачу крестьянам казённых, удельных земель, а несколько комитетов - за принудительное отчуждение земель помещиков в пользу крестьян. За сохранение общины высказалось меньшинство комитетов. Комитеты выступили за индивидуализацию крестьянского землевладения и реформу деятельности поземельного банка.

Постепенно переходили на позиции противников общины и сторонников индивидуальных форм хозяйствования правительственные деятели Российской империи.

В декабре 1904 г. председатель Комитета министров С.Ю. Витте издал под своим именем основанную на трудах Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности «Записку по крестьянскому делу». В ней он ясно высказал свои взгляды на общину и индивидуальное крестьянское хозяйство. «Местные комитеты настойчиво утверждают, - говорилось в «Записке», - что временность владения является неодолимым препятствием для улучшения земельной культуры, воспитывает самые хищнические приёмы эксплуатации земли... В результате хищнических приемов хозяйства в составе надела с каждым годом увеличиваются пространства неудобных земель...» [15, с. 51].

По мнению С.Ю. Витте, община являлась для её членов «не источником выгод, а источником споров, розни и экономической неурядицы» [15]. Основываясь на материалах местных комитетов, Витте делает вывод: «Этот порядок землепользования убивает основной стимул всякой материальной культуры – сознание и уверенность, что результатом работы воспользуется сам трудящийся

или близкие ему по крови и привязанностям лица; такой уверенности не может быть у общинников, вследствие временности владения ... хозяйственный расчет, предприимчивость и энергия отдельных лиц бесцельны и в большинстве случаев даже неприложимы. Эти главнейшие двигатели всякой материальной культуры встречают непреодолимое препятствие в условиях общинного строя» [15]. Однако по замечанию исследователей деятельности О.Ю. Витте, Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина, автор "Записки" мало что сделал на министерском посту против общины.

Законодательные меры в самые первые годы XX в. заключались в разработке и принятии нескольких нормативно-правовых актов.

Ключевое значение имело новое Общее положение о крестьянах, изданное в 1902 г. Оно базировалось на принципах Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 г.

Статья 19 закрепляла особый статус надельных земель: «Участки надельной земли, приобретённые отдельными крестьянами или состоящие в подворно-наследственном их пользовании, могут быть отчуждаемы посредством дарения или продажи как добровольно, так и с торгов за недоимку в окладных сборах или же в выкупных платежах только лицам, приписанным или приписываемым к сельским обществам». Этот порядок не распространяется на случаи обмена при размежевании. Статья 20 запрещала залог надельной земли в частных учреждениях, причём независимо от погашения выкупной ссуды [1].

Можно сказать, что российское законодательство в первые годы XX в. закрепляло сложившийся ранее правительственный курс на поддержку крестьянской общины и всемерное ограничение хуторской системы хозяйствования.

Впрочем, полностью остановить процесс развития новых форм хозяйствования крестьян законодательство оказалось не в состоянии. Хуторская система землеустройства постепенно развивалась, но, главным образом, в тех регионах империи, где община была мало развита или отсутствовала: Санкт-Петербургская, Псковская, Витебская, Волынская и другие губернии [34, 35].

Собственно говоря, именно в Литве мог убедиться в эффективности хуторской системы хозяйствования П.А. Столыпин. Литва издавна знакома была с хуторской системой расселения и хозяйствования. П.А. Столыпин на постах ковенского губернского предводителя дворянства и губернатора Гродненской губернии играл довольно активную роль в деятельности местных комитетов сельскохозяйственной промышленности [24, с. 56].

Однако в сложившихся условиях хутора были в то время не в состоянии принципиально изменить состояние всего сельского хозяйства России, хотя имели преимущество перед общиной с точки зрения развития производительных сил.

В марте 1903 г. была отменена круговая порука при уплате крестьянами податей, правда, не во всех регионах Российской империи.

В первые годы двадцатого столетия крестьянство оставалось единственным сословием, в отношении представителей которого (исключая всех женщин, а

также мужчин, занимавших выборные должности) предусматривались телесные наказания. В августе 1904 г. телесные наказания крестьян были отменены.

Своеобразный итог законодательной деятельности первого четырехлетия XX в. по «крестьянскому вопросу» подведен в указе от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Верховная власть в лице императора Николая II признала в тексте указа, в частности, неполноправность «крестьянского сословия», неполную обеспеченность равенства всех сословий перед судом и провозгласила намерение принять меры по изменению сложившейся ситуации [2].

Период 1901 – 1904 гг. в плане правительственной политики по вопросу об изменении правового статуса крестьян можно охарактеризовать как проектно-практический. Многочисленные проекты по изменению положения крестьян России сопровождались отдельными мерами по повышению правового статуса и улучшению положения крестьян.

Анализ законодательной политики и правоприменительной практики 1901 – 1904 гг. позволяет представить формируемую государственной властью модель системы правовых статусов человека, включая место в ней правового статуса крестьянства: отсутствие в системе конституционного статуса личности, сохранение доминирующего положения сословного статуса, некоторое повышение сословного статуса крестьян (прежде всего – в отношении их личных прав) при одновременном сохранении их неполноправного положения. Сохранение большей части ограничений в сфере реализации крестьянами личных и, в еще большей мере, политических и социально-экономических прав.

На этапе с начала 1905 г. по сентябрь 1906 г. верховная власть Российской империи основное внимание первоначально уделила мерам, затрагивавшим «городской компонент» российского общества, тем более что в революционных событиях 1905 г. наиболее ярко проявили себя представители именно этой части населения России. Рассмотрение этих событий не является задачей настоящего исследования. Приведем лишь мнение, высказанное в научной литературе. А.С. Туманова и А.А. Сафонов пишут о том, что «революция 1905 г. стала действенным средством политического воспитания высшей бюрократии в русле конституционных идей», что «в правосознании правящего класса происходила смена политических парадигм» [47, с. 116 - 117].

В итоге были разработаны и изданы два важнейших правовых документа: Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 г.) и Основные государственные законы в новой редакции (23 апреля 1906 г.) [3]. Были приняты также нормативно-правовые акты о новом статусе Государственной думы и Государственного совета [7, 8, 9].

Названные законодательные акты вместе с практикой их применения привели к формированию конституционного статуса личности и к реформированию всей системы правовых статусов человека в Российской империи.

Впрочем, значительной частью прав, предоставленных российским подданным Манифестом 17 октября 1905 г. и Основными государственными законами

1906 г., члены сословия сельских обывателей воспользоваться не могли в силу сохранения ограничений, установленных другими законодательными актами.

В отношении положения крестьянства правительство в целом продолжило курс, проводимый в предшествующие годы. Этот курс был направлен на сохранение основных характеристик сословного статуса сельских обывателей. Одна из характерных черт законотворческой деятельности в рамках такого курса – составление многочисленных проектов, так и не доведенных до стадии принятия или, тем более, до стадии реализации.

С конца 1905 г. комиссия под руководством главноуправляющего землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлера разрабатывала проект аграрной реформы. Кутлер предлагал передать крестьянам за плату казённые, удельные земли. Планировалась покупка земли у помещиков, в случаях нежелания продавать или завышения цены - принудительное отчуждение за плату. Проект Н.Н. Кутлера был отвергнут Николаем II и правительством. Другие законопроекты по данному вопросу также не были приняты. Во многом это объяснялось позицией крупнейших землевладельцев - дворян. Они считали неприкосновенной частную земельную собственность, хотя к этому времени почти все они высказывались за ликвидацию общины.

В феврале 1906 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин составил «Записку о преобразованиях в крестьянском устройстве и об аграрных мероприятиях», а ранее - записку «Земельная политика и крестьянский вопрос». В них он высказался против принудительного отчуждения земель помещиков и за ликвидацию не только общинного, но и подворного землепользования и замену их личным хуторским землеванием, однако признавал это задачей нескольких поколений.

Названные примеры показывают, что законодатель в отношении крестьянства вплоть до осени 1906 г. предпочел обходиться частичными мерами.

3 ноября 1905 г. Манифестом «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» и изданными в этот же день двумя указами Сенату выкупные платежи за надельную землю, выплачиваемые бывшими помещичьими, государственными и удельными крестьянами уменьшались в два раза и 1 января 1906 г. и отменялись полностью с 1 января 1907 г.; одновременно улучшались условия получения крестьянами ссуд Крестьянского поземельного банка [4, 5, 6]. Эти нормативно-правовые акты устраняли одно из препятствий для реализации крестьянами некоторых прав в виде долга по правительственной ссуде, погашавшийся как раз выкупными платежами. Однако основные ограничения, установленные для крестьян как сословия сельских обывателей, сохранялись.

Императором Николаем II были принято решение о передаче Крестьянскому банку для продажи крестьянам фонда удельных и казенных земель.

Принимались меры по организации земельного переустройства общин и переселения крестьян в восточные регионы страны. В частности, были созданы землеустроительные комиссии на местах и Землеустроительный коми-

тет в столице. Очевидно, что государство вело подготовку к дальнейшим мерам по изменению положения крестьянства России.

В качестве вывода укажем на главное следствие законодательных мер 1905 – сентября 1906 гг. в отношении правового положения крестьян. Появившийся в это время в России конституционный статус личности занял первое место в системе правовых статусов человека. В связи с этим произошло расширение личных и политических прав крестьян. Однако сословный статус, формально утратив свое доминирующее положение в системе правовых статусов, тем не менее в отношении крестьян конкурировал с конституционным. Крестьянство не получило доступ к ряду важнейших прав и к некоторым каналам социального лифта. Дискриминационные меры в отношении крестьянства как сословия сохранялись как в законодательстве, так и в правоприменительной практике.

Следующий, после октября 1905 г. и апреля 1906 г., важнейший шаг в направлении ликвидации сословного неполноправия крестьян и распространения на них основных прав, закрепленных Основными государственными законами 1906 г., был сделан в России в октябре-ноябре 1906 г. Речь идет о принятии двух важнейших для крестьянского сословия правовых актов: указа от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» и указа «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г. [11, 12].

Законотворческий процесс в это время проходил в условиях массовых протестных выступлений крестьян. Самыми распространенными требованиями крестьян были требования, связанные с землепользованием. Большинство крестьянских выступлений было направлено против помещиков [39, с. 33]. В этих условиях представляется логичной активной законодательная деятельность по крестьянскому вопросу.

Согласно указу от 5 октября 1906 г. крестьяне получали свободу избрания места жительства и связанное с этим право на получение бессрочных паспортных книжек; право на поступление на государственную гражданскую службу и в учебные заведения без разрешения сельского общества; право на поступление в белое духовенство и пострижение в монашество без согласия сельского общества, согласия казенной палаты и без разрешения губернатора; право на вступление в новое сельское общество без увольнения из состава прежнего общества; право на выход (с определенными условиями) из состава сельского общества. Отменялись взимание подушной подати и круговая порука при уплате налогов и сборов в тех местностях, в которых это не было сделано ранее; упразднялись принудительные общественные работы и некоторые другие специфические меры наказания, применявшиеся к крестьянам. В сфере избирательных прав указ несколько демократизировал процедуру проведения выборов и, следовательно, укрепил самостоятельность в пользовании крестьянами политическими правами.

Мы согласны с имеющимися оценками значения указа следующего порядка: Указ 5 октября 1906 г., с одной стороны, ликвидировал архаичную систему

разного рода ограничительных мер, приводивших к вопиющей гражданской и политической неполноправности, а также к ущемлению личного достоинства крестьян, а с другой – предоставлял крестьянам широкий круг прав, уравнивающих их в положении с другими категориями населения, в том числе и с дворянством (в отношении государственной службы) [36].

Среди важнейших законодательных актов, принятых по инициативе П.А. Столыпина, по праву занимает свое место Указ от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования».

Проект указа был внесен П.А. Столыпиным в Совет Министров 1 октября и рассмотрен 10 октября 1906 г. Принципиальных возражений не было. Министры согласились, что «община не заслуживает далее покровительства закона». Большинство членов правительства поддержало П.А. Столыпина. С мнением большинства министров согласился и Николай II.

Указ от 9 ноября 1906 г., определяя порядок установления единоличной собственности крестьян-домохозяев на участки общинной земли, находившиеся в пользовании крестьянских семей, по сути создавал правовую основу для практической реализации личных и социально-экономических прав крестьян, провозглашенных в указе от 5 октября 1906 г.

Положения указа в отношении утверждения личной собственности на общинную землю и в отношении отвода земли «к одному месту» для создания отрубов и хуторов основывались на следующих принципах:

- 1) утверждение личной собственности на общинную надельную землю;
- 2) признание инициативы главы крестьянского двора в качестве движущей силы процесса изменения общинного права собственности;
- 3) отсутствие временных рамок или иных ограничений для реализации крестьянами-домохозяевами своих прав в отношении общинной земли;
- 4) предоставление права на выдел земли к одному месту домохозяевам, укрепившим свои надельные участки в личную собственность;
- 5) отсутствие временных ограничений на заявление крестьянином-домохозяином требования о предоставлении земли в одном месте;
- 6) учёт интересов общины при выделе земельных участков к одному месту.

Укрепление участков надельной земли в личную собственность с официально признанной возможностью их продажи и передачи в залог под банковский кредит создавало материальную базу для изменения места жительства или рода занятий. Иначе говоря, указ от 9 ноября 1906 г. позволял представителям крестьянского сословия освободиться «от оков общины» [50, с. 23].

Подчеркнем, что указ от 9 ноября 1906 г. сохранял некоторые особенности сословного правового статуса крестьян. В частности, это было сделано в вопросе наследования крестьянского имущества. Указ содержал отсылку к нормам ст. 13 и ст. 135 Общего положения о крестьянах. Статья 13 устанавливает: «В порядке наследования имуществом крестьянам позволено руководствоваться местными своими обычаями». На основании ст. 13 недовольные завещательным распоряжением наследники могли требовать его изменения в судебном

порядке, ссылаясь на местный обычай. В этом случае применялась уже ст. 135 Общего положения о крестьянах, которая гласила: «Волостной суд решает дела по совести... При разрешении тяжб и споров между крестьянами, в особенности же дел о разделе крестьянского наследства, суд руководствуется местными обычаями» [1]. Как видим, в законодательстве содержится прямое предписание суду придерживаться именно обычая, а не воли завещателя.

Впрочем, сохранившиеся в указе (и в законодательстве этих лет) элементы сословного правового статуса не выводили крестьян из-под действия конституционного статуса личности.

Указ Сенату от 15 ноября 1906 г., сохранив запрет на передачу надельной крестьянской земли в залог частным лицам, урегулировал порядок предоставления Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельной земли [13]. Данный нормативно-правовой акт создал механизм реализации ряда положений указов от 5 октября 1906 г. и от 9 ноября 1906 г. и, соответственно, механизм реализации крестьянами своих имущественных прав.

Предписания правительства по конкретным вопросам реализации «крестьянского законодательства» содержатся в циркулярах министра внутренних дел и других должностных лиц Совета министров. В качестве примера приведем циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 9 декабря 1906 г. определявший признаки земельных угодий постоянного пользования. Любопытна ссылка в тексте циркуляра на учет позиции сельского общества [14, с. 697 - 698].

Позиция председателя Совета министров П.А. Столыпина на правовой статус надельных земель (а, фактически, и на правовой статус крестьян как владельцев этой земли) изложена, в частности, в его выступлениях в Государственной думе. Так, в речи в Государственной думе 5 декабря 1906 г. П.А. Столыпин сказал: «Известные ограничения, известные стеснения закон должен налагать на землю, а не на ее владельца. Закон наш знает такие стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: надельная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия, надельная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю» [45, с. 239]. Аналогичный тезис П.А. Столыпин высказал 26 марта 1910 г. в Государственном совете: «Не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей» [44, с. 69]. Подчеркнем мысль главы правительства: ограничения в отношении крестьян не могут устанавливаться под предлогом особенностей их землевладения.

Относительно результативности аграрной реформы П.А. Столыпина более столетия высказываются различные мнения. Еще в советской научной и учебной литературе приводились цифры, согласно которым примерно половина вышедших из общины крестьян - более 1 млн. чел. – продали «свою землю кулакам, а сами ушли в город или превратились в батраков» [27, с. 236]. Данный аргумент был одним из оснований вывода о том, что аграрная политика царизма потерпела провал. Между тем, в аспекте социально-экономического разви-

тия аграрного сектора страны высвобождение рабочей силы в сельском хозяйстве и ее миграция в города представляет собой непростой для конкретных людей, но закономерный и неизбежный результат модернизации. Мы уже имели возможность высказать этот тезис [41, с. 37 - 40].

Безусловно, следует серьезно отнестись к мнению М.А. Давыдова, который полагает, что полномасштабной модернизации в плане перехода к индустриальному обществу в начале XX в. не хотели ни правительство, ни общество; поэтому такой переход и не произошел [22, с. 111].

Однако такой глобальный вывод не меняет нашей оценки правовых последствий как реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина в целом, так и оценки правовых последствий преобразований на этапе с октября 1906 г. по 1913 г.

В аспекте правовом смена места жительства или профессиональной траектории свидетельствует о реализации возможностей по горизонтальной или вертикальной социальной мобильности. Благодаря предпринятым государственной властью по инициативе П.А. Столыпина мерам миллионы крестьян получили юридическую и финансовую возможность реализовать свои планы по организации хозяйства на новых началах, по отъезду в город или по смене сословной принадлежности. Переселенческое движение тех лет является одним из подтверждений данного тезиса. Финансовые результаты реформ для сельского населения России М.А. Давыдов иллюстрирует следующими цифрами: за годы с 1897 по 1913 численность сельского населения увеличилась в 1,3 раза; число сберегательных книжек у этой категории населения увеличилось в 5,8 раза, сумма вкладов – в 6,2 раза [22, с. 118].

Как мы видим, исторический этап, начавшийся в октябре 1906 г., стал решающим в устранении наиболее существенных дискриминационных характеристик сословного статуса крестьян Российской империи. Именно в это время сословный статус сельских обывателей полностью уступил доминирующее место в системе правовых статусов человека конституционному статусу, появившемуся в 1905 – начале 1906 гг. Российские крестьяне официально получили доступ ко всем основным каналам вертикальной социальной мобильности. Данный этап мы можем охарактеризовать как практический с позиций поставленных государственной властью целей и достигнутых результатов.

Период 1901 – 1913 гг. стал временем наиболее быстрого в истории Российской империи изменения правового статуса крестьян в направлении сближения его с сословными статусами других российских сословий. При этом существенное нивелирование сословных привилегий и ограничений привело к формированию конституционного статуса личности как центрального компонента системы правовых статусов России. Впервые в истории положение российского крестьянина во всех своих важнейших характеристиках стало определяться общим для всех подданных статусом, а не сословным статусом сельских обывателей. Крестьяне России официально получили доступ ко всем основным механизмам изменения своего индивидуального правового статуса.

Список литературы

1. Общее положение о крестьянах // Свод законов Российской империи. Т. IX. Особое приложение. Положения о сельском состоянии. Особое приложение к законам о состоянии. Изд. 1902 г. Книга первая.
2. Именной высочайший указ Правительствующему сенату от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1907. Т. XXIV. № 25 495.
3. Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 803.
4. Манифест от 3 ноября 1905 г. «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 871.
5. Именной высочайший указ, данный Сенату от 3 ноября 1905 г. «Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 872.
6. Именной высочайший указ, данный Сенату от 3 ноября 1905 г. «Об облегчении задачи крестьянского поземельного банка по содействию к увеличению площади землевладения малоземельных крестьян» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 873.
7. Манифест от 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 27 423.
8. Высочайше утвержденное Учреждение Государственной думы от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 27 424.
9. Именной высочайший указ, данный Сенату от 20 февраля 1906 г. «О переустройстве Учреждения Государственного совета» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 27 425.
10. Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 27 805.
11. Именной высочайший указ, данный Сенату от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 28 392.
12. Именной высочайший указ, данный Сенату от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся кре-

стьянского землевладения и землепользования» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 28 528.

13. Именной высочайший указ, данный Сенату от 15 ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 28 547.

14. Циркуляр министра внутренних дел губернаторам от 9 декабря 1906 г. «О порядке применения отделов I и III Указа 9 ноября 1906 г.» // Сборник законов и распоряжений по землеустройству (по 1 июня 1906 г.). С. 697 – 698.

15. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32 – 53.

16. Бок М. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М.: Современник, 1992.

17. Буховец О.Г. О системном анализе сознания // Аграрная эволюция. М.: Наука, 1991.

18. Генеральная репетиция Великого Октября. М.: Политиздат, 1985. 32 с.

19. Герье В. Вторая Государственная Дума. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1907. 379 с.

20. Герье В. Второе раскрепощение. Общие прения по Указу 9 ноября 1906 г. в Государственной думе и Государственном Совете. М., 1911. 232 с.

21. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.

22. Давыдов М.А. Модернизация Витте-Столыпина и ее специфика // ВТЭ 2017. № 1 (1) С. 109 – 131 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-vitte-stolykina-i-ee-spetsifika>

23. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 - 1911 гг. Л.: Наука, 1978. 248 с.

24. Зырянов П.Н. П.А. Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 54 – 75.

25. Зырянов П.Н. Пётр Столыпин: политический портрет. М.: Высшая школа, 1992. 157 с.

26. Изагалиева А.У. Социальные аспекты реформ С.Ю. Витте (1892 – 1903 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 193 с.

27. История государства и права СССР. Ч. 1 / под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 280 с.

28. Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. Курс народного университета. 2-е изд. М.: Московское научное издательство, 1918. 267 с.

29. Клейн Б.С. Россия между реформой и диктатурой (1861 – 1920 гг.) // Вопросы истории. 1991. № 9 – 10. С. 3 – 13.

30. Колонтаева А.В. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России (1892 – 1906 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1998. 27 с.

31. Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. М.: Наука, 1982. 183 с.

32. Курлов П.Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. 255 с.

33. Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века; 2-е изд. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 763 с.
34. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
35. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 566 с.
36. Могилевский К.И. Права и свободы [Электронный ресурс]. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=111 (дата обращения: 02.07.2018).
37. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 431 с.
38. Россия под скипетром Романовых. 1613 – 1913. М.: Интербук, 1990. 240 с.
39. Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905 – 1907 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. 43 с.
40. Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М.: Изд-во МГУ, 1980. 288 с.
41. Смирнов С.Н. К вопросу о правовых и экономических последствиях преобразований аграрной сферы России в годы реформ П.А. Столыпина (1906 – 1911) // Аграрное и земельное право. 2019. № 5. С. 37 – 40.
42. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902 - 1907 гг. Л.: Наука, 1981. 255 с.
43. Столыпин А. П.А. Столыпин. 1862 – 1911. М.: Планета, 1997. 102 с
44. Столыпин П.А. Разорвать общинные путы: из речи П.А. Столыпина, произнесенной в Государственном совете 26 марта 1910 г. // П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. / Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, Российский гос. исторический архив; [под общ. ред. П.А. Пожигайло]. 2-е изд. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 763 с.
45. Столыпин П.А. Речь о земельном законопроекте и землеустройстве крестьян в Государственной думе 5 декабря 1908 г. // Приложение к книге Бок М. П.А. Столыпин: Воспоминания о моём отце. М.: Современник, 1992.
46. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1. М.: Мысль, 1983. 653 с.
47. Туманова А.С., Сафонов А.А. Правительственная бюрократия поздней имперской России и ее подходы к осуществлению гражданских свобод // Антиномии. 2016. № 3. С. 116 – 117 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravitelstvennaya-byurokratiya-pozdneimperskoj-rossii-i-ee-podhody-k-osuschestvleniyu-grazhdanskih-svobod> (дата обращения: 06.04.2020).
48. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 471 с.

49. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982. 240 с.

50. Шубинской Н.П. Памяти П.А. Столыпина. М.: СП «ИНТЕРБУК», 1990. 28 с.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, email: smirnov-sn@yandex.ru.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL STATUS OF THE PEASANTRY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1901 - 1913

S.N. Smirnov

Tver State University

The article deals with the content and results of changing the legal status of the Russian peasantry in the context of modernizing the person's legal statuses system in the Russian Empire at the beginning of the XX century.

Keywords: *peasantry, Russia, modernization, constitution, P.A. Stolypin's agrarian reform, person's legal status, estate.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, email: smirnov-sn@yandex.ru.

Смирнов С.Н. Развитие правового статуса крестьянства Российской империи в 1901 – 1913 годах // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 111 – 130.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье раскрыты социально-экономические и правовые аспекты предпринимательской деятельности, обозначены ее границы. Рассмотрены различия между предпринимателем, инвестором и капиталистом. Обозначен закон кругооборота предпринимателей и наемных работников.

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматель, риск, конкуренция, предпринимательский доход, прибыль.

Предпринимательство является не только одной из сфер деятельности граждан, но и важным средством обеспечения роста экономики и повышения уровня жизни населения. В экономической теории предпринимательство рассматривается как один из четырех факторов производства, наряду с трудом, землей и капиталом. Отделение предпринимательских способностей от труда объясняется особой ролью предпринимателей в рыночной экономике, которые рассматриваются как новаторы, которые идут на риск с целью получения прибыли, которая им не гарантирована. Сущностное в предпринимателе то, что он решает проблему экономического риска за свой счет. В Гражданском кодексе РФ под предпринимательской деятельностью понимается деятельность, которая осуществляется на собственный риск и связана с систематическим излечением прибыли [2]. Заметим, что не систематическое заснятие хозяйственной деятельности, направленное на извлечение прибыли, исходя из конструкции гражданского законодательства предпринимательской деятельностью, может не считаться.

Следует различать два понятия – предприниматель и капиталист. Капиталист – это владелец капитала, который пускает его в рост. Обычно под капиталистом принято принимать единоличного владельца предприятия. По сути, капиталист является разновидностью предпринимателя. В современном мире, где господствует акционерная форма собственности, понятие «капиталист» практически не используется.

Также следует рассмотреть различия между понятиями инвестор и предприниматель. Инвестор – это лицо, вкладывающее средства во что-либо с целью получения дохода. В этом плане инвестор очень близок к понятию «предприниматель», которого также можно рассматривать как разновидность предпринимателей. Однако это не всегда так. Предпринимательство – активный и творческий процесс, который кроме вложения средств требует вложения собственных умственных и физических сил. Инвестор может просто совместно участвовать в рисковом проекте, путем предоставления денежных средств, без вкладывания в это собственных предпринимательских способно-

стей. Таким образом, в качестве водораздела здесь выступают именно предпринимательские способности.

Господство акционерной формы собственности превращает миллионы наемных работников в инвесторы, которые приобретают акции компаний. Акционеры не являются предпринимателями (кроме владельцев крупных пакетов акций, принимающих участие в хозяйственной жизни общества и принимающие в нем решения). Также предпринимателями не являются менеджеры. В результате оказывается, что могут существовать предпринимательские структуры без предпринимателей.

В Российской империи предпринимательство осуществлялось специальным сословием лиц – купцами, которые преимущественно были выходцами из крестьянского сословия. Всего существовало три гильдии купцов, в зависимости от величины капитала купца. Гильдия предоставляла купцам те или иные преимущества, что было очень важно в условиях феодальных ограничений. Самыми мелкими предпринимателями являлись мещане, которые в отличие от купцов несли все тяготы податного сословия. По мере развития капиталистических отношений крупные предприниматели стали получать иной, более высокий социальный статус, переходя в сословие почетных граждан. Интересно заметить, что многие крупные предприниматели в Российской империи были старообрядцами, среди них Морозовы, Рябушинские, Прохоровы, Бугровы, Третьяковы, Гучковы и проч.

В СССР не существовало понятия «предпринимательство», а всех тех, кто пытался нелегально им заниматься, советское законодательство рассматривало, как спекулянтов, получающих нетрудовые доходы, за что существовала уголовная ответственность вплоть до смертной казни. Смена хозяйственной парадигмы в результате процессов перестройки и демократизации общества привело к возрождению в стране предпринимательства. Право на предпринимательство гарантировано статьей 34 Конституции РФ, которая рассматривает предпринимательство как способ использования своих способностей [1]. Граждане, формирующие предпринимательские способности, тем самым вносят важный вклад в экономическое развитие страны.

В современной экономической теории вознаграждением предпринимателя рассматривается специфический доход – прибыль. В прошлом некоторые экономисты вознаграждением предпринимателя считали не всю прибыль, а только ее часть, остающуюся после вычета из прибыли процента.

В России с позиции права вознаграждение предпринимателя может принимать две формы:

- 1) доход, получаемый физическим лицом, являющимся индивидуальным предпринимателем за вычетом произведенных расходов (профессиональных вычетов);
- 2) прибыль, получая от участия в деятельности коммерческой организации в виде дивидендов.

Предпринимательский доход может быть получен из занятия производственной, коммерческой, финансовой, инвестиционной и прочей деятельности.

К. Маркс в «Капитале» принимает норму прибавочной стоимости, равной 100%. Это означает, что между капиталистами и работниками добавленная стоимость должна быть разделена по соотношению 50% на 50%. В экономически развитых странах Европы и США доля прибыли в ВВП крайне незначительна и на 1 долл. прибыли приходится 5–7 долл. заработной платы наемных работников и это соотношение в течение последних нескольких десятилетий практически не изменяется. Установившееся постоянство американские экономисты объясняют действием взаимно уравновешивающихся сил. Бизнес, в погоне за большей прибылью, увеличивает производительность труда, но в условиях конкуренции они вынуждены либо снижать на свою продукцию цены, либо повышать заработную плату наемным работникам, чтобы они не ушли к конкурентам.

В России в 2019 г. валовая прибыль составила 46,1 трлн руб., а начисленная заработная плата – 51,4 трлн руб. [8]. Это означает, что деление созданной в экономике добавленной стоимости соответствует эпохи, когда жил К. Маркс. Развитие конкуренции должно приводить к повышению доли заработной платы в ВВП и снижению доли прибыли (при общем росте массы прибыли), поэтому темпы роста заработной платы должны обгонять темпы экономического роста, а вот темпы роста прибыли должны быть меньше темпов роста экономики. Можно сформулировать некий закон кругооборота предпринимателей и наемных работников. У экономического субъекта есть выбор – стать наемных работников и получать гарантированное вознаграждение за свой труд в виде заработной платы или самому заняться предпринимательством. Предпринимательство возможно и без начального капитала. Наличие крупной денежной суммы отнюдь не делает индивида предпринимателем. Доходы предпринимателя могут быть неограниченны, но они не гарантированы и следует приложить немало усилий, чтобы их получить. В погоне за большим доходом, экономические субъекты будут стараться заниматься больше предпринимательством, а не становятся наемными работниками. Это приведет к сокращению предложения наемной рабочей силы и к росту заработной платы. Рост заработной платы будет делать все менее выгодным бизнес, и часть предпринимателей перейдет в разряд наемных работников. Действие описанного механизма «естественным» образом определяет долю предпринимателей в обществе и соотношение деления между предпринимателями и наемными работниками созданной добавленной стоимости.

Заметим, что не всякий может являться предпринимателем, для этого необходимо обладать особыми способностями. Как и любые другие способности, предпринимательские способности можно развивать как математические, музыкальные и иные способности. Чем больше в обществе будет лиц с предпринимательскими способностями, тем больше будет совокупный объем экономических ресурсов (факторов производства) и тем больше произвести ВВП. Поэтому развитию предпринимательских способностей надо уделять одно из первостепенных значений.

Законодательство позволяет занятие предпринимательской деятельностью путем создания отдельных юридических лиц, либо без создания юридического лица, а в некоторых случаях и без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. С целью осуществления предпринимательской деятельности могут быть созданы коммерческие организации различной организационно-правовой формы, включая хозяйственные общества (акционерные или с ограниченной ответственностью), товарищества (полные или на вере), производственные кооперативы. Разные организационно-правовые формы коммерческих организаций обеспечивают широкий выбор структурирования корпоративной собственности и управления ею. Обычно небольшой по объему бизнес не требует создания юридического лица, поддержание функционирования которого связано с определенными финансовыми затратами и может вызывать сложность у граждан. В этом случае, гражданину проще зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. По мере роста объема бизнеса необходимо перейти к созданию юридического лица в виде общества с ограниченной ответственностью, а в будущем – даже к созданию акционерного общества. Акционерные общества – это преимущественно организационно-правовые формы крупного бизнеса, с помощью которых возможно сконцентрировать огромный капитал в рамках единичной компании, добившись получения положительного эффекта масштаба производства, реализации товаров или оказания услуг.

Особняком среди коммерческих организаций стоит производственный кооператив, в котором распределение прибыли осуществляется исходя не из величины вложенного капитала, а трудового участия. Российское законодательство позволяет в производственных кооперативах не более 50% чистой прибыли распределять на вложенный капитал (величину паевого вноса), но, все же, большая часть распределяется исходя из трудового участия. Это определяет и систему управления производственным кооперативом, где действует принцип: «один член – один голос». В других коммерческих организациях количество голосов является пропорциональным вложенному капиталу.

По российскому законодательству могут создаваться еще потребительские кооперативы, но они являются уже формой некоммерческих организаций, а потому, в качестве своей цели не могут преследовать получение прибыли. В российской практике в форме потребительских кооперативов создаются общества потребительской кооперации (сельпо, райпо и проч.), кредитные потребительские общества и проч.

Сегодня в России можно создать юридическое лицо для осуществления предпринимательской деятельности с минимальным уставным капиталом всего десять тысяч рублей (создание общества с ограниченной ответственностью). На практике такой уставный капитал оказывается недостаточным для осуществления полноценной предпринимательской деятельности и ниже суммы затрат по ликвидации юридического лица, не учитывая уже варианта его банкротства, когда необходимо вводить и нести затраты по конкурсному производству. Незначительный уставный капитал не позволит фирме получить кредит в банке для

расширения своей деятельности за счет заемного капитала, а также сформировать в должном объеме оборотный капитал. Общество не должно допустить создание заведомо неустойчивых с финансовой точки зрения коммерческих организаций, что требует увеличения требования к минимальной величине уставного капитала таких организаций, который должен быть не менее одного миллиона рублей. Повышение минимальной величины уставного капитала защитит интересы контрагентов организации, а также ее работников в случае предъявления ими обоснованных требований к своим работодателям. Минимальное значение уставного капитала должно зависеть от объема деятельности коммерческой организации и количества занятых в ней работников.

В России, как и в других странах мира, большое значение уделяется поддержке малого и среднего предпринимательства, в котором заняты миллионы граждан [5]. Такая поддержка многообразна и включает в себя организационные, административные и финансовые меры. Субъекты малого и среднего предпринимательства используют специальные режимы налогообложения, неся более низкое налоговое бремя. Органы государственной власти и местного самоуправления должны не менее 15% объема закупок на поставку продукции, выполнения работ и предоставления услуг заключать с организациями малого предпринимательства [6]. Поэтому в заявках по торгам устанавливаются дополнительные ограничения о том, что в них могут участвовать только субъекты малого предпринимательства. В период пандемии новой коронавирусной инфекции наиболее пострадавшим сферам, в которых действуют организации малого и среднего бизнеса оказана финансовая помощь в размере 12 130 руб. на одного работника в месяц и при условии сохранения занятости работников на уровне не менее 90%. Такие выплаты должны получить именно субъекты малого и среднего предпринимательства за два месяца (апрель и май 2020 г.).

Некоторые виды деятельности вообще не могут являться предметом предпринимательской деятельности или вообще хозяйственной деятельности частных лиц. Например, организация крематория возлагается только на органы местного самоуправления, поэтому предпринимательства в этой сфере невозможно. Предоставление услуг по получению высшего образования также не является сферой предпринимательской деятельности. Негосударственные высшие учебные заведения являются некоммерческими организациями, имея статус учреждения, поэтому в качестве своей цели не могут ставить получение прибыли. Получаемый ими положительный финансовый результат – прибыль, не распределяется между учредителями, а остается в распоряжении образовательного учреждения и используется на его нужды. Образование у них прибыли связано с особенностями методологии расчета финансового результата, прибыль возникает вследствие приобретения на средства, получаемые за обучение основные средства в сумме, превышающей амортизацию. Разница между ними в бухгалтерском учете будет отражаться как прирост собственных средств организации, которые ею вкладываются в прирост стоимости основных средств. Образовательные услуги, не требующие выдачи документов государственного образца, могут являться предметом предпринимательской деятельности.

Предпринимательство должно иметь границы и формы осуществления и не должно приносить ущерб личности, обществу и государству. Предпринимательство также ограничивается нормами морали, нравственности и соответствовать установленным в обществе ценностям. Сфера предпринимательства – допустимая хозяйственная деятельность, непосредственно или опосредованно связанная с социально-экономическим развитием. В связи с этим, под угрозой применения санкций со стороны уголовного законодательства находится деятельность по легализации полученных средств, полученных преступным путем, неправомерное использование инсайдерской информации, манипулировании рынком, ограничение конкуренции и проч. Предпринимательская деятельность регулируется и охраняется государством. Предпринимательская деятельность должна быть юридически оформлена, а в некоторых случаях должны быть получены дополнительные разрешения, согласия и проч. на ее осуществление в различных сферах деятельности. Это необходимо в целях интересов общества для обеспечения безопасности и качества предоставляемых бизнесом услуг, выполнения работ или изготовления товаров.

Незаконное предпринимательство подпадает под санкции уголовного законодательства (статья 171 УК РФ) [3], под которым понимается осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без лицензии и в случае извлечения из этого значительных доходов или причинения крупного ущерба третьим лицам. Одновременно под санкцией уголовного закона находится и воспрепятствование предпринимательской деятельности, выражающееся в отказе субъекта предпринимательской деятельности или выдаче разрешения или лицензии (статья 172 УК РФ). В целях защиты прав субъектов предпринимательской деятельности от неоправданного вмешательства государственных органов и органов местного самоуправления в его деятельность в России принят Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [7]. Государство не должно создавать административных барьеров для осуществления предпринимательской деятельности осуществляя избыточный контроль. Закон устанавливает важнейшие принципы защиты бизнеса от неоправданного вмешательства со стороны государства и органов местного самоуправления, а также механизмы их реализации. В частности, установлена презумпция добросовестности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которая развивает статью 10 ГК РФ о добросовестности участников гражданских правоотношений, что должно априори предполагаться.

Не следует отождествлять мошенничество с предпринимательской деятельностью, хотя в российской практике часто трудно между ними провести четкую грань, особенно если мошенничество возникает при осуществлении предпринимательской деятельности. Все виды мошенничества – это уголовные деяния, которые связаны с введением в заблуждения с целью получения выгоды, наживы. В свое время в Уголовном кодексе РФ существовала статья 159.4 предусматривающая более «льготное» наказание при совершении мошенничества в

предпринимательской деятельности. Однако в 2014 г. Конституционный суд РФ признал ее неконституционной, который счел не приемлемым предоставление преференций для лиц, совершающих мошенничество с использованием легального предпринимательского статуса [8]. Действительно, в целях совершения мошенничества могут создаваться юридические лица – предпринимательские структуры, которые, по сути, являются инструментом совершения преступления, а сами такие преступления могут представлять для общества еще большую опасность из-за большего доверия к юридически оформленным субъектам предпринимательской деятельности.

Не смотря на существования запрета со стороны уголовного законодательства на занятие предпринимательской деятельностью без юридической регистрации такой деятельности (Ст. 171 УК РФ), на практике часто такая деятельность осуществляется, так как не наносит ущерб гражданам, обществу и государству. Например, выращивание на своем подсобном хозяйстве сельскохозяйственной продукции и продукции животноводства без получения юридического статуса с целью реализации и получения дохода не рассматривается в качестве незаконного предпринимательства. Аналогично происходит с приобретением квартир для сдачи в аренду, а также при осуществлении иных видов предпринимательской деятельности. Важно отметить, что статья 23 ГК РФ позволяет осуществление предпринимательской деятельностью без государственной регистрации индивидуальным предпринимателем, но это оказывается возможным только для определенных видов деятельности.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что предпринимательство является уникальным феноменом и движущей силой экономического развития. Правовое регулирование предпринимательской деятельности не определяется каким-либо одним центральным (главным, ведущим) нормативно правовым актом, а представляет собой большую совокупность нормативно правовых актов, относящихся к сфере хозяйственных и экономических отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020).
4. Федеральный закон от 26.12.2008 №294-ФЗ.
5. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ (с изм. и доп.).
6. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (с изм. и доп.).

7. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 №294-ФЗ.

8. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» от 11.12.2014 N 32-П.

9. По: Официальный сайт Росстата // <https://www.gks.ru/accounts>.

Об авторах:

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

BUSINESS ACTIVITY AND ITS BOUNDARIES

A.N. SUKHAREV

Tver State University

The article reveals the socio-economic and legal aspects of entrepreneurial activity, identifies its boundaries. The differences between the entrepreneur, investor and capitalist are considered. The law of the circuit of entrepreneurs and employees is designated.

Keywords: *entrepreneurship, entrepreneur, risk, competition, entrepreneurial income, profit.*

About the author:

SUKHAREV Alexander Nikolaevich, Doctor of Economics, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN – code: 2416-1054e-mail: su500005@yandex.ru

Сухарев А. Н. Предпринимательская деятельность и ее границы // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 131 – 138.

СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА И ПРОБЛЕМА ИНТЕРЕСА

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Статья посвящена развитию положений о характере и значении интереса для субъектов гражданского процессуального права в соответствии с трудами профессора Р.Е. Гукасяна. Определены интересы всех групп субъектов процесса. Обращено внимание на значение как наличия, так и отсутствия заинтересованности для определения процессуального положения субъектов и возможности их участия в процессе. Сделаны предложения по совершенствованию юридической терминологии исходя из наличия соответствующего интереса. Отмечается, что у судей есть служебная заинтересованность, которая в известной мере обуславливает правила привлечения их к ответственности. Сформулированы различия в характере интереса представителей в зависимости от вида представительства. Показана необходимость исследования характера интереса всех лиц, содействующих осуществлению правосудия, и в соответствии с этим установления дополнительных ограничений для возможного участия в этом качестве определенных лиц.

Ключевые слова: юридический интерес, фактический интерес, личный интерес, служебный интерес, материально-правовой интерес, служебный интерес, судьи, секретари, помощники судьи, стороны, третьи лица, прокурор, государственные органы, представители, свидетели, эксперты, переводчики, специалисты, педагогические работники, судебные приставы, основания к отводу, определение процессуального положения.

Вопросы относительно субъектного состава гражданских процессуальных правоотношений, в том числе с позиций интереса, казалось бы, уже полностью исследованы, и написано множество научных работ, но проблемы, которые были выделены профессором Р.Е. Гукасяном еще пять десятилетий назад, продолжают давать импульс к размышлению и желание еще раз обратиться к ним.

Прежде всего, следует отметить, что интерес как определенная социальная потребность пронизывает все сферы жизни и является в своем роде «вечным двигателем» всего, что делает человек и даже того, о чем он думает. Интерес можно классифицировать по самым различным критериям, и эта тема будет неисчерпаема. В контексте субъектов гражданского процесса наиболее значимы две классификации: интерес фактический и юридический; интерес личный и служебный.

Для определения субъектного состава процессуальных правоотношений в рамках конкретного гражданского (в широком смысле) дела определяющим является установление наличия или отсутствия юридической и фактической заинтересованности. В связи с этим представляется не совсем обоснованным утверждение О.Ю. Фоминой о том, что «юридический интерес следует отличать от юридической заинтересованности» [6, с. 8]. Интерес и заинтересованность

имеют, скорее, чисто филологическое различие, но одинаковое значение по сути и употребляются в зависимости от контекста. Кроме того, как и следует из работ профессора Р.Е. Гукасяна [2], юридический интерес «многолик», он может быть самостоятельным предметом судебной защиты, критерием определения процессуального положения, составлять содержание основных процессуальных принципов и распорядительных действий сторон. Юридический интерес лежит в основе обращения в суд, но эту предпосылку принято называть как наличие юридической заинтересованности. Это небольшое уточнение представляется необходимым и предостерегает от того, чтобы перейти к схоластическим рассуждениям, хотя вовсе и не означает, что точность терминологии не должна быть предметом исследования. К необходимости совершенствования терминологии применительно к субъектам процесса обратимся чуть позднее.

Классическое понимание юридического интереса соответствует всем другим юридическим категориям и связано с тем, что такой интерес означает для его субъекта возможность наступления правовых последствий. Фактический интерес не предполагает наступления правовых последствий для его субъекта, но все-таки применительно к гражданскому процессу такой интерес должен иметь определенный «намек» на его правовую основу, поскольку, допустим, интерес чисто познавательный (а такой тоже может быть), не имеет значения для определения субъектов процесса.

Юридический интерес подразделяется на личный и служебный. Личный интерес предполагает обусловленность материальными правоотношениями, а служебный – компетенцией соответствующего органа или должностного лица.

Это краткие ремарки относительно характера интереса для того, чтобы показать влияние наличия или отсутствия того или иного интереса на определение процессуального положения субъекта.

Субъекты гражданских процессуальных отношений подразделяются, как известно, на три группы: призванные к осуществлению правосудия; лица, участвующие в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия.

Прежде всего следует обратить внимание, что к первой группе субъектов относятся судьи, секретари и помощники судьи. Целесообразно к этой группе относить и судебных примирителей. Хотя примирительные процедуры некоторым образом вынесены за рамки процесса, но по сути они являются его составляющей. И к судебному примирителю должны применяться требования с позиции заинтересованности. По каждому конкретному делу этот состав должен формироваться с учетом проблемы интереса как основы независимости и беспристрастности судей. Как уже отмечалось, имеет значение как наличие, так и отсутствие этого интереса. Практически все исследования по этой проблеме исходят из того, что у судьи не должно быть ни юридической, ни фактической заинтересованности по делу. Но это вызывает опресненные сомнения, поскольку судья как лицо, облеченное судебной властью, должно быть заинтересовано в вынесении законного и обоснованного решения, обеспечении законности и защите прав участников процесса. Более того, этот ин-

терес и определяет его положение в процессе, равно как и других субъектов, имеющих также служебный интерес к исходу дела.

Этот интерес, конечно, не может быть обусловлен наступлением неблагоприятных последствий для самого судьи в случае, если в порядке апелляции или кассации будет отменено или изменено вынесенное судебное решение. Следует согласиться с И.С. Кузнецовой [3, с. 14], что за это не должна наступать дисциплинарная ответственность. Но при этом следует учитывать, если так можно выразиться. «закон перехода количества в качество», то есть, если эти отмены и изменения носят грубый или системный характер, то это уже может быть основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности. Смысл служебного интереса в том, чтобы добросовестно выполнять свои обязанности.

Анализ правил об основаниях для отвода судьи позволяет сделать вывод, что они все основаны именно на заинтересованности, хотя непосредственно «заинтересованность» употребляется только в п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ. Причем в этой норме применяется терминология «прямо или косвенно заинтересован». Относительно термина «косвенно» следует согласиться с Р.Е. Гукасяном, что косвенный интерес это интерес фактический [2, с. 82 – 83]. Но и все другие основания для отвода судьи связаны с проблемой интереса. Постулат римского права о том, что «никто не может быть судьей в своем деле», означает то, что наличие личной юридической заинтересованности исключает возможность быть судьей по делу. Наличие родственных и иных взаимоотношений с участниками процесса, а также все иные обстоятельства относятся к фактической заинтересованности личного характера.

Обстоятельства повторного участия в рассмотрении дела в качестве судьи, судебного примирителя или иного субъекта процесса следует относить к фактической заинтересованности, имеющей служебный характер.

Наиболее сложным на практике является установление именно фактической заинтересованности. Для исключения этого фактора при распределении дел в судах в настоящее время используется автоматизированная информационная система, но она не решает всех проблем фактической заинтересованности. Так, сам Рафаэль Егишевич, будучи судьей, однажды заявил себе самоотвод, так как при входе в суд ему оказал помощь гражданин, который оказался стороной по делу.

Основания для отвода в связи с личной фактической заинтересованностью не должны служить поводом для устранения судьи из процесса по надуманным поводам. Представляется, что во всех основаниях следует более четко применять категорию интереса и желательно законодательно изменить формулировки этих норм. И по возможности унифицировать эти правила во всех процессуальных Кодексах.

Необходимо также дополнить перечень субъектов в ст. 18 ГПК РФ судебным примирителем. Хотя это и добровольный выбор сторон, но странно, если примиритель будет заинтересован сам в исходе дела.

Лица, участвующие в деле, – привычный термин для всех цивилистических

процессов, но нельзя не признать, что это очень условное определение и оно не содержит никаких реальных критериев, характеризующих эту группу субъектов. Даже имеет некоторые основания для заблуждения, что, вроде, это те лица, которые принимали участие в судебном процессе. Главным критерием, который объединяет всех этих субъектов, является наличие юридической заинтересованности, поэтому их было бы целесообразно так и называть: «юридически заинтересованные лица». Конечно, терминология всегда условна до известной степени, но применительно к этой группе субъектов проблема интереса неразрывно связана с терминами и понятиями.

Применительно к лицам, участвующим в деле (термин официальный, и использовать будем его), в дополнение к личному и служебному необходима еще одна классификация интереса: материальный юридический интерес и процессуальный.

В соответствии с этим, что признается всеми, у сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, юридический интерес является личным и материальным, поскольку судебное решение может непосредственно повлиять на их права и обязанности. У третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, юридический интерес является личным и процессуальным, поскольку им важно получить решение определенного содержания, которое повлияет в дальнейшем на их права и обязанности. Прокурор и лица, участвующие в деле, в порядке ст. 46 и 47 ГПК РФ имеют служебную процессуальную юридическую заинтересованность. И именно характер интереса определяет процессуальное положение субъекта и его возможную трансформацию.

Гражданский процессуальный кодекс не содержит точного определения сторон в гражданском процессе, хотя предложения о закреплении соответствующей нормы неоднократно имели место, в том числе в период работы над проектом действующего Кодекса. Но в ч. 2 ст. 38 ГПК РФ содержатся ключевые слова относительно истца: «Лицо, в интересах которого дело начато...». Критерий заинтересованности законодатель применил и в ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, определив, что по общему правилу только заинтересованное лицо может обратиться в суд. Все это и дает основание для того, чтобы считать стороны лицами, имеющими личную материальную юридическую заинтересованность.

Материальный характер заинтересованности основан на спорном материальном правоотношении, предположительными субъектами которого являются истец и ответчик. Исходя из спорного материального правоотношения решается вопрос о возможном соучастии, допустимости правопреемства и о том, является ли сторона надлежащей.

Наличие личной материальной юридической заинтересованности ее характер позволяют разграничивать обязательное и факультативное соучастие. Если этот интерес основан на общем праве или общей обязанности законодатель отступает от принципа диспозитивности и предоставляет суду право независимо от воли истца привлечь в процесс всех соответчиков. Это правило обусловлено наличием соответствующей заинтересованности у таких лиц.

Действующее гражданское процессуальное законодательство не предусматривает права самого лица, которое считает себя заинтересованным в исходе дела вступить в процесс в качестве ответчика. В связи с этим заслуживает внимания предложение О.С. Гончаровой о том, чтобы использовать зарубежный опыт и предоставить лицу, которое полагает, что является обязательным соответчиком, ходатайствовать о привлечении его к делу в этом качестве [1, с. 9]. Правопреемство также основано на том, обладает ли лицо личной материальной юридической заинтересованностью или нет, что вытекает из характера спорного материального правоотношения и его субъектного состава.

Сложным является вопрос, связанный с признанием стороны ненадлежащей. Критерий юридической заинтересованности предполагает, что если с очевидностью установлено, что интерес в исходе дела не принадлежит первоначальному истцу и ответчику, то целесообразно осуществить их замену, чтобы суд не работал впустую, но законодатель определил приоритет диспозитивности и вообще исключил вопрос о замене ненадлежащего истца, а вопрос о замене ненадлежащего ответчика зависит исключительно от воли истца.

Кодекс административного судопроизводства РФ в ст. 43 сохранил прежнее процессуальное правило о возможности привлечь надлежащего ответчика в качестве второго административного ответчика. С точки зрения интереса это правило представляется оправданным, поскольку необходимо учитывать и названный раньше служебный интерес суда, состоящий в вынесении законного и обоснованного решения в разумный срок и в соответствии с принципами разумности и процессуальной экономии.

Учитывая, что третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, обладает одинаковой с истцом заинтересованностью, возможно, уже пришло время привести терминологию в соответствие с характером интереса. Таких третьих лиц в теории иногда именуют «опоздавшим истцом», но было бы точнее использовать «освободившийся» термин – второй истец. Так в соответствии с прежним процессуальным законодательством именовался надлежащий истец, которого привлекал суд по своей инициативе. Поскольку теперь такого процессуального правила нет, а по сути третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, как раз и может быть тем самым надлежащим истцом, то это был бы термин, отражающий как сущность субъекта, так и характер его интереса.

Кроме того, это позволит решить проблему исключения применения сходной терминологии к лицам, обладающим различной по характеру юридической заинтересованностью. Это относится к третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора. Такие термины не очень подходят для судебных документов, и в них чаще имеет место сокращенное указание: третье лицо, а уж из контекста становится ясно, о каком третьем лице идет речь. Можно вспомнить, что в XIX в. третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, именовали «пособниками», поскольку именно это определяло цели участия их в процессе – помочь стороне.

Заинтересованность третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, является личной, но процессуальной. В связи с этим хочется еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что, исходя из характера их интереса, было бы точнее указать в соответствующей норме, что они могут вступить в дело «в целях обеспечения в будущем защиты своих прав или интересов по отношению к одной из сторон» [5, с.13].

Характер интереса этих третьих лиц определил изменения их процессуального положения и предоставил возможность участия при заключении мирового соглашения. О том, что отсутствие права на заключение мирового соглашения у третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, препятствует их заключению, писал Р.Е. Гукасян [2, с. 126 – 147]. Это правило было введено в 2019 г. В связи с этим необоснованными и недальновидными представляются утверждения К.С. Рыжкова о том, что сам статус третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, ограничивает их возможности в части распорядительных действий [4, с. 11].

Возможно, что характер заинтересованности третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, позволит в дальнейшем еще расширить их права и обязанности в процессе.

Служебная заинтересованность прокурора в процессе независимо от формы участия является процессуальной. Именно потому, что заинтересованность остается неизменной у прокурора независимо от того, обратился он в суд в защиту прав конкретного лица, неопределенного круга лиц или публичных интересов, нет необходимости применять к прокурору никаких дополнительных терминов, например, «процессуальный истец». Тем более, что истец – это вообще фигура процессуальная, хоть и имеет материальную заинтересованность.

Участие прокурора в гражданском процессе вызывало много споров при разработке действующего Кодекса. Были предложения полностью исключить, сделать «государственным представителем», но, как представляется, было принято решение с разумной достаточностью. Кстати, даже Европейский Суд по правам человека отметил, что участие прокурора как таковое не нарушает права на справедливое судебное разбирательство.

Проблема положения прокурора по тем делам, когда «за его спиной нет истца», состоит в том, что такого рода дела не являются исковыми. Конечно, исковая форма является практически универсальной, поэтому она была воспринята и в административном судопроизводстве. Но, строго говоря, если нет реального истца и прокурор обращается в суд в защиту публичных интересов, то должен быть специфический вид судопроизводства.

Относительно участия государственных органов, органов местного самоуправления и иных лиц с позиций характера юридической заинтересованности нет сомнений, она носит процессуальный характер и обусловлена тем, что в определенных случаях этим органам не хватает своих полномочий, чтобы осуществлять возложенные на них задачи.

Проблема носит характер фактической, связана с тем, что соответствующий орган участвует в суде путем представительства, но эти представители не во всех случаях реализуют те полномочия, которые им даны в соответствии с характером их юридического интереса, проявляют пассивность в процессе, не решаются изменить позицию исходя из обстоятельств, которые установлены в суде. Необходим принцип «ответственного представительства», поскольку процессуальный интерес состоит не в том, чтобы решение было принято по задуманному им варианту, а в точном соответствии с обстоятельствами дела.

Следует упомянуть и еще об одной группе лиц, у которых юридическая заинтересованность личного характера проявляется уже после вынесения судебного решения. По действующему законодательству лица, которые не были привлечены к участию в деле, но права и обязанности которых затрагивает судебное решение, являются полноправными субъектами обжалования. Более того, для них установлены дополнительные правила, позволяющие им добиваться отмены таких решений. Заинтересованность таких лиц может быть как материальной, так и процессуальной, в зависимости от того, какое положение они должны были занять в процессе.

Современный период развития цивилистического процесса можно охарактеризовать примерно так – от состязательного к примирительному. И в связи с этим следует опять обратиться к трудам Р.Е. Гукасяна, который предлагал учитывать при заключении мировых соглашений иных заинтересованных лиц, которые не привлекались к участию в деле, но их позиция может быть определяющей [2, с. 147 – 149]. Возможно, такой подход будет воспринят законодателем, и появятся заинтересованные лица не только в особом производстве, но и в исковом.

В гражданском процессе сохраняется некая неопределенность относительно судебных представителей. Кодекс административного судопроизводства РФ определил представителей как иных участников процесса. Гражданский процесс не содержит никаких правил относительно того, к какой группе субъектов их следует отнести. В связи с этим и анализом института представительства напрашивается вывод о том, что представители должны быть выделены в самостоятельную группу субъектов.

Вопрос о том, обладают ли представители юридическим интересом, неоднократно был предметом обсуждения, чаще этот интерес определяли, исходя из того, что представитель получает вознаграждение. Но это слишком поверхностное отношение к проблеме интереса.

Прежде всего следует признать, что представительство включает самые различные виды, которые различаются по целям и соответственно по характеру интереса.

Начнем с законного представительства, основной целью которого является восполнение недостающей дееспособности лица, участвующего в деле. Законный представитель имеет как юридическую, так и фактическую заинтересованность в исходе дела, юридический интерес имеет процессуальный характер, поскольку представитель добивается решения определенного содержания, но не

для себя лично, следовательно, этот интерес носит служебный характер, с определенной условностью этого термина.

Юридическое лицо вообще не может участвовать в процессе без представительства, что и является целью.

Интерес представителя юридического лица может быть охарактеризован как материальный и личный, поскольку можно говорить о юридическом лице с позиции «теории коллектива».

Простое договорное представительство преследует цель заменить в процессе лицо, участвующее в деле. Интерес такого представителя является процессуальным и также служебным. В зависимости от личности представителя у него может быть и фактическая заинтересованность.

Особым видом представительства является правило ст. 50 ГПК РФ, когда представителя назначает суд с целью обеспечить интересы и права ответчика, когда нет возможности установить его место пребывания. Здесь интерес служебный и процессуальный.

Наибольшее распространение имеет представительство как оказание квалифицированной юридической помощи. Здесь интерес носит служебный характер и является процессуальным.

Характер заинтересованности в двух последних случаях является служебным в буквальном смысле, поскольку обусловлен профессиональной юридической деятельностью. А в случаях законного и простого договорного представительства можно считать интерес «квази-служебным». Но одно бесспорно – все виды представительства основаны на наличии юридического интереса.

Субъекты, содействующие разбирательству дела, представляют самую большую и неоднородную группу. Интерес применительно к этим субъектам является фактором, обеспечивающим возможность их привлечения в процесс, и определенным критерием оценки доказательств.

Гражданский процессуальный кодекс РФ не содержит общего перечня лиц, содействующих осуществлению правосудия, и специального закрепления их процессуального положения. Кодекс административного судопроизводства РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ именуют таких субъектов «иные участники». К этим иным отнесены также секретари и помощники судей, но, как уже отмечалось, эти лица неразрывно связаны с осуществлением правосудия и выполняют ряд процессуальных действий, которые являются обязательными, например, ведение протокола.

Лицами, содействующими осуществлению правосудия, являются свидетели, эксперты, переводчики, специалисты, педагогические работники, понятые, судебные приставы.

Закон, определяя основания к отводу эксперта, переводчика и специалиста, исключает возможность наличия как юридического, так и фактического интереса у этих субъектов, носящего личный характер. Но не следует исключать у этих субъектов служебного интереса, который состоит в надлежащем выполнении своих обязанностей и подтверждении своего профессионального уровня. Можно даже считать, что во многих случаях этот интерес является определяю-

щим для их согласия занять соответствующее процессуальное положение. Целесообразно применять аналогичные требования и к понятиям, если есть необходимость в их участии.

Применительно к свидетелям, которые относятся к незаменимым субъектам как носители информации, имеющей значение для дела, разумеется, исключается личный юридический интерес, если он будет установлен, такой свидетель должен занять положение лица, участвующего в деле. А вот фактическая заинтересованность у свидетелей по гражданским, семейным и трудовым делам, как правило, присутствует, поскольку свидетелями выступают чаще всего лица, связанные со сторонами определенными отношениями. Поэтому суд обязательно выясняет наличие и степень фактической заинтересованности в самом начале допроса. Эта фактическая заинтересованность либо ее отсутствие помогают суду оценить достоверность показаний свидетеля. Кроме того, в соответствии со ст. 51 Конституции РФ и ст. 69 ГПК РФ наличие фактической заинтересованности, обусловленной близкими родственными отношениями или профессиональной деятельностью, является основанием для свидетельского иммунитета.

Закон не содержит специальных указаний относительно педагогических работников, следовательно, мы исключаем для них только личный интерес, но предполагаем наличие служебного, как для экспертов и специалистов, но не исключаем наличие фактической заинтересованности. Возможно даже, она должна быть в определенной степени, как доброе отношение к несовершеннолетнему и знание особенностей его личности. В связи с этим вызывает сомнение само название этого субъекта – педагогический работник, слишком формально и не соответствует цели участия в процессе. Ведь необходимо помочь получить необходимые сведения от несовершеннолетнего и правильно их оценить, значит, нужны особые педагогические и психологические способности.

Судебные приставы обеспечивают порядок в судебном заседании, их деятельность обуславливает служебный интерес, при этом наличие фактической заинтересованности не исключается законом, но является нежелательным. Следует признать также, что судебный пристав не должен обеспечивать порядок в судебном заседании, где судьей является его родственник.

Это лишь самые основные вопросы, которые касаются проблемы интереса применительно к субъектам процессуальных правоотношений. Сама проблема интереса поистине неисчерпаема. Не все положения могут быть восприняты, но дискуссия – это основной двигатель науки. Главное, что труды Р.Е. Гукасяна не утрачивают актуальности и позволяют развивать его идеи, давать свое толкование и современное осмысление.

Список литературы

1. Гончарова О.С. Соучастие в гражданском судопроизводстве России и США: сравнительно-правовой аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.

2. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008.

3. Кузнецова И.С. Иммуниеты и ответственность как элементы конституционно- правового статуса судьи. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

4. Рыжков К.С. Участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017.

5. Туманова Л.В. Актуальные проблемы участия в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, и органов государственного управления, дающих заключение по делу. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985.

6. Фомина О.Ю. Преобразование процессуального положения лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна, AuthorID: 648735) – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, e-mail: gpipd@tversu.ru

SUBJECTS OF THE CIVIL PROCESS AND THE PROBLEM OF INTEREST

L.V. Tumanova

Tver State University

The article is devoted to the development of provisions on the nature and significance of interest for subjects of civil procedure law in accordance with the works of Professor R.E. Gukasyan. The interests of all groups of stakeholders have been identified. Attention is drawn to the importance of both availability and lack of interest in determining the procedural situation of the subjects and the possibility of their participation in the process. Proposals were made to improve legal terminology on the basis of interest. It is noted that judges have an official interest, which to a certain extent determines the rules of bringing them to justice. Differences in the nature of the interest of representatives according to the type of representation are formulated. The need to investigate the nature of the interest of all persons promoting justice and, accordingly, to impose additional restrictions on the possible participation of certain persons in that capacity is demonstrated.

Keywords: *legal interest, actual interest, personal interest, official interest, material and legal interest, official interest, judges, secretaries, assistant judges, parties, third parties, prosecutor, state bodies, representatives, witnesses, experts, interpreters, specialists, pedagogical workers, bailiff, grounds to challenge, determination of procedural situation.*

About the author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, the head of the Department of judicial authority and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33) SPIN-code: 8705-4643, e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л. В. Субъекты гражданского процесса и проблема интереса // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 139 – 149.

РОЛЬ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В УСТАНОВЛЕНИИ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНИНА И ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

В работе освещаются вопросы, связанные с понятием и значением интереса сторон и государства в разрешении гражданско-правового спора на основе примирения сторон. В целях согласования собственных интересов суда (высокие показатели в работе) с интересами граждан и государства, в отношении разрешения спора мирным путем, автор предлагает количество дел, по которым сторонами спора, переданного на рассмотрение в суд, были достигнуты результаты примирения, считать дополнительным критерием оценки деятельности суда.

Ключевые слова: интерес, примирительная процедура, гражданское судопроизводство.

Вопросы, связанные с понятием и значением интереса в гражданском процессе довольно широко представлены в процессуальной литературе. Однако наиболее значимой до сих пор остается монография Рафаэля Егишевича Гукасяна «Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве» [8]. Именно он является родоначальником теории интереса в гражданском процессуальном праве.

«Главными пружинами» гражданского процесса Р.Е. Гукасян называл «интерес лица, чье право или охраняемый законом интерес должны быть защищены, и интерес государства в строгом соблюдении социалистической законности» [9, с. 231]. Выделение интереса лица, чье право или охраняемый законом интерес должен быть защищен, в качестве ведущего оправдано тем, что возникновение, движение и окончание процесса подчинено его реализации. Интерес государства в строгом соблюдении законности пронизывает все формы организации суда и его детальности по осуществлению правосудия. Этим интересом определяется цель судебной деятельности в гражданском судопроизводстве.

Наибольшая свобода правового субъекта проявляется тогда, когда он по своему усмотрению определяет, как цели своей деятельности, так и средства их достижения. Цели гражданского судопроизводства определены законом (ст. 2 ГПК РФ) [1]. «Выбор цели конкретного процесса ни суд, ни другие участники процесса определять не вольны» [9, с. 231]. Цель конкретного гражданского процесса заключается в разрешении гражданско-правового спора и защите субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов граждан, организаций, интересов РФ, субъектов РФ и муниципальных образований. «В тех случаях, когда цели заданы, свободному усмотрению субъекта может быть отведена лишь область выбора средств достижения этих целей» [9, с. 227]. Таковыми выступают задачи гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ).

В современном гражданском процессе для достижения общей цели защиты нарушенных прав и интересов необходима правильная постановка задач, обеспечивающих баланс частного и публичного интереса в гражданском судопроизводстве (ст. 2 ГПК РФ). «Для того, чтобы устранить спорность отношений между сторонами, необходимо судебное решение» - писал Гукасян Р.Е. Данное утверждение в полной мере было обоснованно до тех пор, пока в гражданском судопроизводстве не появилось альтернативы судебному разбирательству в виде примирительной процедуры, результаты которой не в меньшей степени гарантируют разрешение спора между сторонами по существу (гл. 14.1 ГПК РФ) [2].

Задача примирения сторон, провозглашенная в ст. 2 ГПК РФ, является самостоятельным и эффективным средством достижения целей защиты нарушенных прав и интересов постольку, поскольку разрешение спора, переданного на рассмотрение в суд, на основании примирения сторон исключает необходимость реализации иных задач гражданского судопроизводства, из числа указанных в данной статье.

В разрешении гражданско-правового спора, переданного на рассмотрение в суд, на основе примирения сторон, одинаково заинтересованы как стороны, так и государство в лице суда. Для сторон спора их обращение к примирительной процедуре обеспечит более справедливый результат, быстрое его разрешение и станет для них менее затратным способом защиты прав и охраняемых законом интересов по сравнению с судебным процессом [10]. Однако, если говорить о мировых соглашениях как о результате примирительных процедур, то к сожалению, по данным судебной статистики их доля в гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции ничтожно мала. Так, в 2018 г. стороны заключили мировое соглашение – 65,8 тыс. дел, или 22,3 %, из них было заключено почти 1 тыс. медиативных соглашений, или 0,3 %, (в 2017 году – 72,5 тыс., или 23,3 %, заключено около 1,2 тыс. медиативных соглашений, или 0,4 %) [4.]; в 2019 г. стороны заключили уже чуть больше мировых соглашений – 81373, из них по результатам медиации было составлено 1008 соглашений [5]. По отношению к общему количеству гражданских дел, рассматриваемых ежегодно судами общей юрисдикции в порядке искового производства, а это около 4 млн. дел, - картина с примирением сторон в гражданском судопроизводстве удручающая. По данному поводу высказываются разные суждения: отсутствие опыта сторон в разрешении спора самостоятельно [13], вера в решение властного органа, низкий уровень правовой культуры, высокая эмоциональность отношений между сторонами спора, переданного на рассмотрение в суд и др.

По меткому выражению Р.Е. Гукасяна: «Наделение субъективным правом для достижения запрограммированных целей оправдано лишь в тех случаях, когда субъект осознает свой интерес, опосредуемый субъективным правом. Если такого осознания интереса нет, то в его же интересах может быть установлена идентичная обязанность, которая формирует заинтересованность на уровне стремления избежать ответственности» [9, с. 230]. Как указано в ч. 2 ст. 153.2 ГПК примирительная процедура может быть проведена по ходатайству сторон

или по предложению суда. Однако, независимо от того в каком порядке участники спора приходят в примирительную процедуру, решение об этом они принимают своей волей и в своем интересе, действуя самостоятельно. Стороны вправе совместно договориться о, наиболее подходящей для них примирительной процедуры, порядке ее проведения и желаемом результате примирения (ст. 153.2 - 153.7 ГПК РФ). Они вправе отказаться от продолжения проведения примирительной процедуры на любой стадии ее проведения.

Подобные рассуждения будут актуальны также в отношении третьих лиц, как заявляющих, так и не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, которые свое право участвовать в заключении мировых соглашений реализуют добровольно (с. 42, 43 ГПК РФ). Надлежит отметить, что Р.Е. Гукасян всегда являлся сторонником признания за третьими лицами, не заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора их права на участие в заключении мировых соглашений, если оно урегулирует и правоотношение между спорящими сторонами и третьими лицами [8, с. 147]. В 2019 г. его предложение о необходимости внесения в гражданское процессуальное законодательство изменений о предоставлении третьим лицам, не заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора, право выступать участниками мирового соглашения, нашло свое законодательное оформление в ГПК РФ [2].

Таким образом, в полном соответствии с принципами диспозитивности и добровольности примирительной процедуры ее проведение в обязательном порядке законом не предусматривается (ч. 1 ст. 153.2 ГПК РФ). Оговориться следует только о переговорах, которые в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором, проводятся в обязательном порядке (ч. 3 ст. 153.4 ГПК РФ). В ряде зарубежных стран (например, в Словении) обязательный характер носит процедура судебной медиации (примирения), ее проведение может быть предписано судьей. В некоторых странах (например, в Великобритании) существует практика, согласно которой, если сторона отказывается от предложенной судом медиации, то она несет все судебные расходы другой стороны, даже выиграв спор (добровольная обязательность) [12, с. 31.].

Интерес государства в примирении сторон на этапе производства по гражданскому делу заключается в сокращении количества рассматриваемых судами дел, улучшении качества отправления правосудия за счет освобождения судов от необходимости рассмотрения бесспорных дел, сохранении дружественных, родственных отношений между сторонами на будущее, соответственно минимизации вероятности возникновения дальнейших противоречий между ними и снижении конфликтности в обществе в целом. Кроме того, положительное значение примирительных процедур может заключаться в оптимизации гражданского судопроизводства в целом [6].

Важный вопрос, с моей точки зрения, касается наличия заинтересованности в примирении сторон самого суда. Постановка вопроса об интересе суда к делу принадлежит Р.Е. Гукасяну. Об этом он писал в статье «Место интересов в регулировании гражданских судопроизводственных отношений» [9, с. 232].

Правда Р.Е. Гукасян рассматривает интерес суда несколько в иной плоскости. Он пишет «Суд, являясь выразителем и исполнителем государственных интересов в сфере правосудия, имеет и собственный интерес» - и далее «Собственный интерес суда весьма прозаичен. Он состоит в достижении высоких показателей в работе, так как от этого зависит оценка его деятельности и вытекающие отсюда последствия, отражающиеся на личных интересах судьи...». В то же время Р.Е. Гукасян отмечает: «Наличие собственного интереса у суда таит возможность противоречия между государственными интересами и интересами суда... Надо, чтобы и сам процесс проходил рационально и гарантировал быстрое и экономно, законное и обоснованное разрешение спора или иного дела». Интерес суда в достижении высоких показателей в работе сложно назвать юридическим интересом, он скорее является фактическим. Поэтому и из сопоставления утверждений Р.Е. Гукасяна о государственном и личном интересе судей все же можно сделать вывод о том, что истинную заинтересованность суда автор видит не в личных интересах судьи, а в надлежащем осуществлении судом государственной функции – функции правосудия.

Каждый судья, рассматривающий гражданское дело, представляет третью ветвь государственной власти – судебную власть, содержание которой состоит в осуществлении правосудия путем гражданского судопроизводства. Через суд государство выражает заинтересованность в осуществлении правосудия. «Судья должен быть заинтересован в разбирательстве дела в соответствии с установленными законом принципами судопроизводства, правами и обязанностями суда, позволяющими принять обоснованное, законное и справедливое решение» [7, с. 7].

С появлением в гражданском судопроизводстве возможности разрешения гражданско-правового спора на основе результатов примирительных процедур, судье принадлежит особая роль в создании условий для примирения (гл. 14.1 ГПК РФ «Примирительные процедуры. Мирное соглашение»). Судья должен стремиться к эффективному процессу и к защите нарушенного права одновременно [3]. Комитетом министров Совета Европы предложено в качестве одной из основных задач возложить на судей обязанность добиваться примирения сторон и заключения мирового соглашения по всем соответствующим вопросам на любой стадии производства по делу [14].

В полном соответствии с утверждениями Р.Е. Гукасяна о реализации принципа активной помощи материально (лично) заинтересованным лицам, современный суд создает благоприятные условия для эффективной процессуальной деятельности участников спора. Разъясняя участвующим в деле лицам их процессуальное право на разрешение спора, переданного на рассмотрение суда, на основании возможных достигнутых результатов примирительных процедур, суд тем самым способствует «сознательному формированию их воли в соответствии с их интересами» [8, с. 106 - 107].

Однако, лица, участвующие в деле, не осознавая значимости отдаленных результатов примирительных процедур для разрешения их гражданско-правового спора, могут отказаться от прохождения примирительных процедур,

т.е., по сути, совершить действия, не соответствующие их интересам. Но даже в этих условиях, суд не может принять решение за стороны спора, обязав их пройти примирительную процедуру. Активная роль суда при осуществлении правосудия по гражданским делам выводится из действия принципа законности и является допустимым элементом гражданского процесса, основанного на принципах состязательности и диспозитивности. Эти полномочия не заменяют, а лишь направляют и дополняют процессуальную деятельность сторон [11, с. 13]. Сам судья при этом остается независимым (ст. 8 ГПК).

Таким образом, в разрешении гражданско-правового спора, переданного на рассмотрение в суд, на основе примирения сторон, одинаково заинтересованы как стороны, так и государство в лице суда. Достижение высоких показателей примирительных процедур в гражданском судопроизводстве во многом зависит от убедительной разъяснительной и эффективной организационно-распорядительной деятельности суда. В целях согласования фактического интереса суда (высокие показатели в работе) с интересами граждан и государства, в отношении разрешения спора на основе результатов примирительных процедур, предлагаем количество дел, по которым сторонами спора, переданного на рассмотрение в суд, они были достигнуты, считать дополнительным критерием оценки деятельности суда.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ в ред. ФЗ от 2 декабря 2019 г. № 406-ФЗ // СЗ. 2019. № 30. Ст. 4099.

2. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. N 197-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: https://base.garant.ru/72330060/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/#block_512

3. Рекомендация № R (86) 12 Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» (Вместе с «Примерами не относящихся к судопроизводству вопросов, от решения которых должны быть избавлены судьи в некоторых странах, с учетом конкретных особенностей каждой страны» (Принята 16.09.1986 на 399 заседании представителей министров). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=23533#09627591592101368>

4. Обзор о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 году URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80>

5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» в 2019, 2018 г. г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>

6. Концепция единого ГПК РФ (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014. № 124 (1). М., 2015, ст. 15.1.

7. Абова Т.Е. Проблема интереса в гражданском судопроизводстве / Судебная защита прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций.

Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти д.ю.н., профессора Р.Е. Гукасяна / отв. Ред. Е.Г. Стрельцова. М.: Проспект, 2009. С. 17.

8. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Избранные труды. М., 2007. С. 12 -177.

9. Гукасян Р.Е. Место интересов в регулировании гражданских судопроизводственных отношений / Избранные труды. М., 2007. С. 229 - 236.

10. Борисова Е.А. АРС и судебная форма защиты права. 2018. № ¾. С. 274.

11. Федина А.С. Реализация принципа законности в гражданском процессе. Автореф. дис. к.ю.н. Тверь, 2002.

12. Федина А.С. Правовое регулирование и принципы примирительных процедур (на основе анализа главы 14.1. ГПК РФ) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 28 – 36.

13. [https://ru.wikipedia.org/wiki/](https://ru.wikipedia.org/wiki/Опытное_знáние_(óпыт)) Опытное знáние (óпыт) — совокупность знаний и умений приобретённых человеком в процессе взаимодействия с внешним миром. URL

14. Добавление № R (81) 7 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию (14 мая 1981 г.). URL: <http://base.garant.ru/2541415/>

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), Author ID 459882 SPIN-код: 6641-7075, e-mail: as.fedina@mail.ru.

THE ROLE OF CONCILIATION PROCEDURES IN ESTABLISHING A BALANCE OF INTERESTS OF A CITIZEN AND THE STATE IN CIVIL PROCEEDINGS

A.S. Fedina

Tver State University

The paper highlights issues related to the concept and importance of the interest of the parties and the state in resolving a civil dispute on the basis of reconciliation of the parties. In order to reconcile the court's own interests (high performance) with the interests of citizens and the state, with regard to resolving the dispute peacefully, the author suggests the number of cases in which the parties

to the dispute submitted to the court achieved results reconciliation, considered an additional criterion for evaluating the activities of the court.

Keywords: *interest, conciliation procedure, civil proceedings.*

About the author:

FEDINA Anzhelika – PhD, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), Author ID 459882 SPIN-code: 6641-7075 e-mail: as.fedina@mail.ru.

Федина А.С. Роль примирительных процедур в установлении баланса интересов гражданина и государства в гражданском судопроизводстве // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 150 – 156.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, ЛИЧНУЮ И СЕМЕЙНУЮ ТАЙНУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н.Г. Яковлева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена проблемам защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну в уголовном судопроизводстве. В статье проанализированы вопросы формирования понятия «частная жизнь», исследуются актуальные аспекты применения уголовно-процессуального законодательства, связанные с ограничением права на тайну частной жизни, а также с правом не свидетельствовать против себя и своих близких.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, досудебное производство по уголовным делам, следственные действия, близкие родственники и близкие лица, свидетельский иммунитет.

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну является одним из приоритетных в системе гарантий прав граждан, закрепленных в Конституции РФ [1]. Статья 23 устанавливает, что возможность ограничения данного права обусловлена лишь интересами уголовного судопроизводства и судебным решением. «В условиях демократического правового государства эти ограничения допустимы только при соблюдении гарантий прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных самой Конституцией РФ и федеральным процессуальным законом» [6, с. 202]. Международные документы и, прежде всего, Европейская Конвенция прав человека провозглашает, что частная жизнь человека, личная и семейная тайна подлежат государственной защите.

В деятельности правоохранительных органов широко применяется производство следственных действий, связанных с ограничением права на неприкосновенность частной жизни. Однако до настоящего времени соответствующего определения закон не содержит. Верно отмечено, что «хотя законодатель широко оперирует словосочетанием «неприкосновенность частной жизни», нормативная дефиниция данного понятия в действующем российском уголовно-процессуальном законе (да и не только в нём) отсутствует. Нет определённости и в доктринальном её толковании. Большинство норм отраслевых законов, так или иначе отражающих право на неприкосновенность частной жизни, не имеют единой концепции защиты данного права, защищая один из составных его элементов» [3, с. 9]. По нашему мнению, частная жизнь, личная и семейная тайна – понятия, в современном обществе подвергающиеся серьезной трансформации. В частности, на наш взгляд, весьма серьезно изменились семейные отношения, само понятие «семья» теперь далеко не всегда – добровольный союз мужчины и женщины, отношения которых зарегистрированы в органах ЗАГС. Поэтому, на наш взгляд, круг лиц, включенных к семейные связи, гораздо шире того

аутентичного понимания, которое бытовало в обществе до последних десятилетий. Возникает вопрос: надлежащим ли образом защищены интересы лиц, хотя формально и не охватывающихся понятием «близкие родственники», по, по сути, являющиеся таковыми?

Тем не менее, интересы уголовного судопроизводства в определенных законом случаях предусматривают возможность ограничения права человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайную. Отмечено, что «основу уголовно-процессуальной деятельности на досудебных стадиях составляет производство следственных действий, подавляющее большинство которых связано с ограничением конституционных прав личности» [4, с. 213 - 214].

Реформирование уголовно-процессуального законодательства России было ориентировано на необходимость приведения его в соответствие с нормами международных документов о правах человека. И в целом можно констатировать, что значительная часть важнейших проблем на сегодняшний день решена: увеличен объем судебно-контрольной деятельности (фактически все следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан, проводятся только по судебному решению), расширены полномочия руководителя следственного органа, который теперь выступает своего рода «буфером» при принятии решений следователем о производстве процессуальных действий, ограничивающих права и свободы граждан, практически в полном объеме реализован принцип состязательности и равноправия сторон.

Однако следует отметить некоторую непоследовательность законодателя, связанную с реформированием отдельных норм уголовно-процессуального закона РФ. Так, в п. 3 ст. 5 УПК РФ [2] появилось понятие близкие лица – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений. Казалось бы, очевидный прогресс: существенно расширен круг лиц, чьи интересы защищены законом от незаконного вмешательства в сферу частных интересов. Однако при этом следуют подчеркнуть, что, в соответствии с п. 2 ч. 6 ст. 56 УПК РФ, свидетель не вправе отказываться от дачи показаний. При этом положения ст. 51 Конституции РФ могут применяться только в том случае, если свидетель дает показания в отношении близких родственников, к которым п. 4 ст. 5 УПК РФ относит только супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и родных сестер, дедушку, бабушку, внуков. Таким образом, если допрашиваемый не находится в указанном выше родстве с тем, в отношении кого он должен давать показания, на него не распространяется установленное ст. 51 Конституции РФ положение о праве не свидетельствовать против своих близких родственников.

Полагаем, данная норма уже не соотносится с современными реалиями нашей жизни. Согласно статистике, около 40 % пар в России живут в так называемом гражданском браке [8], то есть их отношения не оформлены в соответствии с семейным законодательством РФ. При этом, как показывают исследо-

вания, эти пары считают себя семьей со всеми вытекающими отсюда последствиями. В таких отношениях появляются дети, ведется совместное хозяйство, мужчина и женщина воспринимают свой союз, как семейный. Тем более шокирующей является для них ситуация, при которой вызвавший их на допрос в качестве свидетеля следователь сообщает им, что они обязаны давать показания против близкого человека, так как они не являются друг другу близкими родственниками. Попытки отказа от дачи показаний такими свидетелями заканчиваются привлечением последних к уголовной ответственности. Причем, с точки зрения закона такого рода действия сотрудников правоохранительных органов абсолютно обоснованы.

Российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не меняет свою позицию и не расширяет круг близких родственников, на которых может распространяться соответствующий свидетельский иммунитет.

Однако в европейских странах наблюдаются несколько иные тенденции. Во-первых, происходит расширение круга лиц, которые обладают свидетельским иммунитетом. Так, УК Франции 1992 г. распространил свидетельский иммунитет на супругов родственников лица, а также супругов его братьев и сестер. Более того, свидетельским иммунитетом обладает лицо, состоящее с исполнителем преступления «в явном сожительстве» (п. 3 § 434-1). Часть 3 ст. 293 УК Литвы исключила уголовную ответственность за дачу ложных показаний потерпевшим или свидетелем «при совершении ими этого во избежание ответственности членами их семьи либо близкими родственниками». В крайнем случае, вопрос об уголовной ответственности лица за дачу ложных показаний в отношении близких ему лиц может решаться на усмотрение суда, как это закреплено в § 157 УК Германии и ч. 2 ст. 308 УК Швейцарии [7].

Все вышеизложенное наводит на мысль о необходимости внесения изменений в положения ст. 5 УПК РФ. Полагаем, что необходимо унифицировать понятия «близкие родственники и близкие лица», фактически уравнивая их в правах, когда речь идет о предоставлении свидетельского иммунитета. Интересная (хотя и не бесспорная, на наш взгляд) формулировка «явное сожительство», закрепленная в УПК Франции, вполне применима и в российских реалиях, так как речь идет о защите права на неприкосновенность личности и тайну частной жизни.

Очевидно, реформирование уголовно-процессуального законодательства РФ продолжается. Закон должен реагировать на изменения, происходящие в социуме, учитывать трансформацию межличностных отношений, семейных связей. Совершенствование норм уголовно-процессуального закона, касающихся понятий «близкие лица» и «близкие родственники», а также норм гарантий, определяющих объем свидетельского иммунитета, позволит избежать произвольного вмешательства в сферу частной жизни лица и необоснованного ограничения права на личную и семейную тайну, гарантированные Конституцией РФ. Кроме того, полагаем, такого рода изменения благотворно скажутся на укреплении семейных связей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10103000/#ixzz6MtGa3rC3>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12125178/#ixzz6MtFvzybk>
3. Гонтарь С. Н. Особенности обеспечения неприкосновенности частной жизни лица на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2005. 26 с.
4. Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство). М.: Юстиц-информ. 2012. 320 с.
5. Нимитц (Niemietz) против Германии. Судебное решение от 16 декабря 1992 г. // *Niemietz v. Germany*, 16 December 1992, Series A no. 251-B // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. В 2 т. / отв. ред.: В.А. Туманов; редкол.: К. Бард, А.И. Владыченко, С.В. Водолагин, З. Наморадзе, М. Невилль, Б. Петранов, Г. Петцольд, С.В. Сироткин, Л.М. Энтин. М.: Норма, 2000. 808 с.
6. Судебная защита прав и свобод граждан: науч.-практ. пособие / Боголюбов С.А., Кашепов В.П., Колосова Н.М., Королев Ю.А., и др.; отв. ред.: В.П. Кашепов. М.: Норма, 1999. 255 с.
7. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=679
8. URL: <https://helprazvod.ru/okolorazvoda/statistika-brakov-i-izmen.html>

Об авторе:

ЯКОВЛЕВА Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», e-mail: yakovlevang@yandex.ru.

IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL LAW THE RIGHT TO PRIVACY, PERSONAL AND FAMILY SECRETS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

N.G. Yakovleva

Tver State University

The article is devoted to the problems of protecting the constitutional right to privacy in criminal proceedings. The article analyzes the formation of the concept of "private life", personal and family secrets, examines the current aspects of the application of criminal procedure legislation related to the restriction of the right to privacy, as well as the right not to testify against themselves and their loved ones.

Keywords: *privacy, pre-trial proceedings in criminal cases, investigative actions, close relatives and close persons, witness immunity.*

About author:

YAKOVLEVA Natalia – PhD, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Tver State University, (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: yakovlevang@yandex.ru

Яковлева Н.Г. Реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну в уголовном судопроизводстве // Материалы факультетских научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». 2020. С. 157 – 161.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
<i>Алещукина С. А.</i> Особенности судебной защиты трудовых прав	5
<i>Антонова Н. А.</i> Взаимодействие государственных и муниципальных органов власти на примере обеспечения населения медицинской помощью	15
<i>Барткова О.Г.</i> Нормативно-правовое закрепление публичных интересов и их связь с п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации	23
<i>Беспалов Ю. Ф.</i> Имущественный интерес в алиментных обязательствах: о пределах действия ст. 86 Семейного кодекса Российской Федерации	34
<i>Васильчук Ю.В.</i> Реализация права граждан на благоприятную окружающую среду: вопросы теории и практики применения	41
<i>Дронова Ю.А.</i> К вопросу о реализации института амнистии в современной России	52
<i>Жукова О.В.</i> Гукасян Р.Е. об особенностях реализации права на судебную защиту при пересмотре судебных постановлений	59
<i>Замрий О.Н.</i> Интерес в семейных отношениях: противоположность взглядов судов общей юрисдикции и Конституционного Суда Российской Федерации	63

<i>Ильина О.Ю.</i> О мнимом и (или) притворном характере интереса родителей в семейных правоотношениях	72
<i>Крусс В.И.</i> К теории конституционного интереса	81
<i>Крусс И.А.</i> Проблематика признания и приведения в исполнение решений иностранных судов российскими арбитражными судами	91
<i>Кувырченкова Т.В.</i> Определение правового положения «колониальных войск» в вооруженных конфликтах	97
<i>Сладкова А. А.</i> Соотношение публичных и частных интересов в сфере суженного дела	104
<i>Смирнов С.Н.</i> Развитие правового статуса крестьянства Российской империи в 1901–1913 годах	109
<i>Сухарев А.Н.</i> Предпринимательская деятельность и ее границы	129
<i>Туманова Л.В.</i> Субъекты гражданского процесса и проблема интереса	137
<i>Федина А.С.</i> Роль примирительных процедур в установлении баланса интересов гражданина и государства в гражданском судопроизводстве	148
<i>Яковлева Н.Г.</i> Реализация конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну в уголовном судопроизводстве	155

МАТЕРИАЛЫ ФАКУЛЬТЕТСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ
ИМ. ПРОФЕССОРА Р.Е. ГУКАСЯНА
«ЗАЩИТА ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ
ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН»

Подписано в печать 1.09.2020. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,42. Тираж 100 экз. Заказ № 208.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, кор. Б.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63